

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИШЕНААЛЫ
АРАБАЕВА**

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО РАЗВИТИЮ ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

БИШКЕК-2022

Хрестоматия по развитию профориентационной работы в образовательных организациях. – Бишкек, 2022. – 170 стр.

Составители:

Рецензенты:

Переводчик:

В данной хрестоматии сконцентрированы актуальные материалы, которые могут быть использованы в качестве содержательной основы для развития процесса профессиональной ориентации, самопознания у будущих воспитателей, учителей, преподавателей, педагогов дополнительного образования и др. Хрестоматия по развитию профориентационной работы в образовательных организациях адресована преподавателям и студентам, обучающимся по образовательным программам бакалавриата направления подготовки Педагогика.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ-ПЕДАГОГОВ.....	7
Марк Фабий Квинтилиан. Правила ораторского искусства.....	8
Мишель Монтень. Опыты.....	15
Ян Амос Коменский. Великая дидактика.....	24
Жан Жак Руссо. Эмиль, или о воспитании.....	36
РАЗДЕЛ 2. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ПЕДАГОГОВ XIX-XX ВЕКА.....	48
Н.И. Пирогов. Вопросы жизни.....	49
К. Д. Ушинский. Труд в его психическом и воспитательном значении.....	64
Н.К. Крупская. Выбор профессии. О политехнизме.....	68
С.Т. Шацкий. О сообществах сотрудников. О путях к новой школе.....	72
А. С. Макаренко. Выбор профессии.....	80
РАЗДЕЛ 3. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ПЕДАГОГОВ-НОВАТОРОВ.....	83
В.А. Сухомлинский Сто советов учителю.....	84
В. Д. Шаталов. О профессии учителя.....	93
С. Л. Соловейчик. От интересов к способностям.....	96
Ш.А. Амонашвили. Новая школа - это учитель.....	107
РАЗДЕЛ 4. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕДАГОГОВ.....	115
Джон Дьюи. Школа и общество.....	116
Александр Нилл. Судьбы выпускников Саммерхилла.....	121
Селестен Френе. О концепции нового воспитания	125
Мария Монтессори. Подготовка учителя.....	128
РАЗДЕЛ 5. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЮБВИ К ТРУДУ И К ПРОФЕССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЫРГЫЗСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ.....	138
Тоголок Молдо. Джанбакты.....	139

Токтогул Сатылганов. Служи народу, он тебя поймет.....	141
Осмонкул Болобалаев. Гимн труду.....	144
Мукай Элебаев. Томлюсь.....	145
Джоомарт Боконбаев Учитель.....	146
Джусуп Турусбеков. Детям.....	146
Кубанычбек Маликов. Учитель.....	147
Алыкул Осмонов. Учитель, Маляр, Дувалчи, Плотник	149
Чингиз Айтматов. Первый учитель.....	151
Личная история.....	157
Перечень заданий для работы с хрестоматийными текстами	168
Библиографический список	169

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе социально-экономического развития Кыргызской Республики возникает необходимость в совершенствовании проблемы теории и практики профессиональной ориентации. В связи с этим анализ исторического развития, достижений деятельности по профессиональной ориентации имеют большое значение для совершенствования процесса выбора профессии.

В данной хрестоматии сконцентрированы актуальные материалы, которые могут быть использованы в качестве содержательной основы для развития процесса профессиональной ориентации, самопознания у будущих воспитателей, учителей, преподавателей, педагогов дополнительного образования и др. Хрестоматия по проблемам профессиональной ориентации адресована преподавателям и студентам, обучающимся по образовательным программам бакалавриата направления подготовки Педагогика. **Назначение пособия** – способствовать формированию у студентов целостных представлений, понимания о состоянии вопроса выбора профессии, самопознания, саморефлексии; способствовать развитию информационной компетентности через содержательный критический анализ предложенных статей, материалов, путем выделения в ней важных, главных составляющих.

Хрестоматия составлена на основе фрагментов 26 источников, освещающих историческое состояние вопроса выбора профессии, а также особенности трудового воспитания в образовательных системах различных стран мира. Отобранные источники позволяют проследить развитие представлений о вопросе выбора профессии и популяризации труда, трудового воспитания в работах классиков педагогики.

В хрестоматии представлены аналитические и научные статьи, полемизирующие научно-популярные статьи периодических изданий, фрагменты исследований. Жанровое многообразие текстов не является случайным – специфическое преломление той или иной образовательной проблемы в работах ученого, специалиста-практика, журналиста, писателей, поэтов позволяет увидеть и проанализировать проблему во множественных ракурсах; научает студентов рефлексивно воспринимать демонстрируемые авторами способы актуализации и решения проблем (характер описания, логичность, структурированность, стиль изложения, экспрессивность и пр.).

Хрестоматия состоит из пяти разделов. В каждом разделе предлагаются труды авторов, относящихся к этому периоду развития истории педагогики. А также

каждый раздел открываются высказываниями выбранных авторов-педагогов по проблемам обучения, воспитания, образования, развития, формирования.

Первый раздел хрестоматии открывает для читателей педагогические мысли классиков-педагогов Марка Квинтилиана, Мишель Монтеня, Яна Амоса Коменского, Жан Жака Руссо. Каждый из этих авторов писал о важности профессиональной ориентации и самостоятельного выбора профессии, акцентируя наше внимание на учет возрастных особенностей и свободу выбора личности.

Второй раздел хрестоматии включает тексты из сочинений Н.И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Н.К. Крупской, С.Т. Шацкого, А. С. Макаренко. В разделе даются тексты, актуализирующие проблему отношения общества к выбору профессии.

Третий раздел хрестоматии составили материалы, освещающие актуальные проблемы образования, которые характерны для той или иной его ступени или уровня. Читатели знакомятся с трудами педагогов-новаторов, которые творили и предлагали свои концепции в середине XX века. Их выводы по тем или иным вопросам педагогики были инновационными, и способствовали рождению нового взгляда и новых возможностей для развития качественного образования. К темам, выдвигаемые педагогами-новаторами относились темы профессиональной ориентации, правильной выбора профессии, развитие самопознания, отношение к труду.

Четвертый раздел хрестоматии предлагает ознакомиться с трудами видных зарубежных педагогов, таких как Джон Дьюи, Александр Нилл, Селестене Френе, Мария Монтессори. Эти педагоги своими реформами изменили систему образования. Их опыт, идеи, инновации успешно перенимаются и современной системе образования.

Пятый раздел хрестоматии знакомит с произведениями кыргызских поэтов и писателей, которые открывают двери в понимание вопроса уникальности любой профессии и важности занятия трудом. Эти и другие произведения писателей и поэтов составляют величайшее наследие кыргызской культуры.

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ

Что может быть честнее и благороднее, как научить других тому, что сам наилучшим образом знаешь?

Марк Фабий Квинтилиан (древнеримский оратор)

Для того чтобы обучить другого, требуется больше ума, чем для того, чтобы научиться самому.

Самое главное — это прививать вкус и любовь к науке; иначе мы воспитаем просто ослов, нагруженных книжной премудростью.

Мишель Монтень (французский философ)

Им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под этим солнцем.

Вечным законом да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применение на деле.

Ян Амос Коменский (чешский педагог)

Величайшая ошибка, которую только можно сделать в деле воспитания, — это чересчур торопиться.

Истинное воспитание состоит не столько в правилах, сколько в упражнениях. Если вы хотите воспитать ум вашего ученика, воспитывайте силы, которыми он должен управлять. Постоянно упражняйте его тело; делайте его здоровым и сильным; пусть он работает, действует, бегает, кричит; пусть всегда находится в движении; пусть будет он человеком по силе, и вскоре он станет им по разуму... Если мы хотим извратить этот порядок, то произведем скороспелые плоды, в которых не будет ни зрелости, ни вкуса и которые не замедлят испортиться: у нас будут юные ученые и старые дети.

Жак Жак Руссо (французский философ и писатель)

МАРК ФАБИЙ КВИНТИЛИАН
ПРАВИЛА ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

(Книга десятая)

...Бесспорно, профессия оратора основана главным образом на красноречии; он должен упражняться преимущественно в нем, — отсюда, очевидно, получило свое начало ораторское искусство, — второе место занимает подражание образцам и третье — усиленное упражнение в письме. Дойти до высшей ступени можно только снизу; но, если дело подвигается вперед, главное прежде начинает терять всякое значение.

Я, однако, говорю здесь не о системе воспитания будущего оратора,— об этом я говорил довольно подробно или, по крайней мере, насколько был в силах — я хочу дать правила, с помощью каких упражнений следует готовить к самому состязанию атлета, уже проделавшего все номера, показанные его учителем. Моя цель — дать тому, кто выучился находить подходящие выражения и группировать их, указания, каким образом в состоянии он всего лучше, всего легче применить к делу то, что усвоил.

Тогда может ли быть еще сомнение, что ему необходимо запастись своего рода туго набитым кошельком и пользоваться им в случае надобности? — Я имею в виду богатый выбор выражений и слов. Но и эти выражения должны быть отдельными для каждого предмета и общими лишь для немногих, слова — отдельными для всякого предмета. Если бы для каждой вещи было свое слово, хлопот было бы, конечно, меньше, — все они тотчас приходили бы на ум при одном взгляде на предмет; между тем одни из них удачнее, эффектнее, сильнее или звучат лучше других. Поэтому всех их следует не только знать, но и иметь под рукой или даже, если можно выразиться, перед глазами, чтобы, руководясь своим вкусом, будущий оратор легко выбирал лучшие из них. Я, по крайней мере, знаю лиц, которые имеют привычку учить наизусть синонимы, чтобы легче выбирать из массы их какой-нибудь и, употребив один, брать, во избежание повторения, другой синоним, если повторение необходимо сделать через короткий промежуток. Прием, во-первых, детский и скучный, во-вторых, малополезный, — набирать лишь кучу слов, с целью взять без разбора первое попавшееся. Напротив, нам следует пользоваться богатым выбором слов умело, так как мы должны иметь перед глазами не рыночную болтовню, а настоящее красноречие, последнего же мы достигаем путем чтения или слушания лучших образцов. Тогда мы научимся не только называть, но и называть всего удачнее каждый из предметов.

В речи могут употребляться почти все слова, за исключением немногих, неприличных. Если ямб графов и писателей древней комедии часто хвалили и за них, нам, преследуя свои задачи, все-таки необходимо быть осторожными.

Все слова, за исключением тех, о которых я говорил выше, вполне хороши везде, — иногда приходится прибегать и к словам простонародным и вульгарным; кажущиеся грубыми, в тщательно отделанных частях, оказываются удачными, если они уместны.

Знать и понимать не только их значение, но грамматические их формы и количественные размеры, чтобы употреблять затем исключительно на своем месте, мы можем только путем усидчивого чтения и слушания, так как всякое слово мы, прежде всего, слышим. Вот почему грудные дети, выкормленные по приказанию некоторых царей, в уединении, немыми кормилицами, издавали, рассказывают, какие-то звуки, но говорить не могли. (...)

В некоторых случаях, однако, больше пользы в слушании, в других — в чтении. Оратор действует на нас своим собственным воодушевлением, возбуждает не только описанием, абрисом предмета, но и самым предметом.

Все в нем живет и движется; мы слушаем что-то новое, как бы зарождающееся, и слушаем с удовольствием, соединенным с беспокойством. Мы боимся не только за исход процесса, но и лично за оратора. Затем голос, изящная, красивая жестикауляция в тех местах, где она необходима, далее декламация, — едва ли не самое важное в речи, вообще, все действует одинаково поучительно. Читая, мы судим вернее, слушая же, часто отдаемся на волю собственной симпатии или одобрительных криков других. стыдно расходиться с ними во взглядах; своего рода молчаливая скромность не позволяет нам верить больше себе, а между тем большинству нравится иногда дурное, в свою очередь, клика хвалит даже то, что не нравится никому. Бывает, обратно, что невежественная публика отказывает в заслуженном одобрении даже прекрасной речи.

Чтение — свободно в суждениях; оно не летит так быстро, как речь, напротив, можно часто повторять отдельную фразу, если ты ее не понимаешь или хочешь запомнить. Советую повторять прочитанное, вдумываясь в каждое слово. Пищу нам следует есть пережеванною, почти в виде кашицы, чтобы ее легко переваривал желудок; так и прочитанное надо запоминать не в сыром, если можно выразиться, виде, а в разжеванном, путем многократных повторений, как бы размяченном, с целью взять потом себе за образец.

Долгое время мы должны читать исключительно лучших авторов, таких, которые всего менее способны обмануть оказываемое им доверие, читать внимательно и даже с такою тщательностью, как если бы ты сам писал книгу, разбирать все сочинение не только по частям, а после прочтения книги следует приняться за нее снова, в особенности за речи, красоты которых нередко скрывают преднамеренно.

Оратор часто готовится, притворяется, ставит ловушки и говорит в первой части речи то, что должно произвести свое действие лишь в конце. Вот почему, пока мы не знаем, для чего это сказано, оно кажется нам неуместным; поэтому, узнав все, нам следует прочесть речь еще раз.

Приступая к чтению, необходимо, однако, быть свободным от предубеждения, что каждое слово великого писателя носит на себе печать совершенства, — и они подчас теряют почву под ногами, и они выбиваются из сил, и они отдаются капризам своего таланта, не всегда энергичны, иногда устают. Цицерону кажется, что спит подчас Демосфен, а Горацию — даже сам Гомер. Правда, они гении, но они же и люди. Случается также, что те, кто считают законом для оратора все, что находят в великих писателях, — подражают их ошибкам — что легче — и высшую степень сходства с великими людьми считают в том, что разделяют их недостатки. Но судить о великих людях следует скромно и осторожно, чтобы — как это бывает с очень многими — не отнестись строго к тому, чего не понимаешь, и, если нельзя не ошибиться в том или ином отношении, желаю, чтобы читателю скорей понравилось в их произведениях все, нежели не понравилось многое (...)

По словам Теофраста, чтение поэтов весьма полезно для будущего оратора. Многие разделяют этот взгляд, и вполне основательно. У поэтов можно заимствовать полет мысли, возвышенный тон, всякого рода сильные аффекты, удачную обрисовку характеров. Приятное чувство, доставляемое чтением их, может действовать освежающим образом, в особенности на тех, кого утомляет ежедневная практика, как юриста по профессии. На этом основании Цицерон считает чтение подобного рода — отдыхом.

Тем не менее, необходимо помнить, что оратор не должен слепо подражать поэтам; например, в свободном выборе слов или вольности конструкции. Поэзией можно только любоваться издали. Кроме того, что единственная ее цель — наслаждение, причем цели этой она старается достичь не только невероятными, но и прямо чудовищными вымыслами, извинением ей служит еще одно

обстоятельство: заключенная в тесные рамки определенного стихотворного размера, она не всегда в состоянии употреблять соответствующие выражения. Ей приходится сходить с прямой дороги и пробираться, чтобы дойти до известного выражения, стороной; она должна не только менять отдельные слова, но и удлинять, сокращать, переставлять или делить; нам, между тем, следует стоять вооруженными в строю, рассуждать о предметах в высшей степени серьезных и стремиться к победе. Я не хотел бы, чтобы наше оружие было покрыто грязью и ржавчиной, нет, оно должно иметь блеск и наводить им страх, как, например, железо, блеск которого пугает одновременно ум и зрение, но не блеск золота или серебра, не имеющий с войной ничего общего и скорей опасный, нежели полезный его собственнику.

Оратор может находить своего рода богатую и приятную пищу и в чтении истории; только читая ее, следует помнить, что оратору должно остерегаться подражать большинству того, что служит к чести историка. Между историей и поэзией существует очень тесная связь,— первая из них своего рода неотделанное стихотворение; она пишется для рассказа, не для доказательств; все произведение имеет целью не современников — рассказывает не о деятельности юриста,— она должна служить памятником в потомстве, приобретая имя автору, вследствие чего путем архаизмов и более свободным употреблением фигур он старается отнять. У своего рассказа скучный характер.

...Из чтения историков можно сделать и другое употребление и даже самое важное, — что, однако, не имеет отношения к данному месту — оратору безусловно необходимо быть знакомым с событиями и примерами, чтобы брать эти примеры не исключительно от тяжущихся сторон, но заимствовать преимущественно из древней истории, с которой следует быть хорошо знакомым. Они производят тем большее впечатление, что только они и свободны от упрека в симпатиях или антипатиях.

Но если нам приходится заимствовать многое путем чтения философов, виной тому сами ораторы. По крайней мере, они поступились в пользу первых своими благороднейшими задачами. Вопросами о сущности справедливого, честного, полезного и противоположных им понятий и, главным образом, религиозными вопросами занимаются и с увлечением спорят при этом — философы. В особенности могут оказать пользу будущему оратору своею диалектикой и своей системой вопросов — сократики. Но здесь одинаково необходимо поступать осмотрительно. Мы, правда, рассуждаем об одном и том же,

тем не менее должно знать, что есть разница между речью на суде и разговором философского характера, форумом и аудиторией, как между теорией и процессом.
(...)

...Умение говорить экспромтом — лучший результат учения и своего рода самая богатая награда за долгие труды. Кто окажется не в состоянии приобрести его, должен, по крайней мере, по моему убеждению, отказаться от мысли о профессии юриста и своей единственной способности владеть пером найти лучше другое применение: человек честный едва ли может со спокойной совестью обещать свои услуги помочь общему делу, если не в силах оказать ее в самую критическую минуту; он был бы похожим на порт, куда корабль может войти — только при тихой погоде. Есть, между тем, масса случаев, когда оратору необходимо говорить экспромтом — или перед магистратами, или перед наскоро составленным трибуналом. Если это случится,— не говоря уже с кем-либо из невинных граждан, а даже с чьим-либо приятелем или родственником,— что ж, он должен стоять немым и, в то время как они ждут его спасительного слова и могут немедленно погибнуть, если им не помочь,— требовать отсрочки, возможности уединиться или тишины, пока мы приготовим свою «спасительную» речь, запишем и приведем в порядок свои легкие и грудь?.. Но какая теория может позволить какому-нибудь оратору когда-либо оставлять без внимания случайности? Что выйдет, если придется отвечать противнику? — Часто то, что мы ожидали и против чего сделали письменные возражения, не оправдывает возлагаемых на него надежд; все дело разом меняется, и, как шкипер меняет курс, смотря по направлению ветра, так адвокат меняет свой план в процессе, смотря по переменам в ходе этого процесса. Далее, что толку в усидчивых стилистических упражнениях, прилежном чтении и долгом курсе учения, если продолжают оставаться те же затруднения, как и вначале? Без сомнения, тот должен считать свои прежние труды пропавшими даром, кому приходится трудиться постоянно над одним и тем же.

Я, впрочем, хлопочу не о том, чтобы будущий оратор отдавал предпочтение импровизациям, но о том, чтобы мог произносить их; это же достигается всего лучше следующим образом. **Во-первых**, необходимо иметь представление о плане речи, — нельзя добежать до призового столба, не зная предварительно, в каком направлении и каким путем следует бежать к нему. Так мало и знать основательно части судебной речи или уметь правильно ставить главные вопросы, — хотя это весьма важно — нужно знать также, при всяком случае, что поставить

на первом месте, что на втором и т. д. Связь здесь так естественна, что нельзя ничего переставить или выбросить, не внося дисгармонии. Но желающий построить свою речь методически, прежде всего, пусть возьмет своего рода руководителем самый порядок вещей, поэтому люди, даже мало практиковавшиеся, очень легко умеют сохранить нить в своем рассказе.

Далее, они должны знать, где что искать, не глазеть по сторонам, не сбиваться с толку не идущими к делу сентенциями и вносить беспорядок в речь — чуждыми элементами, прыгая, если можно выразиться, то туда, то, сюда и ни на минуту не останавливаясь на месте. Следует, кроме того, держаться меры и цели, чего не может быть без деления. Сделав, по мере возможности, все предложенное, мы приходим к убеждению, что покончили со своею задачей. Все это дело теории, дальнейшее — практики: приобретение запаса лучших выражений сообразно предписанным заранее правилам, образование слога, путем продолжительных и добросовестных стилистических упражнений, причем даже то, что случайно сходит с пера, должно носить характер написанного, и, наконец, долгие устные беседы при долгих письменных работах,— легкость дают преимущественно привычка и практика. Если их прервать хоть на короткое время, не только ослабевает прославленная эластичность, но становится неповоротливым и самый язык,— его сводит: хотя здесь необходима своего рода природная живость ума, чтобы в тот момент, когда мы говорим ближайшее, мы могли строить дальнейшее предположение и чтобы к только что сказанному всегда примыкала заранее составленная фраза, все же едва ли природа или теоретические правила в состоянии дать столь разнообразное применение мозговой работе, чтобы ее одновременно доставало для инвенции, диспозиции, выражения, правильной последовательности слов и мыслей — как в отношении того, что говорят или что намерены сказать сейчас, так и в отношении того, что следует иметь в виду потом — и внимательного отношения к своему голосу, декламации и жестикуляции. Необходимо быть внимательным далеко заранее, иметь мысли у себя перед глазами и потраченное до сих пор на произнесение речи пополнять, заимствуя из недосказанного еще, чтобы, пока мы идем к цели, мы, если можно выразиться, шли вперед не меньше глазами, нежели ногами, раз не желаем стоять на месте, ковылять и произносить свои короткие, отрывистые предложения на манер заикающихся.

Мне кажется, человек, говорящий неправильно, неизячно и необстоятельно, не говорит, а звонит. Никогда не стану я восторгаться и стройной импровизацией, раз вижу, что этого не занимать стать даже у сварливых баб. Другое дело, если у

импровизатора воодушевление гармонирует с вдохновением, — тогда бывает часто, что и тщательно отделанная речь не в состоянии сравниться по благоприятному впечатлению с экспромтом. Ораторы старой школы, например Цицерон, объясняли такие случаи помощью, оказываемой в этот момент божеством. Но причина здесь очевидна: сильнодействующие аффекты и яркие образы предметов несутся густою толпой, между тем при медленном процессе писания все это иногда остывает и, благодаря упущенному удобному моменту, не возвращается обратно. Если же к этому присоединятся не идущие к делу софистические приемы постановки, в речи, на всяком шагу, об энергии и силе не может быть и разговора, — если даже выбор каждого выражения и вполне удачен, речь все-таки следует назвать не литой, а склеенной по кусочкам.

Необходимо поэтому удерживать в своей памяти те именно образы предметов, о которых я говорил ранее и которые мы называли *avjaoiai*, иметь перед глазами все вообще, о чем мы намерены говорить, — персонажи, вопросные пункты и чувства надежды и страха, с целью подогреть свои страсти: красноречивыми делает сердце в соединении с умом. Вот почему даже у людей необразованных не оказывается недостатка в словах, если, только они находятся под влиянием какого-либо аффекта.

Затем следует обращать внимание не на одну какую-нибудь вещь, но разом на несколько, тесно связанных между собою. Так, если мы смотрим иногда на дорогу в прямом направлении, мы глядим одновременно и на все, что находится по обеим ее сторонам, и видим не только крайние предметы, но и все, до линии горизонта. Заставляет говорить также самолюбие. Может показаться удивительным, что в то время, как для стилистических упражнений мы ищем уединения и избегаем всякого общества, импровизатор приходит в возбуждение, благодаря многочисленной аудитории, как солдат — военному сигналу: необходимость говорить заставляет, принуждает облекать в форму и самые трудные для передачи мысли, а желание нравиться увеличивает воодушевление, приводящее к счастливым результатам. Все настолько сводится к жажде награды, что даже красноречие, имея главную прелесть в самом себе, однако ж в очень большой степени заинтересовано минутными выражениями похвалы и общественного мнения. Только никто не должен рассчитывать на свой талант настолько, чтобы надеяться говорить экспромтом с первого же раза, — как мы уже советовали в главе «об обдумывании темы», в деле импровизации следует идти к совершенству постепенно, начиная с малого, а это можно приобрести и упрочить

исключительно путем практики. Здесь, однако, нужно стараться, чтобы обдуманное сочинение не было всегда лучшим, а лишь более надежным в сравнении с импровизацией, — эту способность многие владели не только в прозе, но и в стихах (...)

Не следует обходить молчанием и то, что рекомендует тот же Цицерон, — не позволять себе относиться небрежно ни к одному нашему слову: все, что мы говорим где бы то ни было, должно, конечно, по мере возможности, носить на себе печать совершенства.

Писать, конечно, следует всего больше тогда, когда мы намерены долго говорить экспромтом, — этим путем мы сохраним силу выражения, причем легко плавающие на поверхности слова должны будут уйти в глубину. Так крестьянин обрезает ближайšie к почве корни виноградной лозы, чтобы укрепилась, глубже проникая в нее, нижние. Декламация и письменные упражнения могут, пожалуй, взаимно принести пользу, если ими заниматься серьезно и старательно: благодаря письменным упражнениям, мы будем осторожно выражаться, благодаря декламациям — легче писать. Значит, писать речи надо всякий раз, как это будет возможно; если же этого сделать нельзя, необходимо обдумать тему, когда же немислимо ни то, ни другое, следует все-таки стараться защитнику не казаться захваченным врасплох, клиенту — брошенным на произвол судьбы. (...)

По-моему же мнению, не следует записывать того, что мы в состоянии сохранить путем запоминания, — иногда наша мысль невольно обращается к написанному, не позволяя попытать счастья в импровизации. Тогда наш ум беспомощно начинает колебаться из стороны в сторону, так как он и забыл написанное, и не ищет нового. (...)

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ

ОПЫТЫ

Глава XXVI.

...Приемы, к которым обращаются в земледелии до посева, хорошо известны, и применение их не составляет труда, как, впрочем, и самый посев; но едва то, что посеяно, начнет оживать, как перед нами встает великое разнообразие этих приемов и множество трудностей, необходимых, чтобы его взрастить. То же самое и с людьми: невелика хитрость посеять их; но едва они появились на свет, как на вас наваливается целая куча самых разнообразных забот, хлопот и тревог, как же их вырастить и воспитать.

Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и столько других! До чего не похожи были они на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности, люди же, быстро усваивающие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик.

Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, чего те, как следует усвоить не в состоянии. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах следует неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души. Даже Платон, на мой взгляд, придавал им в своем «Государстве» чрезмерно большое значение...

Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искательство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы, выбирая ему наставника, вы отнеслись к этому с возможной тщательностью; желательно, чтобы это был человек скорее с хорошей, чем с туго набитой головой, ибо, хотя нужно искать такого, который обладал бы и тем и другим, все же добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености; и нужно также, чтобы, отправляя свои обязанности, он применил новый способ обучения.

Нам без отдыха и срока жужжат в уши, сообщая разнообразные знания, в нас вливают их, словно воду в воронку, и наша обязанность состоит лишь в повторении того, что мы слышим. Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына отказался от этого обычного приема и чтобы с самого начала, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предоставил ему возможность свободно проявлять эти склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда

указывая ему путь, иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому. Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он тоже слушал своего питомца. Сократ, а впоследствии и Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами.

Пусть он заставит ребенка пройтись перед ним, и таким образом получит возможность судить о его походке, а следовательно, и о том, насколько ему самому нужно сжаться, чтобы приспособиться к силам ученика. Не соблюдая здесь соразмерности, мы можем испортить все дело; меньше отыскать такое соответствие и разумно его соблюдать - одна из труднейших задач, какие только я знаю. Способность снизить до влечений ребенка и руководить ими присуща лишь душе возвышенной и сильной. Что до меня, то я тверже и увереннее иду в гору, нежели спускаюсь с горы.

Если учителя, как это обычно у нас делается, просвещают своих многочисленных учеников, преподнося им всем один и тот же урок и требуя от них одинакового поведения, хотя способности их вовсе не одинаковы, но отличаются и по своему объему, и по своему характеру, то нет ничего удивительного, что среди огромной толпы детей найдется всего два или три ребенка, которые извлекают настоящую пользу из подобного преподавания.

Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и самую суть его, и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни. И пусть, объясняя что-либо ученику, он покажет ему это с сотни разных сторон и применит к множеству различных предметов, чтобы проверить, понял ли ученик как следует и в какой мере усвоил это; и в последовательности своих разъяснений пусть он руководствуется примером Платона. Если кто изрыгает пищу в том самом виде, в каком проглотил ее, то это свидетельствует о неудобоваримости пищи и о несварении желудка. Если желудок не изменил качества и формы того, что ему надлежало сварить, значит, он не выполнил своего дела.

...Пусть наставник заставляя ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, и пусть ничего не вдабливает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние; пусть принципы Аристотеля не становятся его неизменными основами, равно как не становятся ими и принципы стоиков или эпикурейцев. Пусть учитель изложит ему, чем отличаются эти учения друг от друга; ученик же, если это будет ему по силам, пусть сделает выбор

самостоятельно или, по крайней мере, останется при сомнении. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности.

Ибо, если он примет мнения Ксенофонта или Платона, поразмыслив над ними, они перестанут быть их собственностью, но сделаются также и его мнениями. Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует. Он ничего не находит; да и не ищет он ничего. Главное - чтобы он знал то, что знает. Нужно, чтобы он проникся духом былых мыслителей, а не заучивал их наставления. И пусть он не страшится забыть, если это угодно ему, откуда он почерпнул эти ВЗГЛЯДЫ, лишь бы он сумел сделать их своей собственностью. Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. То-то и то-то столь же находится в согласии с мнением Платона, сколько с моим, ибо мы обнаруживаем здесь единомыслие и смотрим на дело одинаковым образом. Пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать мед, который, однако, есть целиком их изделие; ведь это уже больше не тимьян или майоран. Подобным же образом и то, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением. Его воспитание, его труд, его учение служат лишь одному: образовать его личность.

...Только рассудок, говорил Эпихарм, все видит и все слышит; только он умеет обратить решительно все на пользу себе, только он располагает всем по своему усмотрению, только он действительно деятелен - он господствует над всем и царит; все прочее слепо, глухо, бездушно. Правда, мы заставляем его быть угодливым и трусливым, дабы не предоставить ему свободы действовать хоть в чем-нибудь самостоятельно. Кто же спрашивает ученика о его мнении относительно риторики и грамматики, о том или ином изречении Цицерона? Их вколачивают в нашу память в совершенно готовом виде, как некие оракулы, в которых буквы и слоги заменяют сущность вещей. Но знать наизусть еще вовсе не значит знать; это только держать в памяти то, что ей дали на хранение. А тем, что знаешь по-настоящему, ты вправе распорядиться, не оглядываясь на хозяина, не кося глазами на книгу. Ученость чисто книжного происхождения - жалкая ученость! Я считаю, что она украшение, но никак не фундамент; в этом я следую Платону, который говорит, что истинная философия — это твердость, верность и добросовестность; прочие же знания и все, что направлено к другой цели, не более, как румяна.

...Недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его мышцы. Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она несет его за двоих. Я-то хорошо знаю, как тяжело приходится моей душе в компании со столь нежным и чувствительным, как у меня, телом, которое постоянно ищет ее поддержки. И, читая различных авторов, я не раз замечал, что то, что они выдают за величие духа и мужество, в гораздо большей степени свидетельствует о толстой коже и крепких костях. Мне доводилось встречать мужчин, женщин и даже детей, настолько нечувствительных от природы, что удары палкою значили для них меньше, чем для меня щелчок по носу: получив удар, такие люди не только не вскрикнут, но даже и бровью не поведут. Когда атлеты своею выносливостью уподобляются философам, то здесь скорее сказывается крепость их мышц, нежели твердость души. Ибо привычка терпеливо трудиться — это то же, что привычка терпеливо переносить боль. Нужно закалять свое тело тяжелыми и суровыми упражнениями, чтобы приучить его стойко переносить боль и страдания от вывихов, колик, прижиганий и даже от мук тюремного заключения и пыток. Ибо надо быть готовым и к этим последним; ведь в иные времена и добрые порой разделяют участь злых. Мы хорошо знаем это по себе!

...Что до той школы, которой является общение с другими людьми, то тут я нередко наталкивался на один обычный порок: вместо того чтобы стремиться узнать других, мы хлопочем только о том, как бы выставить себя напоказ, и наши заботы направлены скорее на то, чтобы не дать залежаться своему товару, нежели чтобы приобрести для себя новый.

Молчаливость и скромность - качества, в обществе весьма ценные. Ребенка следует приучать к тому, чтобы он был бережлив и воздержан в расходовании знаний, которые им будут накоплены; чтобы он не оспаривал глупостей и вздорных выдумок, высказанных в его присутствии, ибо весьма невежливо и нелюбезно отвергать то, что нам не по вкусу. Пусть он довольствуется исправлением самого себя и не корит другого за то, что ему самому не по сердцу; пусть он не восстает также против общепринятых обычаев. Пусть он избегает придавать себе заносчивый и надуманный вид, избегает ребяческого тщеславия, состоящего в желании выделяться среди других и прослыть умнее других, пусть не гонится он за известностью человека, который бранит все и вся и пыжится выдумать что-то новое... Следует научить ребенка вступать в беседу

или в спор только в том случае, если он найдет, что противник достоин подобной борьбы; его нужно научить также не применять все те возражения, которые могут ему пригодиться, но только сильнейшие из них. Надо приучить его тщательно выбирать доводы, отдавая предпочтение наиболее тонким, а следовательно, и кратким. Но, прежде всего, пусть научат его склоняться перед истиной и складывать перед нею оружие, лишь только он увидит ее - независимо от того, открылась ли она его противнику или озарила его самого. Ведь ему не придется подыматься на кафедру, чтобы читать предписанное заранее. Ничто не обязывает его защищать мнения, с которыми он не согласен.

...Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия к чему он в первую очередь и должен стремиться; что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их - свойства весьма обыденные присущие чаще всего наиболее низменным душам и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора - качества редкие, ценные и свойственные философам.

Его следует также наставлять, чтобы, бывая в обществе, он присматривался ко всему и ко всем, ибо я нахожу, что наиболее высокого положения достигают обычно люди не слишком способные и что судьба осыпает своими дарами отнюдь не самых достойных. Так, например, я не раз наблюдал, как на верхнем конце стола, за разговором о красоте какой-нибудь шпалеры или о вкусе мальвазии, упускали много любопытного из того, что говорилось на противоположном конце. Он должен добраться до нутра всякого, кого бы ни встретил,- пастуха, каменщика, прохожего; нужно использовать все и взять от каждого по его возможностям, ибо все, решительно все пригодится,- даже чьи-либо глупость или недостатки содержат в себе нечто поучительное. Оценивая достоинства и свойства каждого, юноша воспитает в себе влечение к их хорошим чертам и презрение к дурным.

Пусть его душе будет привита благородная любознательность; пусть он осведомляется обо всем без исключения; пусть осматривает все примечательное, что только ему ни встретится, будь то какое-нибудь здание, фонтан, человек, поле битвы, происходившей в древности, места, по которым проходили Цезарь или Карл Великий.

Пусть он осведомляется о нравах, о доходах и связях того или иного государя. Знакомиться со всем этим весьма занимательно и знать очень полезно.

В это общение с людьми я включаю, конечно, и притом в первую очередь, и общение с теми, воспоминание о которых живет только в книгах. Обратившись к истории, юноша будет общаться с великими душами лучших веков. Подобное изучение прошлого для иного - праздная трата времени; другому же оно приносит неоценимую пользу. История - единственная наука, которую чтити, по словам Платона, лакедемоняне. Каких только приобретений не сделает он для себя, читая жизнеописания нашего милого Плутарха? Пусть, однако, мой воспитатель не забывает, в чем его основная задача; пусть он старается запечатлеть в памяти ученика не столько дату разрушения Карфагена, сколько нравы Ганнибала и Сципиона; не столько, где умер Марцелл, сколько то, почему, окончив жизнь так-то и так-то, он принял недостойную его положения смерть. Пусть он преподаст юноше не столько события, сколько умения судить о них. Это, по-моему, в ряде прочих наук именно та область знаний, к которой наши умы подходят с самыми разнообразными мерками. Я вычитал у Тита Ливия сотни таких вещей, которых иной не приметил; Плутарх же - сотни таких, которых не сумел вычитать я, и, при случае, даже такое, чего не имел в виду и сам автор. Для одних это чисто грамматические занятия, для других - анатомия философии, открывающая нам доступ в наиболее сокровенные закоулки нашей природы.

...За примерами могут с удобством последовать наиболее полезные философские правила, к которым надлежит прикладывать для проверки человеческие поступки. Пусть наставник расскажет своему питомцу, что означает: знать и не знать; какова цель познания; что такое храбрость, воздержанность и справедливость; в чем различие между жадностью и честолюбием, рабством и подчинением, распушенностью и свободой; какие признаки позволяют распознавать истинное и устойчивое довольство; до каких пределов допустимо страшиться смерти, боли или бесчестия, какие пружины приводят нас в действие и каким образом в нас возникают столь разнообразные побуждения. Ибо я полагаю, что рассуждениями, долженствующими в первую очередь напитать его ум, должны быть те, которые предназначены внести порядок в его нравы и чувства, научить его познавать самого себя, а также жить и умереть подобающим образом.

После того как юноше разъяснят, что же, собственно, ему нужно, чтобы сделаться лучше и разумнее, следует ознакомить его с основами логики, физики,

геометрии и риторики; и, какую бы из этих наук он ни выбрал, - раз его ум к этому времени будет уже развит, - он быстро достигнет в ней успехов. Преподавать ему должны то путем собеседования, то с помощью книг; иной раз наставник просто укажет ему подходящего для этой цели автора, а иной раз он изложит содержание и сущность книги в совершенно разжеванном виде. А если сам воспитатель не настолько сведущ в книгах, чтобы быть в состоянии отыскивать в них подходящие для его целей места, то можно будет дать ему в помощь какого-нибудь ученого человека, который каждый раз будет снабжать его тем, что требуется, а наставник потом будет уже сам указывать и предлагать их своему питомцу. Можно ли сомневаться, что подобное обучение много приятнее и естественнее, чем преподавание по способу Газы? Там докучные и трудные правила, слова, пустые и как бы бесплотные; ничто не влечет вас к себе, ничто не будит ума. Здесь же наша душа получит вдоволь поживы, здесь найдется, чем и где погостить. Плоды здесь несравненно более крупные, и созревают они быстрее.

...Поскольку философия учит жизни и детский возраст совершенно так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, почему бы не приобщить к ней и детей?

А между тем нас учат жить, когда жизнь уже прошла. Сотни школяров заражаются сифилисом прежде, чем дойдут до того урока из Аристотеля, который посвящен воздержанию. Цицерон говорил, что, проживи он даже двойную жизнь, все равно у него не нашлось бы досуга для изучения лирических поэтов. Что до меня, то я смотрю на них с еще большим презрением - это совершенно бесполезные болтуны. Нашему юноше приходится еще более торопиться; ведь учению могут быть отданы лишь первые пятнадцать-шестнадцать лет его жизни, а остальное предназначено деятельности. Используем же столь краткий срок, как следует; научим его только необходимому. Не нужно излишеств: откиньте все эти колючие хитросплетения диалектики, от которых наша жизнь не становится лучше; остановитесь на простейших положениях философии и сумеете надлежащим образом отобрать и истолковать их; ведь постигнуть их много легче, чем новеллу Бокаччо, и дитя, едва выйдя из рук кормилицы, готово к их восприятию в большей мере, чем к искусству чтения и письма. У философии есть свои рассуждения как для тех, кто вступает в жизнь, так и для дряхлых старцев.

...Даже игры и упражнения - и они станут неотъемлемой и довольно значительной частью обучения: я имею в виду бег, борьбу, музыку, танцы, охоту, верховую езду, фехтование. Я хочу, чтобы благовоспитанность, светскость, внешность ученика совершенствовались вместе с его душой. Ведь воспитывают не одну душу и не одно тело, но всего человека: нельзя расчленять его надвое. И, как говорит Платон, нельзя воспитывать то и другое порознь; напротив, нужно управлять ими, не делая между ними различия, так, как если бы это была пара впряженных в одно дышло коней. И, слушая Платона, не кажется ли нам, что он уделяет и больше времени и больше старания телесным упражнениям, считая, что душа упражняется вместе с телом, а не наоборот?

Вообще же обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру с хорошими задатками. Если вы хотите, чтобы ребенок боялся стыда и наказания, не приучайте его к этим вещам. Приучайте его к поту и холоду, к ветру и жгучему солнцу, ко всем опасностям, которые ему надлежит презирать; отведите его от изнеженности и разборчивости; пусть он относится с безразличием к тому, во что он одет, на какой постели спит, что ест и что пьет: пусть он привыкнет решительно ко всему. Пусть не будет он маменькиным сыночком, похожим на изнеженную девицу, но пусть будет сильным и крепким юношей. В юности, в зрелые годы, в старости я всегда рассуждал и смотрел на дело именно так. И наряду со многими другими вещами порядки, заведенные в большинстве наших коллежей, никогда не нравились мне. Быть может, вред, приносимый ими, был бы значительно меньше, будь воспитатели хоть немножко снисходительней. Но ведь это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи. Там развивают в ней развращенность, наказывая за нее прежде, чем она действительно проявилась. Зайдите в такой коллеж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков - криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева. Можно ли таким способом пробудить в детях охоту к занятиям, можно ли с такой страшной рожей, с плеткой в руках руководить этими пугливыми и нежными душами? Ложный и губительный способ! Добавим правильное замечание, сделанное на этот счет Квинтилианом: столь безграничная власть учителя чревата опаснейшими последствиями, особенно если учесть характер принятых у нас наказаний.

Насколько пристойнее было бы усыпать полы классных комнат цветами и листьями вместо окровавленных ивовых прутьев! Я велел бы там расписать стены изображениями Радости, Веселья, Флоры, Граций, как это сделал у себя в школе философ Спевсипп. Где для детей польза, там же должно быть для них удовольствие.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

Глава VI

Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование.

Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия. Это приобретается с помощью учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать.

Пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать как человек, т. е. не получивши наставления в том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого рукой человека. Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни, предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми... Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней.

...Человек со стороны тела создан для труда. Но мы видим, что вместе с ним рождается способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы. Итак, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя? Потому что для всех созданий

существует закон брать начало из ничего и постепенно возвышаться как в отношении сущности, так и в отношении действий.

...Мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо делать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. <...>

...Вот что следует сказать вообще о том, что образование необходимо всем. Если бы теперь мы обзрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей.

...Чем являются богатые без мудрости, как не откормленными отрубями свиньями, чем оказываются бедные без разумения вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести? Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай, или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч? Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, – царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, – то им прежде всего необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику – язык, трубе – звук, мечу – острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правителям не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с помощью криков, тюрьмы, палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на Бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилием и беспорядками, как это и есть теперь.

Итак, пусть будет установлено: всем, рожденным людьми, безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не бессмысленными зверями, не неподвижными чурбанами. Отсюда следует и то, что каждый настолько превосходит других, насколько он более других упражнялся.

Глава VII

Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить.

Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное само му себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодо.

Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. **Во-первых**, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно, где и когда. Но уход из этой жизни неподготовленным – дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. В чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же образование ему необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности. Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь науке, то бесконечное разнообразие вещей так велико, что, если бы кому-либо достался в удел век Нестора, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. ...Итак, рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и выполнить.

Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте; окрепнув, они не поддаются формированию. Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок.

...Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг, воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск: в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все

встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью. Отсюда известное выражение Цицерона: «Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов».

Таким образом, и руки, и все остальные члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом и пр., – должен заниматься этим с юных лет, когда воображение еще живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать в сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении философии, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память крепка. «Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий элементы; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться», – говорит Сенека.

Чтобы человек мог стать образованным человеком, Бог даровал ему годы юности, чтобы он, будучи непригодным для других занятий, проявил бы прилежание только для образования. Ибо, в самом деле, конь, вол, слон и другие животные, как бы громадны они ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста; один только человек до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели Бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом была сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче совершала образование человека?

Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану Творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для роста, чтобы было у нас больше времени для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период неспособными к экономической и политической деятельности, мы стали зато более подготовленными для остального времени жизни.

Только то в человеке прочно и устойчиво, что он впитывает в себя в юном возрасте. Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался. ...Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились. Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости.

Чрезвычайно опасно, если человек не проникается здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет или невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви оттого, что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении – благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно образовывать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

Глава VIII

Юношество должно получать образование совместно и для этого нужны школы.

Важно, чтобы во всяком благоустроенном человеческом обществе (будь то столица, город и деревня) была устроена школа как учебное заведение для совместного воспитания юношества. Ведь этого требуют:

Во-первых, похвальный порядок вещей. Ведь если глава семейства, сам не имея досуга для хозяйства, приглашает различных ремесленников, то почему бы не быть такому же порядку и здесь? ...Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами. Это и есть прекраснейшее сбережение труда, когда один делает только одно, не отвлекаясь другими делами; именно таким способом каждый служит с пользой многим, а многие – каждому отдельному лицу.

Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого

достаточно досуга, то отсюда следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом, и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины. Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то все же более целесообразно обучать юношество вместе в более значительном объединении, так как больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других. Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за ними. «Радостно резвый уносится конь из открытого стойла. Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем». Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается; если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний. ...Поэтому как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев – сады, так для юношества – школы.

Глава X

Обучение в школах должно быть универсальным. Необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах:

- при посредстве наук и искусств развивались способности;
- совершенствовались языки;
- развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.

Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы – мастерские гуманности, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми.

Так как от детского возраста и воспитания зависит вся последующая жизнь, то цель не будет достигнута, если души всех не будут подготовлены заранее ко всему, что предстоит в жизни. Итак, подобно тому, как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все: руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами,

ораторами, – так и в школе всех должно учить всему тому, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим – другое.

Глава XII

Школы можно преобразовать к лучшему.

Мы же обещаем такое устройство школ, благодаря которому:

- Образование должно получать все юношество, за исключением разве тех, кому Бог отказал в разуме.
- Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.
- Как подготовка к жизни — это образование должно быть закончено еще до наступления зрелости.
- Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою – без побоев и суровости или какого-либо принуждения. Как организм растет и крепнет, если только его разумно питать, дать ему тепло и упражнения, так, говоря я, разумно доставляемые душе питание, тепло, упражнения должны сами собой переходить в мудрость, добродетель, благочестие.
- Юношество должно получить образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное, т. е. чтобы разумное существо – человек – приучался руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывать из книг и понимать чужие мнения о вещах или даже заучивать и воспроизводить их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание и употребление их. Нужно также стремиться к основательному усвоению нравственности и благочестия.
- Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно легким. Нужно уделять не более четырех часов ежедневно на занятия в школе, и притом так, чтобы было достаточно одного учителя для обучения одновременно хотя бы ста учеников. Причем эта работа все же будет в десять раз легче, чем та, которая теперь обыкновенно затрачивается на обучение отдельно взятых учащихся поодиночке.

<...> Аристотель провозгласил, что стремление учиться человеку врожденно. Но так как иногда нежная снисходительность родителей извращает у детей естественное стремление, иногда их привлекают к пустым занятиям необузданные товарищи, иногда сами дети отвлекаются от врожденных стремлений из-за различных развлечений или из-за обольщения какими-либо внешними предметами, то отсюда и происходит, что у детей отпадает всякое желание

усваивать неизвестное и они не могут на чем-либо сосредоточиться. Подобно тому, как язык, пропитанный одним вкусом, не легко различает другой, так и ум, увлеченный чем-либо одним, недостаточно внимателен к чему-либо другому. Поэтому в таких случаях прежде всего нужно устранить эту случайно возникшую тупость, вернуть детей к первоначальной природной восприимчивости, и, несомненно, у них восстановится стремление к знанию.

Тут как раз представляется случай напомнить кое-что о различии способностей, а именно: у одних способности острые, у других – тупые, у одних – гибкие и податливые, у других – твердые и упрямые, одни стремятся к знаниям ради знания, другие увлекаются скорее механической работой. Из этого трижды двойного рода способностей возникает шестикратное сочетание их.

Во-первых, есть ученики с острым умом, стремящиеся к знанию и податливые; они, преимущественно пред всеми другими, особенно способны к занятиям. Им ничего не нужно, кроме того, чтобы предлагалась научная пища; растут они сами, как благородные растения. Нужно только благоразумие, чтобы не позволять им слишком торопиться, чтобы раньше времени они не ослабели и не истощились.

Во-вторых, есть дети, обладающие острым умом, но медлительные, хотя и послушные. Они нуждаются только в прищипывании.

В-третьих, есть ученики с острым умом и стремящиеся к знанию, но необузданные и упрямые. Таких обыкновенно в школах ненавидят и большей частью считают безнадежными; однако, если их надлежащим образом воспитывать, из них обыкновенно выходят великие люди. Примером этому может служить история великого афинского полководца Фемистокла, который в юности был неукротимого нрава (так что учитель ему говорил: «Ты, дитя, не будешь посредственностью; ты принесешь государству или великое благо, или великое зло»). Когда впоследствии удивлялись тому, что характер его изменился, он обыкновенно говорил: «Неукротимые молодые лошади становятся прекрасными, если к ним применяется правильное обучение».

...**В-четвертых**, есть ученики послушные и любознательные при обучении, но медлительные и вялые. И такие могут идти по стопам идущих впереди. Но для того чтобы сделать это для них возможным, нужно снизойти к их слабости, никогда не переобременять их, не предъявлять к ним слишком строгих требований, относиться к ним доброжелательно и терпеливо, или помогать, ободрять и поддерживать их, чтобы они не падали духом. Пусть они позднее придут к цели, зато они будут

крепче, как бывает с поздними плодами. И как печать с большим трудом оттискивается на свинце, но держится дольше, так и эти ученики в большинстве случаев более жизненны, чем даровитые, и раз они что-либо усвоили, они не так легко забывают. Поэтому их не следует устранять из школ.

В-пятых, есть ученики тупые и, сверх того, равнодушные и вялые. Их еще можно исправить, лишь бы только они не были упрямыми. Но при этом требуется великое благоразумие и терпение.

На последнем месте стоят ученики тупые, с извращенной и злобной натурой; большей частью эти ученики безнадежны. Однако известно, что в природе для всего испорченного есть противодействующие средства и бесплодные от природы деревья становятся плодоносными. Поэтому вообще не следует отчаиваться, а нужно добиваться устранить, по крайней мере, упрямство.

Сущность сказанного сводится к следующему высказыванию Плутарха: «Какими дети рождаются, это ни от кого не зависит, но, чтобы они путем правильного воспитания сделались хорошими, – это в нашей власти». Да, в нашей власти, говорит он. Так садовник из любого живого корня выращивает дерево, применяя в необходимых случаях именно свое искусство посадки.

Глава XIII

Основую преобразования школ является точный порядок во всем.

Если бы мы обратили внимание на то, что собственно сохраняет в устойчивом состоянии всю вселенную со всеми ее мельчайшими вещами, то не нашли ничего, решительно ничего иного, кроме порядка вещей предшествующих и последующих, больших и малых, схожих и несхожих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащих и соответствующих каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что порядок есть душа вещей. Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целостность до тех пор, пока есть порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

- Что дает возможность пчелам, муравьям, паукам делать работу такой точности, что человеческий ум находит в ней больше, чему удивляться, чем подражать? Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.
- Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и несмотря на то, что сколько голов, столько и умов, все, однако, осуществляют намерения его одного? И если он хорошо ведет дело, все неминуемо идет хорошо. Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны

узами законов и подчинения. Одному правителю государства подчинено несколько ближайших человек, которыми он должен править непосредственно, каждому из них подчинены другие и так далее, постепенно до самого последнего человека. Таким образом, точно в цепи, одно звено поддерживает другое, так что, если двинуть одно, двигаются все; если остается в покое первое, покоятся и все другие.

● Чем объясняется, наконец, что в инструменте для измерения времени, т. е. в часах, расположенные и размещенные железные части приходят в движение? И при этом стройно отсчитывают дни, месяцы, а быть может, и годы?

Таким образом, все движется с большей точностью, нежели какое-либо живое тело, приводимое в движение собственным духом. Но если в составных частях часов что-либо ломается, разбивается или замедляется, или принимает неправильное движение, хотя бы это было самое маленькое колесико, самая маленькая ось, самая маленькая задвижка, – тотчас все или останавливается, или перестает отвечать своему назначению. Отсюда ясно видно, что и здесь все зависит от порядка.

Итак, искусство обучения не требует ничего иного, кроме искусного распределения времени, предметов и метода. Если мы будем в состоянии точно установить это распределение, то обучать всему школьную молодежь в каком угодно числе будет нисколько не труднее, чем, взяв типографские инструменты, ежедневно покрывать изящнейшими буквами тысячу страниц.

Все пойдет вперед не менее легко, чем идут часы с правильно уравновешенными тяжестями, так же приятно и радостно, как приятно и радостно смотреть на такого рода автомат, и, наконец, с такой верностью, какую можно только достигнуть в подобном искусном инструменте.

Глава XVI

Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться.

Нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы, то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники,

архитекторы, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, птица, намереваясь размножить свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость.

...Против этой основы в школах допускаются ошибки двоякого рода:

- во-первых, не избирается надлежащее время для умственных упражнений;
- во-вторых, не располагают упражнения так тщательно, чтобы все шло вперед в определенной последовательности, безошибочно.

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как корень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека в старости слишком поздно, так как познавательная способность и память уже ослабевают. В среднем возрасте учить затруднительно, так как с трудом можно объединить умственную деятельность, рассеянную по различным предметам. Следовательно, нужно пользоваться юным возрастом, пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда все воспринимается и легко пускает глубокие корни.

Итак, мы делаем заключение:

- образование человека нужно начинать в весну жизни, т. е. в детстве, ибо детство изображает собой весну, юность – лето, возмужалый возраст – осень и старость – зиму;
- утренние часы для занятий – наиболее удобны (так как опять утро соответствует весне, полдень – лету, вечер – осени, а ночь – зиме);
- все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте

Законы для учителей.

1. Учителями должны быть люди честные, деятельные и трудолюбивые; не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим. (Ничто притворное не может быть продолжительным.)

2. Чтобы быть в состоянии бодро выполнять обязанности своей профессии и предохранить себя от скуки и отвращения, они должны, во-первых, остерегаться

слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением. Кто сам считает постыдным быть учителем и остается им только ради денег, конечно, бежит оттуда, как с жерновой мельницы, лишь только найдет другой род занятий, обеспечивающий большее вознаграждение. Но наши полагают, что они поставлены на высоко почетном месте, что им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем.

3. Ближайшая забота будет состоять в том, чтобы мощно увлекать учеников благим примером; ибо нет ничего естественнее, как то, чтобы последующие ступали по следам предыдущих, и чтобы ученики воспитывались по образцу учителя. Руководство только в виде слов и предписаний обладает силой сообщить делу только весьма слабое движение. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на тех придорожных Меркуриев, которые только показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идут...

7. Наконец, так как успехи в благочестии и нравственности идут лучше, когда ум, оснащенный светом познания, умеет сделать лучший выбор среди вещей, а познание вещей почерпается из наук, то пусть учителя помнят, что их питомцы должны быть осведомлены. А потому учителя должны знать, хотеть и уметь сделать умы своих учеников мудрыми, языки – красноречивыми, руки – искусными для письма и других действий, и опять-таки при помощи постоянных примеров, наставлений, практики.

8. Итак, показывай им так, чтобы они что-нибудь видели, объясняй так, чтобы они понимали, заставляй их подражать, чтобы и они также могли выражать то, что ты можешь. И как только у них явится надежда, что они могут это сделать, заставляй их повторять до тех пор, пока они не будут в состоянии делать это правильно и быстро. Итак, пусть хорошие учителя полагают, что (заметь хорошенько) самые маловажные обязанности – диктовать что-либо, гораздо же более важные – наблюдать внимательны ли ученики, частым спрашиванием возбуждать силу ума, чтобы они понимали, и в процессе исправления, когда ученики сбиваются, искусно исправлять.

9. Чтобы быть в состоянии выполнить все это без скуки, необходимо относиться к ученикам по-отечески, с серьезным страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны все делать более добродушно, нежели строго, помня слова Горация: «Все голоса за того, кто приятное свяжет с полезным».

Это возраст, который, – не зная еще бремени жизни, – измеряет полезное только сообразно с его приятностью и требует скорее сахара и меда, нежели настоящего кушанья.

10. Хороший учитель не пропускает ни одного удобного случая, чтобы научить чему-либо полезному. Итак, если нашим учителям придет на ум научить чему-либо хорошему, то они никогда не упустят такого случая, будет ли то в школе в присутствии всех, или вне ее частным образом, с кем-либо одним, но в этом последнем случае дело происходит затем следующим образом: то, что ученик усвоил частным образом, он должен повторить в классе перед всеми с двойкой пользой, во-первых, чтобы все привыкли внимательно воспринимать также и то, что говорится кому-нибудь вне школы, и уметь передавать смысл воспринятого; во-вторых, чтобы то, что говорится кому-либо одному по какому-либо поводу, служило на пользу всем; ибо школьный учитель должен быть одинаково учителем всех...

15. Из числа нравственных добродетелей особенно настойчиво должен он рекомендовать и внедрять путем упражнений способность переносить труды, больше того, стремление к ним; ибо, достигнув этого, они будут иметь великое сокровище для жизни.

16. Каждый учитель должен в особенности иметь перед глазами цель и задачи своего класса, чтобы хорошо зная, чего он должен достигнуть, все направлять сообразно с этим; он добьется похвалы, если всех своих учеников доведет до этой цели, заслужит позор, если допустит, чтобы кто-либо не достиг ее.

ЖАН ЖАК РУССО

Эмиль, или о воспитании

(отрывок Книга третья. Отроческий период жизни)

...Один и тот же инстинкт одушевляет различные способности человека. За деятельностью тела, стремящегося к развитию, следует деятельность ума, который ищет образования. Сначала дети только подвижны, затем они становятся любопытными; и это любопытство, хорошо направленное, есть двигатель возраста, до которого мы дошли теперь. Станем различать всегда наклонности, порождаемые природой, от тех, которые порождаются людским мнением. Есть жажда знаний, которая основана лишь на желании слыть за ученого: есть и другая, которая рождается от естественного для человека любопытства по отношению ко всему, что может его интересовать - вблизи или издали. Врожденное стремление к благосостоянию и невозможность вполне удовлетворить это стремление

заставляют человека беспрестанно изыскивать новые средства для содействия ему. Такова первая основа любознания; это естественное для человеческого сердца влечение, но развитие его совершается лишь пропорционально нашим страстям и нашим познаниям. Представьте себе философа, сосланного на необитаемый остров с своими инструментами и книгами и уверенного, что он проведет одиноко остаток своих дней: он не станет уже хлопотать о системе мира, о законах притяжения, о дифференциальном исчислении; он не откроет, быть может, во всю жизнь ни одной книги; но он ни в каком случае не преминет обойти до последнего уголка свой остров, как бы ни был он велик. Выкинем же из наших первых занятий и те познания, стремление к которым не оказывается естественным для человека, и ограничимся теми, к которым влечет нас инстинкт <...>

...Преобразуем ощущения свои в идеи, но не будем сразу перескакивать от предметов чувственно-воспринимаемых к предметам умственным; с помощью первых мы и должны дойти до вторых. При первоначальной работе ума чувства пусть будут всегда нашими руководителями: не нужно иной книги, кроме мира; не нужно иного наставления, кроме фактов. Читающий ребенок не думает, он только и делает, что читает; он не учится, а учит слова.

...Сделайте вашего ребенка внимательным к явлениям природы, и вы его скоро сделаете любознательным; чтобы поддерживать в нем любознательность, не торопитесь никогда удовлетворять ее. Ставьте доступные его пониманию вопросы и предоставьте ему решить их. Пусть он узнает не потому, что вы ему сказали, а потому, что сам понял; пусть он не выучивает науку, а выдумывает ее. Если когда-нибудь вы замените в его уме рассуждение авторитетом, он не будет уже рассуждать; он станет лишь игрушкой чужого мнения.

...Вы хотите обучать этого ребенка географии и отправляетесь за глобусами, земными и небесными, за картами; сколько инструментов! К чему все эти представления? Почему не показываете ему прежде всего самый предмет, чтоб он, по крайней мере, знал, о чем вы ему говорите?

...В один прекрасный вечер мы отправляемся гулять в подходящую местность, где горизонт совершенно открыт и позволяет в полном блеске видеть заход солнца, мы подмечаем предметы, по которым можно признать место заката. На другой день, чтобы подышать свежестью утра, мы снова идем в то же место до восхода солнца. Пустив по небу огненные полосы, оно еще издали дает знать о своем приближении. Пожар увеличивается, восток весь как бы в пламени; блеск его возбуждает в нас ожидание светила еще задолго до его появления: ежеминутно

ждешь, что оно вот-вот явится; наконец мы его видим. Блестящая точка сверкнула, как молния, и тотчас наполнила все пространство; покров мрака рассеивается и падает. Человек узнает свое обиталище и находит его разукрашенным. Зелень в течение ночи получила новую яркость колорита; при освещении зарождающегося дня, при первых лучах, которые золотят ее, она является нам покрытою блестящею сетью росы, отражающей в себе свет и цвета. Птицы собираются хором и единогласно приветствуют Отца жизни; ни одна не безмолвствует в этот момент; их щебетанье, пока еще слабое, кажется более томным и нежным, чем в остальное время дня, в нем чувствуется вялость мирного пробуждения. Стечение всех этих предметов дает чувствам впечатление свежести, которое как бы проникает в самую душу. Это полчаса восторга, пред которым ни один человек не может устоять: зрелище, столь великое, столь прекрасное и восхитительное, никого не оставляет равнодушным <...>

...Как скоро мы добились того, что воспитанник наш усвоил идею, соединенную со словом «полезный», мы имеем новое важное средство для управления им; слово это сильно поражает его, потому что он понимает его только в применении к своему возрасту и ясно видит, что здесь дело касается его настоящего благосостояния. На ваших детей это слово не действует, потому что вы не позаботились дать им понятие о пользе, доступное их уму, и потому что, раз другие обязаны всегда доставлять им то, что полезно для них, они сами не имеют уже нужды помышлять об этом и не знают, что такое польза.

...На что это нужно? - вот слова, которые отныне делаются священными, решающими разногласие между им и мною во всех действиях нашей жизни; вот вопрос, который с моей стороны неизменно следует за всеми его вопросами и служит уздой для тех многочисленных, глупых и скучных расспрашиваний, которыми дети, без усталости и пользы, утомляют всех окружающих - скорее с целью проявить над ними некоторого рода власть, чем извлечь из этого какую-нибудь пользу. Кому внушают, как наиболее важный урок, желание знать только полезное, тот вопрошает, подобно Сократу; он не задает ни одного вопроса, не давши себе в нем отчета, которого, как он знает, потребуют от него прежде, чем разрешить вопрос.

...Смотрите, какое могущественное даю я в ваши руки средство действовать на вашего воспитанника. Не зная оснований ни для одной вещи, он почти осужден молчать, когда вам угодно; и, напротив, какое огромное преимущество имееете вы в своих познаниях и опытности, будучи в состоянии указывать пользу всего того, что

вы ему предлагаете! Ибо не забывайте, что задавать ему этот вопрос - значит научать, чтобы он, в свою очередь, и вам задавал его; вы должны рассчитывать, что впоследствии на всякое наше предложение и он, по вашему примеру, не преминет возразить: «а на что это нужно?»

...Здесь, быть может, самая опасная западня для воспитателя. Если вы на вопрос ребенка, из желания отделаться от него, приведете хоть один довод, которого он не в состоянии понять, то, видя, что вы в рассуждениях основываетесь не на его идеях, а на своих собственных, он будет считать все сказанное вами пригодным для вашего, а не его возраста; он перестанет вам верить - и тогда все погибло. Но где тот наставник, который согласится стать в тупик и сознаться в своей вине перед учеником? Все считают своею обязанностью не сознаваться даже в том, в чем виноваты; что же касается меня, то моим правилом будет сознаваться даже в том, в чем я неповинен, если мне невозможно будет привести доводов, доступных пониманию ребенка; таким образом, поведение мое, всегда ясное на его взгляд, никогда не будет для него подозрительным, и, предполагая в себе ошибки, я сохраню для себя больше влияния, нежели другие, скрывающие свои ошибки.

69. Прежде всего, вы должны хорошо помнить, что лишь в редких случаях вашею задачей будет указывать, что он должен изучать: это его дело - желать, искать, находить; выше дело - сделать учение доступным для него, искусно зародить в нем это желание и дать ему средства удовлетворить его. Отсюда следует, что вопросы ваши должны быть не многочисленными, но строго выбранными; а так как ему приходится чаще обращаться к вам с вопросами, чем вам к нему, то вы всегда будете более обеспечены и чаще будете иметь возможность сказать ему: «А на что тебе нужно то, о чем ты спрашиваешь меня?»

...Далее, так как важно не то, чтоб он учился тому или иному, а то, чтоб он понимал, чему учиться и на что это ему нужно, то, как скоро вы не можете дать пригодного для него разъяснения по поводу сказанного вами, не давайте лучше никакого. Скажите ему без зазрения совести: «Я не могу дать тебе удовлетворительного ответа, я ошибся; - оставим это». Если наставление ваше было действительно неуместным, то не беда отказаться от него совсем; если же нет, то при небольшом старании вы скоро найдете случай сделать заметною для ребенка полезность этого наставления.

...Я не люблю голословных объяснений; молодые люди мало обращают на них внимания и почти не помнят их. Вещей, вещей давайте! Я не перестану повторять,

что мы слишком много значения придаем словам; своим болтливим воспитанием мы создаем лишь болтунов.

...Предположим, что в то время, как я изучаю со своим воспитанником течение солнца и способ ориентироваться, он вдруг прерывает меня вопросом: к чему все это нужно? С какою прекрасною речью я обращаюсь к нему! Сколько вещей я могу преподать ему при этом случае - отвечая на его вопрос, особенно если кто-либо будет свидетелем нашей беседы!

...Я буду говорить ему о пользе путешествий, о выгодах торговли, о произведениях, свойственных каждому климату, о правах различных народов, об употреблении календаря, о важности для земледелия вычислений продолжительности времен года, об искусстве мореплавания, о способе находить направление среди моря и точно следовать своему пути, не зная, где находишься. Политика, естественная история, астрономия, даже мораль и международное право войдут в мое объяснение, чтобы дать моему воспитаннику высокое понятие о всех этих науках и внушить сильное желание изучить их. Когда я выскажу все, у меня будет настоящая выставка педанта, из которой ребенок не усвоит ни одной мысли. У него, как и прежде, будет большая охота спросить у меня, для чего нужно уметь ориентироваться, но он не посмеет из опасения рассердить меня. Он найдет более выгодным притворяться, что понимает все то, что принудили его выслушать. Вот как ведется образцовое воспитание.

...Но наш Эмиль, которого воспитывают более грубо и в которого мы с таким трудом влагаем туго воспринимаемую понятливость, совершенно не станет слушать всего этого. После первого же непонятого ему слова он убежит, начнет резвиться по комнате и оставит разглагольствовать меня одного. Поищем решения более грубого; мой научный аппарат никуда для него не годится.

...Человек и гражданин, кто бы он ни был, не может предложить обществу иного имущества, кроме самого себя; все остальное его имущество уже принадлежит обществу, помимо воли его; и когда человек богат, то или он не пользуется богатством, или вместе с ним пользуется и публика. В первом случае он крадет у других то, чего лишает себя самого, а во втором случае ничем не жертвует обществу. Таким образом, общественный долг целиком остается на нем, пока не выплачивает его только своим добром.- «Но мой отец, наживая его, служит обществу»...- Пусть так: он уплатил свой долг, но не ваш. Вы больше должны другим, чем в том случае, если бы вы родились без состояния, потому что вы родились в благоприятных условиях. Несправедливо было бы, если бы сделанное

для общества одним человеком освобождало другого от его собственного долга; ибо каждый, будучи обязан всецело жертвовать собою, может платить лишь за себя самого, и ни один отец не может передать своему сыну право быть бесполезным для своих ближних; а между тем он это именно и делает, когда передает ему, как вы предлагаете, свои богатства, которые служат доказательством труда и наградой за него. Кто в праздности проедает то, чего сам не заработал, тот ворует это последнее, и раньше, которому государство платит за то, что он ничего не делает, в моих глазах почти не отличается от разбойника, живущего на счет прохожих. Вне общества человек изолированный, никому ничем не обязанный, имеет право жить, как ему угодно; но в обществе, где он живет по необходимости на счет других, он обязан уплатить трудом цену своего содержания; это правило без исключений. Труд, значит, есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе. Всякий праздный гражданин - богатый или бедный, сильный или слабый - есть плут.

...А из всех занятий, которые могут доставить человеку средство к существованию, ручной труд больше всего приближает его к естественному состоянию; из всех знаний самое независимое от судьбы и людей - это звание ремесленника. Ремесленник зависит только от своего труда; он свободен, - настолько же свободен, насколько земледелец есть раб, ибо последний зависит от своего поля, сборами с которого может овладеть другой. Неприятель, государь, сильный сосед, проигранная тяжба могут лишить его этого поля; с помощью этого поля можно притеснять на тысячу манеров; но как только захотят притеснить ремесленника, он сейчас же готов в путь-дорогу: руки - при нем, и он уходит. Несмотря на то, земледелие есть первое ремесло человека: оно самое честное, самое полезное и, следовательно, самое благородное из всех, какими только может он заниматься. Я не твержу Эмилю: «учись земледелию», - он уже знаком с ним. Все полевые работы ему хорошо известны: с них именно он и начал, к ним же постоянно и возвращается. Итак, я говорю ему: «Возделывай наследие отцов твоих». Но если ты потеряешь это наследие или если у тебя нет его, тогда что делать? Учись ремеслу.

... «Ремесло - моему сыну! сын мой - ремесленник! Сударь, подумали ли вы об этом» ?.. Я думал больше вас, сударыня, - вы хотите довести его до того, чтобы он мог быть не чем иным, как лордом, маркизом, князем, а со временем, быть может, меньше, чем нулем; что же касается меня, я хочу наделить его рангом, которого он не может потерять, - рангом, который делал бы честь ему во все времена, - я хочу возвысить его до звания человека, и, что бы там вы ни говорили,

у него в этом случае будет меньше равных по титулу, чем при тех титулах, которыми вы его наделите.

...Буква убивает, дух оживляет. Дело не столько в том, чтобы научить ремеслу ради самого знания ремесла, сколько в том, чтобы победить предрассудки, выражающиеся в презрении к нему. Вам никогда не придется зарабатывать свое пропитание. Ну, что ж? - тем хуже, тем хуже для вас! Но все равно: работайте не по необходимости, - работайте ради славы. Снизойдите до звания ремесленника, чтобы стать выше вашего звания. Чтобы подчинить себе судьбу и вещи, начните с того, чтобы стать независимым от них. Чтобы царствовать путем мнения, воцаритесь сначала над этим мнением.

...Помните, что не таланта я требую от вас, а ремесла - настоящего ремесла, искусства чисто механического, при котором руки работают больше головы, которое не ведет к богатству, но дает возможность обойтись без него. Я видел, как в домах, обитатели которых были далеки от всяких забот о насущном хлебе, отцы простирали свою предусмотрительность до того, что заботились не только дать детям образование, но и снабдить их такими познаниями, с помощью которых они могли бы при случае добыть себе средства к жизни. Эти дальновидные отцы воображают, что делают нечто важное; но этим не сделано ничего, потому что ресурсы, которыми они думают снабдить своих детей, зависят от той самой судьбы, выше которой они хотят их поставить. Таким образом, при всех своих прекрасных талантах, если обладатель их не встречает обстоятельств, благоприятных для того, чтобы пустить их в дело, он погибнет от нищеты, как и в том случае, если бы не имел ни одного из них...

...Я решительно хочу, чтоб Эмиль обучался ремеслу. - «Честному, по крайней мере, ремеслу!» - скажете вы. Что значит это слово? Разве не всякое ремесло, полезное для общества, честно? Я не хочу, чтобы он был золотошвеем, или позолотчиком, или лакировщиком, как дворянин у Локка; я не хочу, чтоб он был музыкантом, комедиантом, сочинителем книг. За исключением этих и других, им подобных профессий, пусть он выбирает, какое хочет, - я не намерен ни в чем стеснять его. Я предпочитаю, чтоб он был башмачником, а не поэтом, чтоб он мостил большие дороги, а не делал из фарфора цветы. Но, скажете вы, полицейские стражи, шпионы, палачи тоже полезные люди. От правительства зависит устроить, чтоб они были полезными. Но оставим это... я был не прав: недостаточно выбрать полезное ремесло, - нужно еще, чтоб оно не требовало от людей, им занимающихся, гнусных и несовместимых с человечностью свойств

души. Итак, вернемся к первому слову - возьмемся за ремесло полезное, но будем всегда помнить, что, где честность, там и полезность.

...Наглядно ознакомляя ребенка с произведениями природы и искусства, возбуждая его любознательность и следуя за ним, куда она его влечет, мы имеем возможность изучить его вкусы, наклонности, стремления и подметить первый проблеск его дарования, если у него действительно есть дарование. Но общее заблуждение, от которого нужно и вас предостеречь, заключается в том, что действие случая приписывают силе таланта и за определившуюся склонность к тому или иному искусству принимают дух подражания, общий человеку и обезьяне, побуждающий их обоих машинально проделывать действия, которые видят, не зная хорошо, к чему это пригодно. Мир полон ремесленников и особенно артистов, не имеющих природной способности к тому искусству, которым занимаются и к которому родители привлекли их с малолетства, руководясь посторонними соображениями или будучи вовлечены в обман их видимым усердием, которое они проявили бы точно так же и ко всякому другому искусству, если бы встретились с ним раньше. Иной слышит бон барабана - и воображает себя генералом; другой видит, как строят, - и уж хочет быть архитектором. Всякого соблазняет ремесло, которым занимаются на его глазах, если только он считает его уважаемым.

...Я знал одного лакея, который, видя, как пишет красками и рисует его господин, возмечтал быть живописцем и рисовальщиком. С той же минуты, как явилось у него это решение, он взялся за карандаш и, если потом кинул его, то лишь для того, чтобы взяться за кисть, с которой он не расстанется уже всю жизнь. Без уроков и без правил он принялся срисовывать все, что попадалось под руку. Целых три года провел он над своим мараньем, от которого, кроме службы, ничто не могло его оторвать, и никогда не падал духом от незначительности успехов, которых мог добиться при своих посредственных способностях. Я видел, как он в течение шести месяцев очень жаркого лета, сидя или, скорее, будучи прикован целый день к своему стулу, перед глобусом, в маленькой, обращенной на юг передней, в которой задыхались, даже проходя мимо, срисовывал этот глобус, перерисовывал; начинал и поправлял непрерывно и с непобедимым упорством, пока не сделал настолько хорошего шара, что остался доволен своей работой. Наконец, благодаря покровительству своего господина и советам одного артиста он добился того, что покинул ливрею и стал зарабатывать средства кистью. Настойчивость до известного предела восполняет талант: он дошел до этого предела и никогда уже его не перейдет. Постоянство и соревнование этого честного

малого похвальны. Он всегда сумеет приобрести уважение своею усидчивостью, верностью, нравственностью, но он ничего другого никогда не будет рисовать, кроме вывесок. Кого не ввело бы в обман его усердие, кто не принял бы его за настоящий талант? Большая разница - иметь охоту к работе и быть способным к ней. Нужна более тонкая, чем обыкновенно думают, наблюдательность для того, чтоб удостовериться в истинном даровании и истинной способности ребенка, который гораздо скорее выказывает желания свои, чем способности, и о котором всегда судят по первым, за неумением изучить вторые. Мне хотелось бы, чтобы какой-нибудь рассудительный человек дал нам трактат об искусстве наблюдать за детьми. Очень важно знакомство с этим искусством: отцы и наставники пока не знают даже элементов его.

...Но, быть может, мы придаем здесь слишком большое значение выбору ремесла. Так как речь идет о ручном труде, то этот выбор для Эмиля - сущие пустяки, а выучка его наполовину уже закончена благодаря тем упражнениям, которыми мы доселе занимали его. Какое дело хотите дать ему? Он на все готов: он уже умеет владеть заступом и мотыгой, умеет пользоваться токарным станком, молотком, стругом, пилой; ему уже хорошо знакомы инструменты всех ремесел. Остается лишь приобрести достаточную быстроту и легкость в употреблении какого-нибудь из этих инструментов, и он сравняется с хорошими рабочими, их употребляющими; а у него в этом отношении есть большое преимущество перед всеми: он имеет ловкое тело, гибкие члены, так что он может без труда принимать всякого рода положения и без усилий производить всякого рода продолжительные движения. Кроме того, у него верные и изощренные органы, ему уже знакома вся техника искусства. Чтоб уметь работать, как мастер своего дела, ему недостает только привычки, а привычка приобретает лишь временем. Какому из ремесел, между которыми предстоит нам сделать выбор, посвятить столько времени, чтобы можно было приобрести в нем ловкость? Вот в чем весь вопрос.

...В Италии не видно женщин за прилавками, и нельзя ничего представить печальнее вида улиц этой страны для того, кто привык к улицам Франции и Англии. Видя модных торговцев продающими дамам ленты, головные уборы, сетки, синель, я находил эти нежные вещи очень смешными в грубых руках, созданных для того, чтобы раздувать горн и бить по наковальне. Я говорил себе: «В этой стране женщинам следовало бы, в отместку, завести оружейные мастерские и оружейные лавки». Нет, пусть каждый производит и продает оружие своего пола. Чтобы быть знакомым с ним, нужно иметь с ним дело.

...Молодой человек, обнаружь в своей работе руку мужчины! Учись сильною рукой владеть топором и пилой, научись обтесывать бревно, взбираться на кровлю, прилаживать конек, укреплять его стропилами и перекладинами; затем кликни твою сестру помогать тебе в работе, как она звала тебя работать по канве.

...Слишком много требую я от своих любезных современников, - я чувствую это, но меня невольно иной раз увлекает сила доводов. Если какой-нибудь человек стыдится работать на виду у всех, вооружившись скобелем и подпоясавшись кожаным фартуком, я вижу в нем лишь раба людского мнения, готового краснеть за хорошие поступки, коль скоро станет смеяться над честными людьми. Впрочем, уступим предрассудкам отцов во всем, что не может повредить рассудку детей. Чтобы почитать все полезные профессии, для этого нет нужды всеми ими заниматься; достаточно, если ни одну из них мы не станем ставить ниже себя. Когда можно выбирать, когда, кроме того, ничто не предрешает нашего выбора, то почему же нам при выборе профессий одного и того же достоинства не сообразоваться с приятностью, склонностями, удобствами? Обработка металлов полезна и даже полезнее всех ремесел; однако же, если меня не побудит особая причина, я не заставлю вашего сына подковывать лошадей, делать замки, работать у горна; мне не хотелось бы видеть его в кузнице, в образе циклопа. Точно так же я не сделаю из него каменщика, а еще менее - башмачника. Необходимо, чтобы существовали все ремесла; но кто может делать выбор, тот должен обратить внимание на опрятность; ибо здесь людское мнение уже ни при чем: здесь выбор наш решается чувством. Наконец, мне не нравятся те нелепые профессии, в которых рабочие, не проявляя никакой изобретательности, почти как автоматы, упражняют свои руки вечно одною и тою же работой; возьмем ткачей, чулочников, пильщиков камня, - к чему на эти ремесла употреблять людей со смыслом? Это машина, которая водит другую машину.

...Если хорошо обсудить все, то я скорее всего желал бы, чтобы моему воспитаннику пришлось по вкусу ремесло столяра. Оно опрятно, полезно; им можно заниматься дома; оно достаточно упражняет тело, требует от работника ловкости и изобретательности, и, хотя форма произведений здесь определяется полезностью, но последняя не исключает изящества и вкуса.

...Если же случится, что гений вашего воспитанника будет решительно направлен к наукам умозрительным, в таком случае я ничего не имел бы против того, чтобы дать ему и ремесло, сообразное с его склонностями; пусть он учится, например, делать математические инструменты, очки, телескопы и пр.

...Когда Эмиль будет учиться ремеслу, я думаю учиться вместе с ним, ибо я убежден, что он лишь тому хорошо научится, что мы будем изучать вместе. Итак, мы оба поступим в учение и будем требовать, чтобы с нами обходились не как с господами, а как с настоящими учениками, не в шутку принявшими эту роль - почему бы нам не быть ими и взаправду? Царь Петр был плотником на верфи и барабанщиком в своих собственных войсках: уже не думаете ли вы, что этот государь был ниже вас по рождению или заслугам? Вы понимаете, что я говорю это не Эмилю, а именно вам, кто бы вы там ни были.

...К несчастью, мы не можем проводить все свое время за верстаком. Мы не для того поступили в учение, чтобы стать рабочими, а для того, чтобы стать людьми, а учение этому последнему ремеслу труднее и продолжительнее всякого другого. Как же нам быть? Неужели брать столярного мастера на час в день, как берут учителя танцев? Нет, в таком случае мы были бы не ремесленными учениками, но школьниками; а наше дело не столько в том, чтобы научиться столярному ремеслу, сколько в том, чтобы поднять себя до звания столяра. Поэтому я держусь того мнения, что нам следовало бы раз или два, по крайней мере, в неделю проводить у мастера целый день - вставать в один с ним час, прежде него приниматься за работу, за его же столом есть, работать по его указаниям и, поужинав с его семьей, если он окажет нам такую честь, возвращаться, если хотим, спать на наши жесткие постели. Вот каким образом изучают зараз несколько ремесел, вот как приучают к работе руки, не пренебрегая в то же время и другим учением.

...Будем просты в своих хороших поступках. Постараемся не порождать тщеславия своими заботами побороть его. Гордиться победой над предрассудками — значит подчиняться им. Говорят, что, по старинному обычаю оттоманского дома, султан обязан заниматься ручными работами; а каждый знает, что произведения царственных рук не могут быть ничем иным, как образцами искусства. И вот он торжественно раздает эти образцы искусства вельможам Порты, и за работу платят сообразно званию работавшего. Если я вижу здесь зло, то не в этом мнимом вымогательстве: оно, напротив, служит ко благу. Принуждая вельмож делить с ним награбленное у народа, государь тем меньше должен непосредственно грабить народ. Это необходимое облегчение при деспотизме; без него не могло бы и существовать это ужасное правление.

...Итак, если бы раз было установлено, что знать ремесло - прекрасное дело, то дети ваши и не учась скоро бы научились ему: они выступали бы настоящими

мастерами, как цюрихские советники. Для Эмиля вовсе не нужно этого церемониала. Никакой внешности, и всегда одна действительность! Пусть не толкуют о его знаниях, пусть он учится среди молчания. Пусть создает мастерское произведение и не слывет мастером; пусть выказывает себя работником не в титуле, а в работе своей.

РАЗДЕЛ 2. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ПЕДАГОГОВ XIX-XX ВЕКА

«Если бы все человеческое общество состояло из одних детей, то двойственность души в ребенке никогда бы не обнаружилась, и он всегда бы казался тем, что он есть. Он всю окружающую природу переносил бы в свой духовный мир и действовал бы в нем, верно, последовательнее нас. Но мы, мы – взрослые – нарушаем беспрестанно гармонию детского мира. Мы, насильственно врываясь в него, переносим ребенка, на каждом шагу, к себе, в наш свет. Мы спешим ему внушить наши взгляды, наши понятия, наши сведения, приобретенные вековыми усилиями уже зрелого человека. Мы от души восхищаемся нашими успехами, полагая, что ребенок нас понимает, и сами не хотим понять, что он понимает нас по-своему.

Николай Иванович Тирогов (выдающийся русский хирург, ученый и деятель народного образования)

Воспитатель чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра и осознает, что его дело, скромное по наружности, — одно из величайших дел истории. Воспитатель есть художник; школа — мастерская, где из куска мрамора возникает подобие божества. Воспитание не только должно развивать разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой. Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение.

Константин Дмитриевич Ушинский (русский педагог, писатель)

Правильный выбор профессии имеет громадное значение и для дела, и для производства, и для самого работника.

Поставь вагоновожатым человека подслеповатого, теряющегося в трудные минуты, внимание которого быстро притупляется, — наперед можно сказать, что он будет наезжать на людей, а то и вагон со всеми пассажирами опрокинет. Поставь слабосильного человека на работу, которая требует большого физического напряжения, — он работы не выполнит, а силы свои надорвет окончательно. Поставь в учителя человека нервнобольного или невежественного — он всех ребят перепортит.

Надежда Константиновна Крупская (советский государственный деятель)

Дети гораздо серьезнее, интереснее и умнее, чем мы предполагаем. Итак, поменьше готового: пусть дети изобретают, добиваются и ошибаются, мы будем им помогать, лишь бы только они побольше проявляли инициативы и интереса. И если создастся настоящая обстановка, то выявится то настоящее, что есть в них.

Станислав Теофилович Шацкий (советский педагог-экспериментатор)

Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего, люди. Из них на первом месте — родители и педагоги. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать? Научить человека быть счастливым — нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Антон Семенович Макаренко (советский педагог и писатель)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПИРОГОВ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Отрывок из забытых бумаг, выведенный на свет неофициальными статьями «Морского сборника»¹ о воспитании. Первая редакция

– К чему вы готовите вашего сына? – кто-то спросил меня.

– Быть человеком, – отвечал я.

– Разве вы не знаете, – сказал спросивший, – что людей, собственно, нет на свете; это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негодянты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Правда это или нет?

Мы живем, как все известно, в XIX веке, «по преимуществу», практическом.

Отвлечения, даже и в самой столице их, Германии, уже не в ходу более. А человек, что ни говори, есть действительно только одно отвлечение. Зоологический человек, правда, еще существует с его двумя руками и держится ими крепко за существование; но нравственный, вместе с другими старосветскими отвлечениями, как-то плохо принадлежит настоящему.

Впрочем, не будем несправедливы к настоящему. И в древности искали людей днем с фонарями; но все-таки искали. Правда, языческая древность была не слишком взыскательна. Она позволяла иметь всевозможные нравственно-религиозные убеждения; можно было *ad libitum*² сделаться эпикурейцем, стоиком, пифагорейцем³; только худых граждан она не жаловала.

Несмотря на все наше уважение к неоспоримым достоинствам реализма настоящего времени, нельзя, однако же, не согласиться, что древность как-то более дорожила нравственной натурой человека. Правительства в древности оставляли школы без надзора и считали себя не вправе вмешиваться в учения мудрецов. Каждый из учеников мог пролагать впоследствии новые пути и образовать новые школы; только жрецы, тираны и zeloty⁴ от времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философов, если их учения уже слишком противоречили поверьям господствующей религии; да и то это делалось по интригам партий и каст.

¹ Журнал.

² По желанию, свободно. – Сост.

³ Эпикурейцы, стоики, пифагорейцы – направления философской мысли в Древней Греции. – Сост.

⁴ Зелоты – религиозно-политическая группа в древнем Израиле, ревностно хранившая религиозные традиции своего народа. – Сост.

Язычество древних, не озаренное светом истинной веры, заблуждалось; но заблуждалось, следуя принятым и последовательно проведенным убеждениям. Если эпикуреец утопал в чувственных наслаждениях, то он делал это, основываясь, хотя и на ложно понятом, учении школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслаждения и избегать неприятного – значит быть мудрым».

Если стоик делался самоубийцей, то это случалось от стремления к добродетели и идеалу высшего совершенства.

Даже кажущаяся непоследовательность в поступках скептика извиняется учением школы, проповедовавшей, что «ничего нет верного на свете и что даже сомнение сомнительно».

В самых грубых заблуждениях языческой древности, основанных всегда на известных нравственно-религиозных началах и убеждениях, проявляется все-таки самый существенный атрибут духовной природы человека – стремление разрешить вопрос жизни о цели бытия.

Правда, и в древности случалось, точно так же, как и у нас, что были люди, не задававшие себе никаких вопросов при вступлении в жизнь.

Но сюда относились и относятся только два рода людей.

Во-первых, те, которые получили от природы жалкую привилегию на идиотизм.

Во-вторых, те, которые, подобно планетам, получив однажды толчок, двигаются по силе инерции в данном им направлении.

Оба эти рода, конечно, не принадлежат к исключениям, но и не могут служить правилами.

Учение спасителя, разрушив хаос нравственного произвола, указало человечеству прямой путь, определило и цель, и средоточие житейских стремлений. Найдя в Откровении самый главный вопрос жизни – о цели нашего бытия – разрешенным, казалось бы, человечество ничего другого не должно делать, как следовать с убеждением и верой по определенной стезе.

Но протекли столетия, а все осталось «яко же бо бысть во дни Ноевы» (Мф.24.37). К счастью еще, что наше общество успело так организовать, что оно для большей массы людей само, без их сознания, задает и решает вопросы жизни и дает этой массе, пользуясь силой ее инерции, известное направление, которое оно считает лучшим для своего благосостояния.

Несмотря, однако, на преобладающую в массе силу инерции, у каждого из нас осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить нам, что мы, живя в обществе и для общества, живем еще и сами собой и в самих себе. Но, узнав по инстинкту или по опыту, что общество приняло известное направление, нам все-таки ничего не остается более делать, как согласовать проявления нашей самостоятельности как можно лучше с направлением общества. Без этого мы или разладим с обществом и будем терпеть и бедствовать, или основы общества начнут колебаться и разрушаться.

Итак, как бы ни была велика масса людей, следующих бессознательно данному обществом направлению, как бы мы все ни старались для собственного блага приспособлять свою самостоятельность к этому направлению, всегда останется еще много таких из нас, которые сохраняют довольно сознания, чтобы вникнуть в нравственный свой быт и задать себе вопросы: в чем состоит цель нашей жизни? Какое наше назначение? К чему мы призваны? Чего должны искать мы?

Как мы принадлежим к последователям христианского учения, то казалось бы, что воспитание должно нам класть в рот ответы. Но это предположение возможно только при двух условиях:

– **во-первых**, если воспитание приноровлено к различным способностям и темпераменту каждого, то развивая, то обуздывая их;

– **во-вторых**, если нравственные основы и направление общества, в котором мы живем, совершенно соответствуют направлению, сообщаемому нам воспитанием.

Первое условие необходимо, потому что врожденные склонности и темперамент каждого подсказывают ему, впопад и невпопад, что он должен делать и к чему стремиться.

Второе условие необходимо, потому что без него, какое бы направление ни было нам дано воспитанием, мы, видя, что поступки общества не соответствуют этому направлению, непременно удалимся от него и собьемся с пути.

Но, к сожалению, наше воспитание не достигает предполагаемой цели, потому что: **во-первых**, наши склонности и темпераменты не только слишком разнообразны, но еще и развиваются в различное время; воспитание же наше, вообще однообразное, начинается и оканчивается для большей части из нас в одни и те же периоды жизни. Итак, если воспитание, начавшись для меня слишком поздно, не будет соответствовать склонностям и темпераменту,

развившимся у меня слишком рано, то, как бы и что бы оно мне ни говорило о цели жизни и моем назначении, мои рано развившиеся склонности и темперамент будут мне все-таки нашептывать другое. От этого сбивчивость, разлад и произвол.

Во-вторых, талантливые, проникательные и добросовестные воспитатели так же редки, как и проникательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели. Число их не соответствует массе людей, требующих воспитания.

Не в этом, однако же, еще главная беда. Будь воспитание наше, со всеми его несовершенствами, хотя бы равномерно только приноровлено к развитию наших склонностей, то после мы сами, чутьем, еще могли бы решить основные вопросы жизни. Добро и зло вообще довольно уравновешены в нас. Поэтому нет никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало развитые воспитанием, влекли нас более к худому, нежели к хорошему. А законы хорошо устроенного общества, вселяя в нас доверенность к правосудию и прозорливости правителей, могли бы устранить и последнее влечение ко злу.

Но вот главная беда.

Самые существенные основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с направлением, которому следует общество.

Вспомним еще раз, что мы христиане, и, следовательно, главной основой нашего воспитания служит и должно служить Откровение. Все мы с нашего детства не напрасно же ознакомлены с мыслью о загробной жизни, все мы не напрасно же должны считать настоящее приготовлением к будущему.

Вникая же в существующее направление нашего общества, мы не находим в его действиях ни малейшего следа этой мысли. Во всех обнаруживаниях по крайней мере жизни практической и даже отчасти и умственной мы находим резко выраженное, материальное, почти торговое стремление, основанием которому служит идея о счастье и наслаждениях в жизни здешней.

Выступая из школы в свет, что находим мы, воспитанные в духе христианского учения? Мы видим то же самое разделение общества на толпы, которое было и во времена паганизма⁵, с тем отличием, что языческие увлекались разнородными, нравственно-религиозными убеждениями различных школ и действовали, следуя этим началам, последовательно; а наши действуют по

⁵ Паганиззм – язычество.

взглядам на жизнь, произвольно ими принятым и вовсе не согласным с религиозными основами воспитания, или и вовсе без всяких взглядов.

Мы видим, что самая огромная толпа следует бессознательно, по силе инерции, толчку, данному ей в известном направлении. Развитое чувство индивидуальности вселяет в нас отвращение пристать к этой толпе.

Мы видим другие толпы, несравненно меньшие по объему, увлекаемые хотя также, более или менее, по направлению огромной массы, но следующие уже различным взглядам на жизнь, стараясь то противоборствовать этому увлечению, то оправдать пред собой слабость и недостаток энергии.

Взглядов, которым следуют эти толпы, наберется много. Разобрав, нетрудно убедиться, что в них отзываются те же начала эпикуреизма, пиронизма, цинизма, платонизма, эклектизма, которые руководствовали и поступками языческого общества, но лишённые корня, безжизненные и в разладе с вечными истинами, перенесёнными в наш мир воплощённым словом.

Вот, например, **первый взгляд – очень простой и привлекательный**. Не размышляйте, не толкуйте о том, что необъяснимо. Это по малой мере лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетит, и сон. Время же нужно для трудов и наслаждений. Аппетит – для наслаждений и трудов. Сон – опять для трудов и наслаждений. Труды и наслаждения – для счастья.

Вот второй взгляд – высокий. Учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте из всего самое полезное. Когда ум ваш просветлеет, вы узнаете, кто вы и что вы. Вы поймете все, что кажется необъяснимым для черни. Поумнев, поверьте, вы будете действовать как нельзя лучше. Тогда предоставьте только выбор вашему уму, и вы никогда не сделаете промаха.

Вот третий взгляд – старообрядческий. Соблюдайте самым точным образом все обряды и поверья. Читайте только благочестивые книги, но в смысл не вникайте. Это главное для спокойствия души. Затем, не размышляя, живите так, как живется.

Вот четвертый взгляд – практический. Трудясь, исполняйте ваши служебные обязанности, собирая копейку на черный день. В сомнительных случаях, если одна обязанность противоречит другой, избирайте то, что вам выгоднее или по крайней мере что для вас менее вредно. Впрочем, предоставьте каждому спастись на свой лад. Об убеждениях, точно так же, как и о вкусах, не спорьте и не хлопчите. С полным карманом можно жить и без убеждений.

Вот пятый взгляд – также практический в своем роде. Хотите быть счастливым, думайте себе, что вам угодно и как вам угодно; но только строго соблюдайте все приличия и умейте с людьми уживаться. Про начальников и нужных вам людей никогда худо не отзывайтесь и ни под каким видом не противоречьте. При исполнении обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвение не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другим, то сами на других верхом ездите; только молча, в кулак себе, смейтесь.

Вот шестой взгляд – очень печальный. Не хлопчите, лучшего ничего не придумаете. Новое только то на свете, что хорошо было забыто. Что будет, то будет. Червяк на куче грязи, вы смешны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь к совершенству и принадлежите к обществу прогрессистов. Зритель и комедиант поневоле, как ни бейтесь, лучшего не сделаете. Белка в колесе, вы забавны, думая, что бежите вперед. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачем жили.

Вот седьмой взгляд – очень веселый. Работайте для мотона и наслаждайтесь, покуда живете. Ищите счастья, но не ищите его далеко, – оно у вас под руками. Какой вам жизни еще лучше нужно? Все делается к лучшему. Зло – это одна фантазмагория для вашего же развлечения, тень, чтобы вы лучше могли наслаждаться светом. Пользуйтесь настоящим, и живите себе припеваючи.

Вот восьмой взгляд – очень благоразумный. Отделяйте теорию от практики. Принимайте какую вам угодно теорию для вашего развлечения, но на практике узнавайте, главное, какую роль вам выгоднее играть; узнав, выдержите ее до конца. Счастье – искусство. Достигнув его трудом и талантом, не забывайте; сделав промах, не пеняйте и не унывайте. Против течения не плывите.

И прочее, и прочее, и прочее. Убеждаясь при вступлении в свет в этом разладе основной мысли нашего воспитания с направлением общества, нам ничего более не остается, как впасть в одну из трех крайностей.

Или мы пристаем к одной какой-нибудь толпе, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитания. Увлекаясь материальным стремлением общества, мы забываем основную идею Откровения. Только иногда, мельком, в решительном мгновении жизни, мы прибегаем к спасительному его действию, чтобы на время подкрепить себя и утешить.

Или мы начинаем дышать враждой против общества. Оставаясь еще верными основной мысли христианского учения, мы чувствуем себя чужими в мире искаженного на другой лад паганизма, недоверчиво смотрим на добродетель ближних, составляем секты, ищем прозелитов, делаемся мрачными зрителями и недоступными собратами.

Или мы отдаемся произволу. Не имея твердости воли устоять против стремления общества, не имея довольно бесчувственности, чтобы отказаться совсем от спасительных утешений Откровения, довольно безнравственными и неблагодарными, чтобы отвергать все высокое и святое, мы оставляем основные вопросы жизни нерешенными, избираем себе в путеводители случай, переходим от одной толпы к другой, смеемся и плачем с ними для рассеяния, колеблемся и путаемся в лабиринте непоследовательности и противоречий.

Подвергнув себя первой крайности, мы пристаем именно к той толпе, к которой всего более влекут нас наши врожденные склонности и темперамент.

Если мы родились здоровыми и даже чересчур здоровыми, если материальный быт наш развился энергически и чувственность преобладает в нас, то мы склоняемся на сторону привлекательного и веселого взглядов.

Если воображение у нас не господствует над умом, если инстинкт не превосходит рассудка, а воспитание наше было более реальное, то мы делаемся последователями благоразумного или одного из практических взглядов.

Если, напротив, при слабом или нервном телосложении мечтательность составляет главную черту нашего характера, инстинкт управляется не умом, а воображением, воспитание же не было реальным, — мы увлекаемся то религиозным, то печальным взглядами, то переходим от печального к веселому и даже к привлекательному.

Если, наконец, воспитание сделало из ребенка старуху, не дав ему быть ни мужчиной, ни женщиной, ни даже стариком, или при тусклом уме преобладает воображение, или при тусклом воображении тупой ум. то выбор падает на ложно-религиозный взгляд. Впоследствии различные внешние обстоятельства, материальные выгоды, круг и место наших действий, слабость воли, состояние здоровья и т. п. нередко заставляют нас переменять эти взгляды и быть поочередно ревностными последователями то одного, то другого.

Если кто-нибудь из нас, сейчас при вступлении в свет или и после, переходя от одной толпы к другой, наконец остановился в выборе на каком-нибудь

взгляде, то это значит, что он потерял всякую склонность переменить или перевоспитать себя; это значит, он вполне удовлетворен своим выбором; это значит, он решил, как умел или как ему хотелось, основные вопросы жизни. Он сам себе обозначил и цель, и назначение, и призвание. Он слился с какой-нибудь толпой. Он счастлив по-своему. Человечество, конечно, немного выиграло приобретением этого нового адепта, но и не потеряло.

Если бы поприще каждого из нас всегда непременно оканчивалось таким выбором одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направления последователей различных взглядов шли всегда параллельно одни с другими и с направлением огромной толпы, движимой силой инерции, то все бы тем и кончилось, что общество осталось бы вечно разделенным на одну огромную толпу и несколько меньших. Столкновений между ними нечего бы было опасаться. Все бы спокойно забыли то, о чем им толковало воспитание. Оно сделалось бы продажным билетом для входа в театр. Все шло бы спокойно. Жаловаться было бы не на что. Но вот беда.

Люди, родившиеся с притязаниями на ум, чувство, нравственную волю, иногда бывают слишком восприимчивы к нравственным основам нашего воспитания, слишком пронзительны, чтобы не заметить, при первом вступлении в свет, резкого различия между этими основами и направлением общества, слишком совестливы, чтобы оставить без сожаления и ропота высокое и святое, слишком разборчивы, чтобы довольствоваться выбором, сделанным почти по неволе или по неопытности. Недовольные, они слишком скоро разлаживаются с тем, что их окружает, и, переходя от одного взгляда к другому, вникают, сравнивают и пытаются; все глубже и глубже роются в рудниках своей души и, не удовлетворенные стремлением общества, не находят и в себе внутреннего спокойствия; хлопочут, как бы согласить вопиющие противоречия; оставляют поочередно и то и другое; с энтузиазмом и самоотвержением ищут решения столбовых вопросов жизни; стараются во что бы то ни стало перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути.

Люди, родившиеся с преобладающим чувством, живостью ума и слабостью воли, не выдерживают этой внутренней борьбы, устают, отдаются на произвол и бродят на распутье. Готовые пристать туда и сюда, они делаются, по мере их способностей, то неверными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А с другой стороны, удовлетворенные и ревностные последователи различных взглядов не идут параллельно ни с массой, ни с другими толпами. Пути их пересекаются и сталкиваются между собою. Менее ревностные, следуя вполнине нескольким взглядам вместе, образуют новые комбинации. Этот разлад сектаторов⁶ и инертной толпы, этот раздор нравственно-религиозных основ нашего воспитания с столкновением противоположных направлений общества, при самых твердых политических основаниях, может все-таки рано или поздно поколебать его.

На беду еще эти основы не во всех обществах крепки, движущиеся толпы громадны, а правительства, как история учит, не всегда дальнорорки. Существуют только три возможности или три пути вывести человечество из этого ложного и опасного положения. Или согласить нравственно-религиозные основы воспитания с настоящим направлением общества. Или переменить направление общества. Или, наконец, приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой.

Следовать первым путем не значило бы ли исказить то, что нам осталось на земле святого, чистого и высокого? Одна только упругая нравственность фарисеев и иезуитов может подделываться высоким к низкому и соглашать произвольно вечные истины наших нравственно-религиозных начал с меркантильными и чувственными интересами, преобладающими в обществе. История показала, чем окончились попытки папизма под личиной иезуитства.

Изменить направление общества есть дело Промысла и времени. Остается третий путь. Он труден, но возможен: избрав его, придется многим воспитателям сначала перевоспитать себя.

Приготовить нас с юных лет к этой борьбе – значит именно: «Сделать нас людьми», т. е. тем, чего не достигнет ни одна наша реальная школа в мире, заботясь сделать из нас с самого нашего детства негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов.

Человеку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое внимание и всю волю в одно и то же время на занятиях, требующих напряжения совершенно различных свойств духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

⁶ Сектатор (устар.) – сектант.

На чем основано приложение реального воспитания к самому детскому возрасту?

Одно из двух: или в реальной школе, назначенной для различных возрастов (с самого первого детства до юности), воспитание для первых возрастов ничем не отличается от обыкновенного, общепринятого; или же воспитание этой школы с самого его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно к достижению одной известной, практической цели.

В первом случае нет никакой надобности родителям отдавать детей до юношеского возраста в реальные школы, даже и тогда, если бы они во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще с пеленок для той или другой касты общества.

Во втором случае, можно смело утверждать, что реальная школа, имея преимущественной целью практическое образование, не может в то же самое время сосредоточить свою деятельность на приготовлении нравственной стороны ребенка к той борьбе, которая предстоит ему впоследствии при вступлении в свет.

Да и приготовление — это должно начаться в том именно возрасте, когда в реальных школах все внимание воспитателей обращается преимущественно на достижение главной, ближайшей цели, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать с практическим образованием. Курсы и сроки учения определены. Будущая карьера резко обозначена. Сам воспитанник, подстрекаемый примером сверстников, только в том и полагает всю свою работу, как бы скорее выступить на практическое поприще, где воображение ему представляет служебные награды, корысть и другие идеалы окружающего его общества.

Отвечайте мне, положив руку на сердце, можно ли надеяться, чтобы юноша в один и тот же период времени изготавлялся выступить на поприще, не самим им избранное, прельщался внешними и материальными выгодами этого, заранее для него определенного, поприща и вместе с тем серьезно и ревностно изготавлялся к внутренней борьбе с самим собою и с увлекательным направлением света?

Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане.

Значит ли это, что я предлагаю вам закрыть и уничтожить все реальные и специальные школы?

Нет, я восстаю только, против двух вопиющих крайностей.

Для чего родители так самоуправно распоряжаются участью своих детей, назначая их, едва вылезших из колыбели, туда, где по разным соображениям и расчетам предстоит им более выгодная карьера?

Для чего реально-специальные школы принимаются за воспитание тех возрастов, для которых общее человеческое образование несравненно существеннее всех практических приложений?

Кто дал право отцам, матерям и воспитателям властвовать самоуправно над благими дарами творца, которыми он снабдил детей?

Кто научил, кто открыл, что дети получили врожденные способности и врожденное призвание играть именно ту роль в обществе, которую родители сами им назначают? Уже давно оставлен варварский обычай выдавать дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их будущим поприщем допущен и привилегирован; заказное их венчание с наукой празднуется и прославляется, как венчание дождя с морем! И разве нет другого средства, другого пути, другого механизма для реально-специального воспитания? Разве нет другой возможности получить специально-практическое образование, в той или другой отрасли человеческих знаний, как распространяя его на счет общего человеческого образования? Вникните и рассудите, отцы и воспитатели! Еще со времен языческой древности существуют два рода образования: Общечеловеческое и специальное, или реальное.

В Афинах и Родосе философы имели право содержать школы для общечеловеческого образования. Невдалеке от Афин, между светлыми источниками, окруженные садами, размещены были самые главнейшие из них. В середине стояла школа эпикурейцев, к северу от нее жили последователи Платона, а к югу – ученики Аристотеля. Мирты и оливы разделяли одно учение от другого и служили границами различных взглядов на жизнь и свет. Учителя и ученики жили обществами, вместе; кроме учеников и посторонним лицам вход был открыт. Со всех сторон и из отдаленных земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитых наставников. Философия и красноречие были

самыми главными предметами занятий. Не все реальные науки в то время были резко отделены от философии: они обыкновенно преподавались вместе с нею, так что главным основанием всех наук считалась философия. Бог, свет и человек были главнейшими предметам отвлеченных созерцаний. Красноречие было в то время искусством, тесно соединенным с гражданским бытом и историей народа. Поэтому и философия, и красноречие считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловеческого образования.

Сверх этого, и в Греции, и в Риме, и в Египте существовали еще и специальные школы. Палестры и гимназии Греции, находившиеся под надзором магистрата (тогда как школы философов были частные учреждения, в управление и учение которых греческое правительство не вмешивалось), занимались преимущественно приготовлением учеников к Олимпийским и другим публичным играм; в Риме существовало училище правоведения, в Александрии – училище математических и физических наук, и т. п. В средние века христианская религия сделалась первая покровительницей и рассадником потухшего просвещения.

Начало университетов и специальных училищ образовалось постепенно из монастырских, орденских школ. Специальные школы Парижа и Оксфорда, назначенные сначала для обучения философии и богословию и находившиеся под покровительством и надзором духовенства, постепенно получили особые права и привилегии и возвысились на степень первых в то время университетов. Пишут, что в XIII столетии в Парижском университете было до 10 000, а в Оксфордском даже до 30 000 студентов. С этим мощным развитием общечеловеческого, или университетского, образования в Европе не могли более сосуществовать специальные монастырские школы и начали с тех пор все более и более приходить в упадок.

В новейшие времена, наконец, вместе с усовершенствованием различных отраслей человеческого знания и гражданского быта университеты и специальные училища достигли постепенно той степени развития, на которой мы их теперь находим. Различия в назначении и цели тех и других ясно обозначились. Правительства всех образованных наций, поняв это более или менее ясно, упрочили новыми правами существование этих рассадников народного просвещения.

В различных странах по мере временных, иногда случайных надобностей возникало и усваивалось более то университетское, или общечеловеческое, то прикладное, или специальное, направления воспитания.

Но ни одно образованное правительство, как бы оно ни нуждалось в специалистах, не могло не убедиться в необходимости общечеловеческого образования. Правда, в некоторых странах университетские факультеты почти превратились в специальные училища; но нигде еще не исчезло совершенно их существенное и первобытное стремление к главной цели – общечеловеческому образованию.

Имея в виду этот прямой, широко открытый путь к «образованию людей», для чего бы, казалось, им не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше к вопиющим потребностям настоящего?

Для чего не расширить и не открыть его еще более для нас, столь нуждающихся в истинно человеческом воспитании?

Но общечеловеческое воспитание не состоит еще в одном университете; к нему принадлежат и приготовительно-университетские школы, направленные к одной и той же благой и общей цели, учрежденные в том же духе и с тем же направлением.

Все готовящиеся быть полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми. Поэтому все до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения.

Недаром известные сведения исстари называются: *humaniora*, т. е. необходимые для каждого человека. Эти сведения, с уничтожением язычества, с усовершенствованием наук, с развитием гражданского быта различных наций, измененные в их виде, остаются навсегда, однако же, теми же светильниками на жизненном пути и древнего, и нового человека.

Итак, направление и путь, которым должно совершаться общечеловеческое образование для всех и каждого, кто хочет заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть и самое удобное и для правительств, и для подданных.

Для правительств, потому что все воспитанники до известного возраста будут образоваться, руководимые совершенно одним и тем же направлением, в одном духе, с одной и той же целью; следовательно, нравственно-научное воспитание

всех будущих граждан будет находиться в одних руках. Все виды, все благие намерения правительств к улучшению просвещения будут исполняться последовательно, с одинаковой энергией и одноведомственными лицами.

Для подданных, потому что все воспитанники до вступления их в число граждан будут дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитания.

Это тождество духа и прав воспитания должно считать выгодным не потому, что будто бы вредно для общества разделение его на известные корпорации, происходящие от разнообразного воспитания.

Нет, напротив, я вижу в поощрении корпорации средство: поднять нравственный быт различных классов и сословий, вселить в них уважение к их занятиям и к кругу действий, определенному для них судьбой. Но чтобы извлечь пользу для общества из господствующего духа корпораций, нужно способствовать к его развитию не прежде полного развития всех умственных способностей в молодом человеке. Иначе должно опасаться, что это же самое средство будет и ложно понято и некстати приложено.

Есть, однако же, немаловажные причины, оправдывающие существование специальных школ во всех странах и у всех народов.

Сюда относится почти жизненная потребность для некоторых наций в специальном образовании граждан по различным отраслям сведений и искусств, самых необходимых для благосостояния и даже для существования страны, и именно когда ей предстоит постоянная необходимость пользоваться как можно скорее и как можно обширнее плодами образования молодых специалистов.

Но, во-первых, нет ни одной потребности для какой бы то ни было страны более существенной и более необходимой, как потребность в истинных людях. Количество не устоит перед качеством. А если и превозможет, то все-таки рано или поздно подчинится произвольно, со всей его громадностью, духовной власти качества.

Это историческая аксиома.

Во-вторых, общечеловеческое, или университетское, образование нисколько не исключает существования таких специальных школ, которые занимались бы практическим, или прикладным, образованием молодых людей, уже приготовленных общечеловеческим воспитанием.

А специальные школы и целое общество несравненно более выиграют, имея в своем распоряжении нравственно и научно в одном духе и в одном направлении приготовленных учеников.

Учителям этих школ придется сеять уже на возделанном и разработанном поле. Ученикам придется легче усваивать принимаемое. Наконец, развитие духа корпораций, понятие о чести и достоинстве тех сословий, к вступлению в которые готовят эти школы, будет и своевременно, и сознательно для молодых людей, достаточно приготовленных общечеловеческим воспитанием.

Да и какие предметы составляют самую существенную цель образования в специальных школах? Разве не такие, которые требуют для их изучения уже полного развития душевных способностей, телесных сил, талантов и особого призвания?

К чему же, скажите, спешить так и торопиться со специальным образованием? К чему начинать его так преждевременно?

К чему променивать так скоро выгоды общечеловеческого образования на прикладной, односторонний специализм?

Я хорошо знаю, что исполинские успехи наук и художеств нашего столетия сделали специализм необходимой потребностью общества; но в то же время никогда не нуждались истинные специалисты так сильно в предварительном общечеловеческом образовании, как именно в наш век.

Односторонний специалист есть или грубый эмпирик, или уличный шарлатан.

Отыскав самое удобное и естественное направление, которым должно вести наших детей, готовящихся принять на себя высокое звание человека, остается еще главное, решить один из существеннейших вопросов жизни: каким способом, каким путем приготовить их к неизбежной им предстоящей борьбе?

Каков должен быть юный атлет, приготовляющийся к этой роковой борьбе?

Первое условие: он должен иметь от природы хотя какое-нибудь притязание на ум и чувство.

Пользуйтесь этими благими дарами творца, но не делайте одаренных бессмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимого на земле авторитета, суемудрыми приверженцами грубого материализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ

ТРУД В ЕГО ПСИХИЧЕСКОМ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ

...Труд, исходя от человека на природу, действует обратно на человека не одним удовлетворением его потребностей и расширением их круга, но собственной своей, внутренней, ему одному присущей силой, независимо от тех материальных ценностей, которые он доставляет.

Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья. Это животворное влияние имеет только личный труд на того, кто трудится. Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится. Недостаток-то этой незримой ценности, производимой трудом, а не недостаток бархата, шелка, хлеба, машин, вина, погубил Рим, Испанию, губит Южные штаты, вырождает сословия, уничтожает роды и лишает нравственности и счастья многие тысячи людей. (...)

Труд, как мы его понимаем, есть такая свободная и согласная с христианской нравственностью деятельность человека, на которую он решается по безусловной необходимости ее для достижения той или другой истинно-человеческой цели в жизни. (...) Труд истинный и непременно свободный, потому что другого труда нет и быть не может, имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и все свое достоинство. Он составляет необходимое условие не только для развития человека, но даже и для поддержки в нем той степени достоинства, которой он уже достиг. *Без личного труда человек не может идти вперед; не может оставаться на одном месте, но должен идти назад.* Тело, сердце и ум человека требуют труда, и это требование так настоятельно, что если, почему бы то ни было, у человека не окажется своего личного труда, в жизни, тогда он теряет настоящую дорогу и перед ним открываются две другие, обе одинаково губительные: дорога неутолимого недовольства жизнью, мрачной апатии и бездонной скуки, или дорога добровольного, незаметного самоуничтожения, по которой человек быстро спускается до детских прихотей или скотских наслаждений. На той и на другой дороге смерть овладевает человеком заживо потому, что труд - личный, свободный труд - и есть жизнь. (...)

Что физический труд необходим для развития и поддержания в теле человека физических сил, здоровья и физических способностей, этого доказывать нет надобности. Но необходимость умственного труда для развития сил и здорового, нормального состояния человеческого тела не всеми сознается ясно. Многие, напротив, думают, что умственный труд вредно действует на организм, что совершенно несправедливо. Конечно, чрезмерный умственный труд вреден, но и чрезмерный физический труд также разрушительно действует на организм. Однако же можно доказать множеством примеров, что бездействие душевных способностей и при физическом труде оказывает вредное влияние на тело человека. Это неоднократно было замечено на тех фабриках, на которых работники являются дополнениями машины, так что занятие их не требует почти никакого усилия мысли. Да это и не может быть иначе, потому что телесный организм человека приспособлен не только для телесной, но и для духовной жизни. Всякий же умственный труд, наоборот, приводя в действие нервную систему, действует благотворно на обращение крови и на пищеварение. Люди, привыкшие к трудовой кабинетной жизни, чувствуют возбуждение аппетита скорее после умеренного умственного труда, чем после прогулки. Конечно, умственный труд не может развить мускулов, но деятельность и особенная живость нервной системы заменяют этот недостаток. И если умственная деятельность не избавляет совершенно от необходимости движения, то значительно уменьшает эту необходимость. Человек без умственных занятий гораздо сильнее чувствует вред сидячей жизни. Это в особенности заметно на тех ремесленниках, ремесла которых, не требуя значительных физических усилий, требуют сидячей жизни и весьма мало умственной деятельности. Смотря на бледные, восковые лица портных, невольно желаешь всеобщего введения швейной машины. Сильное развитие нервной системы умственным трудом дает необыкновенную живучесть телу человека.

Между учеными в особенности встречается много людей, доживающих до глубокой старости, и люди, привыкшие к умственным трудам, выносят перемену климатов, дурной воздух, недостаток пищи, отсутствие движения не хуже, а часто и лучше людей, у которых сильно развиты мускулы, но слабо и вяло действуют нервы. Причины этого надобно искать в том важном значении, которое имеет нервная система в жизни остальных систем человеческого организма, и в том участии, которое принимает она во всех его отправлениях. Конечно, всего полезнее было бы для здоровья человека, если бы физический и

умственный труд соединялись в его деятельности, но полное равновесие между ними едва ли необходимо. Человеческая природа так гибка, что способна к величайшему разнообразию образа жизни. Самый сильный перевес труда умственного над физическим, и наоборот, скоро переходит в привычку и не вредит организму человека: только совершенные крайности в этом отношении являются губельными. Кроме того, при нынешнем состоянии общества трудно представить себе такой образ жизни, в котором бы труд физический и умственный уравнивались: один из них будет только отдыхом. Но если для тела необходим личный труд, то для души он еще необходимее.

Кто не испытал живительного, освежающего влияния труда на чувства? Кто не испытал, как после тяжелого труда, долго поглощавшего все силы человека, и небо кажется светлей, и солнце ярче, и люди добрее? Как ночные призраки от свежего утреннего луча, бегут от светлого и спокойного лица труда - тоска, скука, капризы, прихоти, все эти бичи людей праздных и романтических героев, страдающих обыкновенно высокими страданиями людей, которым нечего делать. (...)

Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его *не для счастья*, а готовить к труду жизни. Чем богаче человек, тем образование его должно быть выше, потому что тем труднее для него отыскать труд, который сам напрашивается к бедняку, таща за спиной счастье в нищенской котомке. Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни. (...) Чтобы человек искренно полюбил серьезный труд, прежде всего должно внушить ему серьезный взгляд на жизнь. Трудно представить себе что-нибудь противнее цели истинного воспитания, как тот легкий шутовской оттенок, который придают учению и даже вообще воспитанию некоторые педагоги, желающие позолотить для детей горькую пилюлю науки. (...) Но воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно дать еще и привычку к труду, потому что дельный, серьезный труд всегда тяжел. Для этого есть много средств; мы перечислим из них некоторые.

Преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы. Леча больного, доктор только помогает природе; точно так же и наставник должен только помогать воспитаннику бороться с трудностями постижения того или другого предмета; не учить, а только помогать учиться. Метода

такого вспомогательного преподавания, кроме многих других достоинств, имеет еще главное то, что она, приучая воспитанника к умственному труду, приучает и преодолевать тяжесть такого труда и испытывать те наслаждения, которые им доставляются. Умственный труд едва ли не самый тяжелый труд для человека. Мечтать - легко и приятно, но думать - трудно. (...) Вместе с этой привычкой трудиться умственно приобретается и любовь к такому труду или, лучше сказать, жажда его. Человек, привыкший трудиться умственно, скучает без такого труда, ищет его и, конечно, находит на каждом шагу. Самый отдых воспитанника может быть употреблен с большой пользой в этом отношении. Отдых после умственного труда нисколько не состоит в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы переменить дело: труд физический является не только приятным, но и полезным отдыхом после труда умственного. Конечно, смотря по возрасту, должно быть дано время и для игр; но, чтобы игра была настоящей игрой, для этого должно, чтобы ребенок никогда ей не пресыщался и привык мало-помалу без труда и принуждения покидать ее для работы. Более всего необходимо, чтобы для воспитанника *сделалось невозможным* то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что в эти именно минуты портится голова, сердце и нравственность. (...) Таким образом, воспитание должно неусыпно заботиться, чтобы, с одной стороны, открыть воспитаннику возможность найти себе полезный труд в мире, а с другой - внушить ему неутомимую жажду труда. Чем обеспеченнее будущее состояние воспитанника, чем менее предвидится для него насущных потребностей, вызывающих поневоле на труд, тем более должен расширяться перед ним горизонт мира, в котором для всякого, кто понимает назначение жизни человека и научился сочувствовать интересам человечества, найдется довольно почтенного и полезного труда. Чем богаче человек, тем выше, тем духовнее, тем более философское должно быть его образование, чтобы он умел сыскать себе достойный труд по сердцу. Бедняка труд и сам найдет: довольно, если он будет готов его выполнить. Возможность труда и любовь к нему - лучшее наследство, которое может оставить своим детям и бедный, и богач.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

О ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

Выбор профессии имеет громадное значение. Надо, чтобы человек черпал в труде радость, а не чувствовал к нему отвращение.

Только когда профессия ему по душе, когда у человека есть интерес к тому делу, которое он делает, когда он влюблен, что называется, в свою работу, тогда только может он черпать радость в своем труде, только тогда он может максимально повысить напряженность своего труда без переутомления, только тогда может дать он ценное в своей области труда.

При приеме в вузы у нас не учитывается почти совершенно интерес учащегося, и люди поступают туда, куда удается поступить.

Что из этого выходит? То, что человек часто учится в вузе, чтобы потом можно было получше устроиться, а совсем не потому, что его данная отрасль работы интересует. И выходит из вуза не мастер своего дела, а чиновник. Он и экзамены сдаст, и все положенные работы сделает, но никогда не будет изюминки в его работе, никогда его труд не будет творческим трудом.

Свободный выбор профессии имеет громадное значение. Когда человек любит то дело, которым занимается, он может черпать в нем радость, удовлетворение, проявлять богатую инициативу, повышать без утомления напряженность труда.

Советская власть с первых же шагов стала ломать классовые средостения, перестроила всю систему народного образования, стараясь всеми путями вооружать рабочих знаниями, отбирая из всей суммы знаний то, что являлось самым существенным для культурного роста масс.

Сейчас лицо нашей страны изменилось до неузнаваемости. Развитие крупной промышленности, коллективизация сельского хозяйства, механизация его – все это создало базу для сближения между городом и деревней, расширился горизонт людей, выросла сознательность людей. Многограннее стала жизнь людей, усиленно идет - вызывается развитием техники и науки - все возрастающая связь между трудом физическим и умственным, сломаны старые перегородки, заграждавшие массам путь к знанию.

Сейчас в СССР созданы уже основные предпосылки для свободного выбора профессии. Это не означает, однако, что хоть в какой-либо мере может быть ослаблена бдительность на фронте культуры.

Наши общеобразовательные школы должны вооружить учащихся общими трудовыми навыками, требуемыми современной техникой, и тем открыть им доступ к целому ряду профессий. Спешить с выбором профессии не следует: это значит связывать свободу выбора профессии. Против раннего выбора профессии очень сильно предупреждал Ленин.

Есть целый ряд профессий, которые требуют специальных свойств: остроты слуха, зрения, особого развития осязания, особенной тренировки нервных центров и пр. Этими вопросами занимается особая наука - психотехника. Она имеет очень большое значение для отбора наиболее приспособленных людей для целого ряда профессий. Она может предохранить при выборе профессии людей от ряда ошибок.

В заключение несколько слов об одаренных детях. И одаренный ребенок, как всякий другой, должен иметь право на общее образование. Мы должны обеспечить ему возможность всестороннего развития в обычной советской школе, помня, что раннее замыкание в специальность ограничит для ребенка в будущем возможность широкого применения своих способностей. Возьмем пример. У ребенка прекрасная зрительная память. Он прекрасно рисует. Его с ранних лет определяют в профшколу, где он изучает технику рисования, а кругозор его никто не ширит, коммунистический подход к явлениям не воспитывает, подлинного коммуниста, общественника-коллективиста из него не растит никто. И вот вырастает талантливый рисовальщик - корзину с фруктами рисует замечательно, а отразить что-либо рисующее особенность современного социалистического уклада, просто, без вычур, но так, чтобы рисунок говорил ярче слов, не умеет.

О ПОЛИТЕХНИЗМЕ

Наша страна была до сих пор одной из самых отсталых в промышленном отношении стран. Теперь она идет по пути индустриализации, и отсталые, веками практиковавшиеся навыки труда отмирают, вытесняются современной крупной промышленностью, строящейся на основе последнего слова науки. Идет реконструкция всего народного хозяйства.

Но и независимо от нашей отсталости современная крупная промышленность, на которую держит курс наша страна, не есть нечто стабильное. Для нее характерны, как это еще в свое время отмечено К. Марксом, постоянные изменения в процессах производства, постоянные изменения в технических основах производства - перманентная, так сказать, реорганизация

производства. От современного рабочего требуется поэтому умение приспособляться к все изменяющимся условиям производства, овладевать новыми методами производства. В нашей же стране, в которой надо подводить как можно скорее производственную базу под социалистическое строительство, где в реконструкции играет такую роль кооперирование населения, где нельзя произвести переворота во всем хозяйстве страны без участия самих масс, как это постоянно подчеркивал Ленин, политехнический кругозор масс играет колоссальную роль.

Реконструкция всего народного хозяйства пробуждает в массах, в том числе и в детских массах, интерес к технике, что создает благоприятные предпосылки для проведения политехнического воспитания, углубляющего этот интерес и подводящего под него научную базу,

Необходимо, чтобы наши учреждения начиная с детского сада не заглушали этого интереса, а всячески развивали его путем сообщения соответствующих фактов, научного осмысливания их путем создания соответствующих книг для чтения, путем показа, экскурсий, наблюдений, путем изучения процесса труда и т. д. Надо увлечь учащихся романтикой современной техники.

В целях практического ознакомления с современной техникой должна быть использована каждая электрическая станция, каждая железнодорожная мастерская, каждый трактор, каждая швейная машина, каждая мастерская, каждый завод, каждая фабрика».

В чем заключается содержание политехнического образования? Было бы ошибочно думать, что это содержание сводится лишь к приобретению известной суммы навыков (как это думает Гастев), или к многоремесленности, как полагают иные, или лишь к изучению современных, притом наивысших, форм техники (как это думает Панкевич).

Политехнизм — это целая система, в основе которой лежит изучение техники в различных ее формах, взятой в ее развитии и всех ее опосредствованиях. Сюда входит и изучение «естественной технологии», как называл Маркс живую природу, и технологии материалов, и изучение орудий производства, их механизмов, изучение энергетики. Сюда входит и изучение географической основы экономических отношений, влияние способов добывания и обработки на общественные формы труда и влияние последних на весь общественный уклад.

Политехнизм не есть какой-то особый предмет преподавания, он должен пропитывать собою все дисциплины, отразиться на подборе материала и в

физике, и в химии, и в естествознании, и в обществоведении. Нужна взаимная увязка этих дисциплин и увязка их с практической деятельностью, и особенно увязка их с обучением труду, только такая увязка может преподаванию труда придать политехнический характер.

Само собой, политехнически построенная программа требует от учащихся больше, чем какая-либо другая, умения наблюдать, углублять и проверять свои наблюдения путем опытов, путем практики, в частности трудовой практики, требует умения фиксировать свои наблюдения и делать из них выводы.

Обучение труду в политехнической школе должно давать учащимся, с одной стороны, общие трудовые навыки (как-то: умение ставить своему труду определенные цели, планировать свою работу, делать расчеты, составлять чертежи, целесообразно распределять, между собою работу, работать коллективно, умение экономно обращаться с материалом, обращаться с инструментами, добиваться известной, доступной для данного возраста тщательности в работе и т. д.), с другой стороны - осмысливать трудовые процессы с точки зрения техники, организации труда, их общественной значимости (конечно, опять-таки в соответствии с возрастом и жизненным опытом учащихся).

Вооружение трудовыми навыками помогает углублять постановку общественно полезной работы школы, которая имеет громадное значение в деле воспитания навыков коллективного труда и в деле воспитания у ребят общественного подхода к своему труду.

Рисовальные и чертежные классы, лаборатории, мастерские и опытные участки являются необходимым школьным оборудованием. Однако школа должна стремиться организовать работы ребят в самом производстве.

Само собой, политехническая школа имеет различный облик на различных своих ступенях. На первой ступени трудовое воспитание неизбежно носит общий характер. Но в семилетке за исходный пункт берется уже какая-либо определенная область производства (как мы видим это, например, в подростковой школе ШКМ и в школе ФЗС), однако в семилетке нет еще специализации. Цель ее – осмыслить для учащегося самые основы производства, помочь ему понять технические и хозяйственные взаимоотношения данной отрасли производства с рядом других, вооружить умением связывать теорию с практикой. Во втором концентре дается уже известная специализация, однако специализация эта дается таким образом,

чтобы она, давая необходимые в определенной профессии умения, ширила бы в то же время политехнический кругозор учащихся.

Политехническая школа отличается от профессиональной тем, что центр тяжести в ней лежит в осмысливании трудовых процессов, в развитии умения связывать воедино теорию и практику, умении понимать взаимозависимость известных явлений, тогда как в профессиональной школе центр тяжести переносится на вооружение учащихся трудовыми навыками.

Однако природа современной крупной промышленности такова, что она предъявляет спрос на специалистов такого типа, которые могли бы приспособляться ко все изменяющимся условиям производства, поэтому все более и более начинает подводиться политехнический базис под обучение навыкам и в профессиональных школах (по крайней мере в отраслях, охваченных крупным производством).

Но правильно поставленное политехническое воспитание вырабатывает такого всесторонне развитого работника, который не нужен капиталисту. Вот почему при капитализме политехническая школа не может развернуться полностью.

Развитию политехнической школы в нашей Советской стране мешает слабое развитие крупной промышленности. Однако с каждым годом это препятствие будет ослабляться, и советская школа будет принимать все более и более политехнический облик.

СТАНИСЛАВ ТЕОФИЛОВИЧ ШАЦКИЙ О СООБЩЕСТВАХ СОТРУДНИКОВ

Общество «Сетлемент» в Москве (1910). Сама жизнь вылила в определенные формы те идеи, которые были положены в основу работы нового общества. Работа эта поддерживалась главным образом доверчивыми, глубокочеловеческими отношениями сотрудников с детьми и их семьями.

Работа эта должна была ободрять, давать толчки к развитию сил ребенка, приучать его помогать себе и стараться достигнуть хотя бы и маленькой цели, но своим трудом, своими мыслями. Она должна была создавать у детей привычку думать о других, укрепляя в них чувства человечности. Важно было видеть в детях не просто учеников, пришедших в «Сетлемент» поучиться читать, писать, пилить, строгать или шить, но и близких знакомых, и если возможно, то и друзей.

Эту неуловимую, тонкую, но ясно понимаемую чуткими людьми черточку хотелось передать и детям, и только это заставляло участников «Сетлемента» так

дорожить дружностью и бодростью работы в нем, пренебречь ради этого многими удобствами жизни и, поселившись там же, где шла их работа, устроить для нее культурную, человеческую обстановку.

В новом, специально отстроенном доме, благодаря удобствам помещения, детские занятия пошли особенно успешно; развертывались детские силы и способности, и три группы сотрудников «Сетлемента» могли теперь с новыми силами приняться за работу.

Одна группа создавала экспериментальную народную школу и детский сад. Руководители школы, не удовлетворяясь той постановкой школьного дела, при которой дети, главным образом пассивно, воспринимают школьную науку, работая почти исключительно памятью, что не свойственно натуре ребенка, стремились дать ученикам, кроме умственной, физическую и художественную работу. Ребенок приобретает познания прочнее и глубже, если он сам изображает, как может, те явления или делает те предметы, о которых ему говорят; таким образом у него систематически упражняются и зрение, и слух, и мускулы, приобретается некоторый навык к работе и развиваются творческие способности. Детский сад служил подготовительной ступенью к школе. Благодаря одинаковым методам работы дети, переходя от детского сада к школе, не чувствовали никакой разницы.

Вторая группа с А.У. Зеленко во главе занялась устройством ремесленных курсов для подростков-учеников, находящихся «в ученье» у мелких хозяев-ремесленников. В доме «Сетлемента» открылись мастерские – переплетная, слесарная и столярная для мальчиков и швейная – для девочек. Любопытно было видеть, с каким ожесточением набросились, и притом еще после своего трудового дня, эти подростки на работу в новой, свежей, человеческой обстановке.

Третья группа руководила детскими клубами в приюте. Это была новая детская жизнь, поддерживаемая самыми здоровыми настроениями. Стали намечаться новые группы детей. Одной из первых образовалась группа любителей земледелия. Она обосновалась в маленькой комнатке, приспособленной для занятий по естествознанию. Здесь же приютилась смешанная группа мальчиков и девочек, жаждущих образования. Они очень интересовались химией, физикой, географией.

Другая комната чаще всего видела у себя две группы: фотографов и астрономов. Фотографы были очень деятельны. Прежде всего они поставили себе практическую цель – сделать каждому по аппарату. Некоторым это и удалось. Астрономия всегда нравилась детям. Но теперь появился в «Сетlemente»

настоящий телескоп, пятидюймовый рефрактор. Для него была построена башня. Самым оживленным помещением в доме была большая комната для ручного труда. Здесь стояли верстаки, стол со слесарными тисками, паяльная лампа, было много досок, лежали всевозможные инструменты и материалы. По утрам эта комната была занята школой или детским садом, по вечерам в разных углах кипела настоящая работа: здесь мастерили электрические элементы, компасы, машины, звонки, которые затем ставились ребятами в своих квартирах; тут же делали модели разных построек, лепили из глины. Все шкафы и полки были загромождены всякими вещами, созданными неутомимыми детскими руками.

При том значении, которое «Сетлемент» придавал детскому творчеству, само собой разумеется, что искусство должно было занять в нем большое место. Художник, скульптор и музыкант были любимыми гостями «Сетлемента». В новом доме создавался целый хор серьезно относящихся к музыке ребят. К концу года дело настолько наладилось, что хористы взялись за разучивание маленькой оперы. Ее намеревались поставить на маленькой сцене в общем зале «Сетлемента». Декорации взялся писать художник Симов, сотрудник Художественного театра. Театральное искусство, понятно, было для детей одним из самых любимых. Спектакли имели ту хорошую сторону, что они очень объединяли детей. Наиболее тихим местечком была небольшая комната, уютная по настроению, обыкновенно создававшаяся в ней, – читальня вместе с библиотекой. Здесь стояло два стола. И обыкновенно можно было застать там кружок детских головок, наклонившихся над большой книгой с картинками, и среди них сотрудника, который тихо ведет какой-нибудь рассказ; тишина тут была законом.

Такова в общих чертах была умственная, художественная и трудовая жизнь детского «Сетлемента». Влияние его не ограничивалось детьми. Оно переходило и на их родителей, которые заинтересовывались рассказами детей и приходили в «Сетлемент» познакомиться с сотрудниками. Матери особенно часто посещали женщину-врача, которая с величайшей охотой шла навстречу материнским заботам и их желанию посоветоваться о детях. Некоторые из родителей, несмотря на свой трудовой день, предлагали свое участие в работе сотрудников: с их помощью велись рукоделие, черчение и фотография. Начало общественности, складного человеческого общежития, совместной работы, взаимопомощи, заботы об общих нуждах были предметом горячих забот «Сетлемента». Детям уже привычно было заботиться о порядках в тех помещениях, которые были заняты ими. Они

самостоятельно предложили сотрудникам устроить хозяйственную комиссию из детей и сотрудников. Эта комиссия должна была заботиться о порядке по всему дому и составлять правила, обязательные для всех.

В «Сетлементе» дети не были «отдельными посетителями», это было живое детское общество, сознававшее себя участником общего дела, общей жизни. Иногда это сознание выражалось особенно ярко. Как-то раз в воскресный день произошла драка на дворе «Сетлемент» между столяром, работавшим постоянно в мастерской, и каким-то крестьянином, привезшим дрова. Это узнали трое подростков. Они попросили собрать всех детей и на собрании высказали свое негодование на столяра. Он стал бить мужика и этим опозорил «Сетлемент». Столяра позвали для объяснений. Тот пришел и стал оправдываться. Дети чрезвычайно внимательно отнеслись ко всему происшедшему, но нашли, что нет оправдания человеку, побившему другого, и предложили столяру извиниться перед всем «Сетлементом». Столяру передалось настроение детей, он перестал оправдываться, сказал: «Прошу прощения у «Сетлемент» – и ушел, заметно сконфуженный. В этот момент было отрадно наблюдать серьезность детей, понявших, что в «Сетлементе» есть нечто такое, с чем грубость и неприязнь не вяжутся.

Общество «Детский труд и отдых» (1909). Общество «Детский труд и отдых» ставит целью своей деятельности культурно-просветительную работу среди подрастающего поколения Москвы. Строго говоря, все неудачи работы с детьми зависят от пренебрежения природными свойствами каждого ребенка. А между тем людьми потрачено немало усилий на изучение особенностей детского склада. И то, что выработалось до сих пор истинной педагогикой, можно свести в общем к пяти положениям:

1. У детей сильно развит инстинкт общительности, они легко знакомятся друг с другом – игры, рассказы, неугомонная болтовня служат признаками этого инстинкта.
2. Дети – настойчивые исследователи по природе, отсюда их легко возбуждаемое любопытство, бесчисленное количество вопросов, стремление все трогать, ощупать, пробовать.
3. Дети любят созидать, устраивать часто из ничего, дополняя недостающее воображением.
4. Детям необходимо проявлять себя, говорить о себе, о своих впечатлениях. Отсюда постоянное выдвигание своего «я» и огромное

развитие фантазии и воображения – это инстинкт детского творчества.

5. Громадную роль в формировании детского характера играет инстинкт подражательности.

Задача правильной работы с детьми состоит в том, чтобы дать разумный выход этим инстинктам, не притупляя никакого из них. Нужно призвать на помощь детские силы, дорожа детскими запросами, и только таким образом можно то лучшее, что выработано людьми, сделать для них интересным. Центром, основой нашей работы является детский труд, существенно отличающийся от труда взрослого тем, что он должен быть общеобразовательным. Дети будут работать в слесарной, столярной, ткацкой, гончарной комнатах. Нам нужна будет кухня, где могли бы дети учиться готовить самые обычные кушанья для тех, кто недоедает дома. Необходимо устроить комнаты для скульптуры, рисования, для работ по естествознанию, куда могли бы уйти наиболее пытливые детские умы, и помещение для таких детских работ, для которых потребовался бы самый разнообразный материал, где широко и свободно проявлялось бы детское творчество.

Такие комнаты-мастерские должны иметь огромное общеобразовательное значение, тем более что в связи с ними будут экскурсии, посещение музеев. Все, с чем дети познакомятся при помощи рук, глаз, слуха, переработается еще раз при помощи книжки. Поэтому библиотека должна занять в нашей работе большое место. Мы отводим ей и отдельным читальням несколько комнат. Пусть дети приходят к книге! Они должны иметь комнату, где будут тихо читать свое.

Но будут комнаты, где все захватывающее будет прочитываться вслух, где будут задаваться вопросы, где полюбятся рассказы и чтения взрослых и детей. Но мало дать детям работу, мало знакомить их с прошлым трудом людей, связывая в их представлении прошлое и настоящее. Важно привести детей в более близкое соприкосновение с тем, что дает современная жизнь. Отсюда возникает необходимость широкого устройства экскурсий в музеи и картинные галереи Москвы (знакомство с наукой и искусством), на фабрики и заводы (знакомство с трудом) и за город.

Мысль о деревне, о природе приводит к сознанию необходимости дополнить городскую работу общества. Мы должны иметь в виду существование постоянной детской сельскохозяйственной колонии недалеко от города, которая ввела бы детей, главным образом подростков, в интересы важной человеческой деятельности, поддерживающей фактически жизнь и входящей в близкое

соприкосновение с природой. Большое оживление в детскую жизнь нашего дома внесет общий зал, где можно будет порезвиться и поиграть, где будут ставиться детьми спектакли, где будут происходить общие чтения с туманными картинами, спевки и концерты нашего хора. Летом же все оживление перенесется на площадку для игр тут же при доме.

Так рисуется нам деятельность нашего общества. Его основные идеи являются, в сущности, расширением идеи музея как собрания результатов человеческой работы в области науки, искусства и физического труда, но музея, стоящего рядом с жизнью, постоянно движущегося, где основой всего будут не неподвижные предметы, а живые люди, с одной стороны, стремящиеся передать детям все лучшее, что они умеют или знают, а с другой стороны – посетители музея, дети, ставшие участниками его работы и общими силами создающие свой трудовой музей, сообразно с силами и способностями каждого. Большое оживление в детскую жизнь нашего дома внесет общий зал, где можно будет порезвиться и поиграть, где будут ставиться детьми спектакли, где будут происходить общие чтения с туманными картинами, спевки и концерты нашего хора. Летом же все оживление перенесется на площадку для игр тут же при доме. Так рисуется нам деятельность нашего общества. Его основные идеи являются, в сущности, расширением идеи музея как собрания результатов человеческой работы в области науки, искусства и физического труда, но музея, стоящего рядом с жизнью, постоянно движущегося, где основой всего будут не неподвижные предметы, а живые люди, с одной стороны, стремящиеся передать детям все лучшее, что они умеют или знают, а с другой стороны – посетители музея, дети, ставшие участниками его работы и общими силами создающие свой трудовой музей, сообразно с силами и способностями каждого.

Наше общество надеется бороться с улицей при помощи самих же детей. Если дети приучатся к созидательной деятельности, если работа будет захватывать их интересы, их творческие инстинкты, то они сами и создадут для себя прочный оплот против того, что тянет их назад, что ожесточает, притупляет и отдает во власть диких инстинктов, создавая из них грозную опасность для культуры.

О ПУТЯХ К НОВОЙ ШКОЛЕ

Дети – работники будущего (1908)

В настоящее время детская жизнь, детское образование и воспитание начинают занимать очень большое место в мыслях людей, и часто бывает, что те, кто стоит близко к детям, мало-помалу приходят к сознанию, что не все в жизни

детей для них ясно и определенно и что многое нужно пересмотреть, передумать вновь и создать общими усилиями новое отношение взрослого общества к детям, считаясь с их запросами и требованиями. Появляются откуда-то неизвестные до сих пор права слабых, почти незаметных существ; создается огромное социальное движение, стремящееся внести в детскую жизнь элементы свободы, самостоятельности, труда и солидарности. Если дети что-либо думают, желают, мечтают, то надо сделать так, чтобы многое, находящееся внутри их, вылилось наружу, вошло в их текущую жизнь.

Нужно помочь им: ведь им некуда уйти, нечем защититься. На пути к организации трудовой школы стоят два глубоко укоренившихся общественных предрассудка; это, во-первых, идея необходимости подготовки детей к будущей жизни, деятельности, карьере (социально-воспитательный предрассудок) и, во-вторых, вера в непреложность существования законченного цикла знаний, строго определенного для каждой ступени жизни, цикла, контролируемого экзаменом и награждаемого дипломом (учебный предрассудок).

Мы привыкли готовиться к жизни и очень редко живем по-настоящему. Элементарная школа готовит в гимназии, гимназии в университеты, университеты к службе, жизни, положению в обществе. Отсюда и идет вредоносный утилитарный взгляд на науку как способ процветать в обществе. Вся система подготовки штемпелюется дипломом. Это то, что талантливейший педагог проф. Ал. Фортунатов назвал папирократией – властью бумажки, на которой написаны ложные достижения и заслуги человека. А между тем передовыми мыслителями-педагогами всегда утверждалось осуществление возможно полной детской жизни сейчас, без мысли о том, что даст будущее.

Должна быть поставлена такая задача педагога: «Вернуть детство детям». Грозный призрак будущего устраняется, и перед нами разворачивается реальная детская жизнь с ее неизмеримо богатым содержанием и целесообразностью.

В самом деле, становится несносным работать и знать, что ты не понимаешь тех детей, которых так любишь, что забыл самого себя. Раз мне пришлось наблюдать, как в течение трех дней маленькие дети промывали в теплой воде песок из аквариума. Мне показалось неестественным, что дети так долго не могут достигнуть результата, и я посоветовал поставить банку с песком под кран, где песок промоется в полчаса.

«А почему ты знаешь? – заметил мне один маленький философ, – может, нам приятно полоскаться в воде. Она теплая». Да, я не понял простой вещи. Не понял,

что в этом случае процесс имеет большее значение, чем результат, что у детей была игра с водой и им нравилось зимой ощущение теплой воды. Основное отличие между детьми и нами состоит в том, что они растут, развиваются, – у нас же рост закончен. Неустойчивость является законом у детей и недостатком у взрослых. Поэтому нам трудно понять детей. Самая важная работа наша должна быть направлена на то, чтобы сохранить то, что есть в детях. Чтобы можно было построить идею разумной школы – назовем ее трудовой, творческой, школой жизни, новой школой, школой игры, школой-общинной, школой радости, школой детства, свободной школой, школой будущего, домом свободного ребенка, социальной школой, – она должна самым тщательным образом опереться на ребенка. Школа для детей, а не дети для школы. Все, чему нужно учить в такой школе, – это учить работать. С этой точки зрения понятие о разумной школе может быть таково: школа есть место, где обрабатываются, систематизируются результаты своего личного опыта и приводятся в связь с результатами чужого.

Охваченный сильным педагогическим устремлением, я все-таки не читал почти никаких педагогических книг. А если и читал, то оставался к ним равнодушным. Мне казалось, что ярко живший в душе личный, испытанный на себе в школе опыт применения педагогических приемов дает мне право определенно судить о том, как не надо заниматься педагогикой, и хотелось поэтому поскорее начать действовать самому. Таким образом, можно найти, откуда пошли толчки, давшие начало определенному педагогическому интересу, – это тяжкие психические раны, нанесенные уму годами учения в средней и высшей школе. Когда я учился, то постоянно чувствовал, что так, как меня учили, не надо ни учиться, ни учить. И моя педагогическая вера выросла из отрицательной оценки педагогики, примененной к себе.

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

ВЫБОР ПРОФЕССИИ⁷

И до революции я работал с детьми. Как и полагалось до революции, в моем ведении находилось очень ограниченное социальное поле. Я сам был сыном рабочего, и мои ученики были такого же сорта. Официальные люди того времени называли нас мастеровыми. Все же у меня были дети мастеровых более высокого ранга — железнодорожников. Родители их были народом квалифицированным: заслуженные деятели паровозных и вагонных парков, машинисты, их помощники, токари, попадались между ними и начальники станций.

Железнодорожники жили лучше других рабочих и даже несколько гордились своей хорошей жизнью. И детей своих учили не в каких-нибудь «начальных» трехлетках и не в церковноприходских школах, а в специально для них придуманных «пятилетках». Одним словом, мои ученики составляли, некоторым образом, привилегированное детство.

Оканчивая пятилетку, мои ребята приступали к выбору жизненного пути. Я руководил ими, и тогда мне казалось, что я действительно им помогаю и что без моей помощи трудно было бы ребятам выбрать жизненный путь. А сейчас я вспоминаю это время и думаю насмешливо; собственно говоря, ребятам моя помощь и не требовалась: выбора никакого не было. Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500; всем помог выбрать профессию, и все они, за малым исключением... сделались железнодорожниками. То, что я называл выбором профессии, было вариацией на очень малом диапазоне: от паровозного слесаря до паровозного машиниста. Окончив школу, мои ребята поступали в тот или иной цех «учеником». Я годами встречал их в этом завидном звании, и они все были похожи друг на друга: замасленная, заношенная рубашка, измазанная мордочка, в руках неизменные «концы». Учебная работа их заключалась почти исключительно в том, что они целый день ползали в самых грязных местах и вытирали части машин и паровозов. Только когда у них начинала сильно отрастать борода, их переводили в помощники

⁷ Выбор профессии. Статья написана А. С. Макаренко в 1937 г., когда он был привлечен к проведению консультаций по выбору профессии для оканчивающих среднюю школу. Макаренко выступал по этому вопросу на собраниях учащихся, проводил индивидуальные беседы. Впервые статья была опубликована в 1948 г. в сборнике «А. С. Макаренко. Педагогические сочинения».

слесаря, это было уже большим карьерным достижением. Зарботки их выражались в каких-то грошах, и тем не менее при выборе профессии этот заработок был чуть ли не единственным стимулом.

* * *

После революции судьба поручила мне «самый низший отдел человечества» — беспризорных... Вот кто составлял мое обычное общество. До того, как попасть в мою колонию, эти маленькие люди, собственно говоря, уже выбрали себе «профессию», были ею очень довольны и мою непрошенную консультацию встречали даже с некоторым сопротивлением.

Но я терпеливо приучал их к труду и к школе, вокруг себя они видели новое, советское общество, новую свободу, новые пути человека. Перед их глазами, как и перед глазами всех советских юношей, открылись широкие дороги. Сначала осторожно, потом все смелей и смелей мои воспитанники вступали на них, захватывали новые области, открывали новые перспективы. Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними. Многие мои воспитанники давно стали взрослыми людьми, женились, имеют детей. Тысячи разошлось их по Советскому Союзу, и все нашли для себя профессию. Что они выбрали?

Вот я вспоминаю их имена, вижу их деятельность и хочу честно перечислить их рабочие пути. Но такое перечисление было бы очень утомительным. Мне трудно сказать, что они выбрали. Гораздо легче сказать, чего они не выбрали. И, кажется, единственная «профессия», которую они обошли с презрением, это «профессия» вора или мошенника.

И что поразительно: при выборе профессии они меньше всего думали о будущих заработках, о материальных стимулах. Они жадными глазами следили за великим подъемом нашей жизни и видели, куда требуются силы, где не хватает людей, куда призывает их партия.

В начале первой пятилетки они все бросились в индустрию. «Инженер» — вот что выражало в их глазах высшую степень выполнения долга, высшую форму деятельности. И от того времени много осталось на этом пути: инженеры-технологи, инженеры-строители, специалисты по тяжелому машиностроению, по легкому машиностроению, авиаконструкторы. Потом, когда в самом настойчивом порядке дня стали вопросы культурного строительства, дороги моих учеников стали разнообразнее. Многие пошли учиться на исторические, педагогические, медицинские факультеты, многие ушли в такие заманчивые области, как геология, появились первые представители в области искусства —

студенты литературных факультетов, музыкальных институтов, театральных студий, художественных школ. Особый отдел составляют военные вузы, и самый любимый отдел — летные школы.

Конечно, выбор профессии в советское время — гораздо более трудное дело, чем до революции. Главное затруднение, если угодно, главный недостаток нашего времени — слишком много путей, слишком широки возможности. Чтобы выбрать профессию, теперь не нужно оглядываться ни на классовое или сословное положение, ни на материальную обеспеченность, ни на самодурство родителя. И бывает нередко, когда юноша или девушка растеряется перед этими просторными далями, бросится в одну сторону, увидит нечто более привлекательное. Потом оказывается, что ему вовсе не это нужно, что на самом деле по призванию своему он не летчик, не инженер, а музыкант или медик. И поэтому в настоящее время гораздо большее значение имеет помощь родителя и воспитателя.

Конечно, не всем удастся осилить учебу и дойти до вуза. Многие так увлекаются характером своей работы, что уже не могут добраться до учебных вершин и остаются на средних пунктах: начальниками цехов, инструкторами, монтерами. Но в своей жизни они все равно пережили настоящие стремления, все равно испытали прелесть свободного выбора дороги, а если выбрали более узкую, то по доброй воле.

РАЗДЕЛ 3. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ПЕДАГОГОВ-НОВАТОРОВ

Хороший учитель – это человек, в совершенстве владеющий умениями в той или иной трудовой деятельности, мастер своего дела. В хорошей школе у каждого учителя есть какая-нибудь трудовая страсть. Хороший учитель не всегда приходит в школу с уже готовыми качествами. Часто приходится подбирать человека, имеющего лишь соответствующие данные для этой профессии. Затем начинается кропотливая работа – и он становится хорошим учителем, благодаря обстановке творческого труда педагогического коллектива и учащихся.

Василий Александрович Сухомлинский (советский педагог и писатель)

Что такое «пятерка»? Какой уровень знаний нужно показать на пятерку? Но скажу одно, что мою школу все дети заканчивали на пять, и все как один поступали в институты, у нас иной оценки не было кроме пятерки. Мы просто показывали, что наша пятерка выше любой пятерки в других средних школе. Сопоставительные экзамены и контрольные проводились по всему городу. Повторяю, нужно изменить отношение к оценке и градировать знания учеников не по уровню той пятерки, которая сегодня, а по тому уровню, который нужно еще создать.

Виктор Фёдорович Шаталов (советский и украинский педагог-новатор. Народный учитель СССР. Почётный доктор Академии педагогических наук Украины).

Характер воспитывается только характером, воля – волей, убеждения – убеждениями. Этот жестокий закон не знает милосердия. Все, что нужно для характера ребенка, – это чтобы рядом с ним, перед ним был сильный характер взрослого.

Симон Львович Соловейчик (писатель, общественный деятель, педагог)

Новая школа — это учитель. Учитель со своим сознанием, как будто из будущего пришёл и знает, как хорошо там, он берет детей и ведёт их туда. Учитель с его сознанием, его сердцем, его любовью, его терпением. Мамы, папы, наберитесь терпения — при раздражении исчезает воспитание.

Шалва Александрович Амонашвили (психолог и педагог, новатор в области педагогики, исследователь. Создатель собственной методики работы с детьми).

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУХОМЛИНСКИЙ

СТО СОВЕТОВ УЧИТЕЛЮ

1. Что такое призвание к труду учителя? Как оно формируется?

Как и всякий квалифицированный, целенаправленный, планомерный и систематический труд, воспитание человека является профессией, специальностью. Но это особенная, не сравнимая ни с каким другим делом, профессия.

Она отличается рядом специфических свойств и качеств:

а) Мы имеем дело с самым сложным, бесценным, самым дорогим, что есть в жизни - с человеком. От нас, от нашего умения, мастерства, искусства, мудрости зависит его жизнь, здоровье, разум, характер, воля, гражданское и интеллектуальное лицо, его место и роль в жизни, его счастье.

б) Конечный результат педагогического труда можно увидеть не сегодня, не завтра, а через очень продолжительное время. То, что вы сделали, сказали, сумели внушить ребенку, иногда сказывается через пять, десять лет.

в) На ребенка оказывают влияние многие люди и явления жизни. Миссия школы, наша с вами важнейшая задача, дорогой коллега, - бороться за человека, преодолевать отрицательные воздействия и давать простор положительным. А для этого необходимо, чтобы личность учителя оказывала наиболее яркое, действенное и благотворное влияние на личность ученика.

г) Объект нашего труда – тончайшие сферы духовной жизни формирующейся личности – ум, чувства, воля, убежденность, самосознание. Важнейшие инструменты нашего воздействия на духовный мир школьника – слово учителя, красота окружающего мира и искусства, создание обстоятельств, в которых наиболее ярко выражаются чувства – весь эмоциональный диапазон человеческих отношений.

д) Одной из важнейших особенностей творчества педагога является то, что объект его труда – ребенок – постоянно меняющийся, всегда новый, сегодня не тот, что вчера.

Учительская профессия – это человековедение, постоянное, никогда не прекращающееся проникновение в сложный духовный мир человека. Нет ни одной педагогической закономерности, нет ни одной истины, которая была бы абсолютно одинаково применима ко всем детям. Потому что практическая педагогика – это знание и умения, доведенные до степени мастерства, но и поднятые до уровня искусства. Безграничная вера в человека, в доброе начало в нем – вот что должно

жить в нашей душе, если вы думаете посвятить свою жизнь благородному учительскому труду.

Краеугольный камень педагогического призвания – это глубокая вера в возможность успешного воспитания каждого ребенка. Должно быть терпимым к детским слабостям. Речь идет о мудрой способности понимать и чувствовать тончайшие побудительные мотивы и причины детских поступков.

Еще одна черта, без которой, по-моему, невозможно педагогическое призвание. Я бы назвал эту черту гармонией сердца и разума. Воспитывая это умение, необходимо глубоко проникать в душу ребенка, вдумываться в то, чем он живет, как он смотрит на мир, что представляют собой для него люди, окружающие его. Чтобы стать настоящим воспитателем, надо пройти эту школу сердечности – в течение длительного времени познавать сердцем все, чем живет, что думает, чему радуется и чем тревожится ваш питомец.

2. О здоровье и полноте духовной жизни учителя. Несколько слов о радости учителя

Учителю надо беречь сердце и нервы. Но как беречь сердце и нервы? Умение владеть собой, держать себя в руках – одно из самых необходимых умений, от которого зависят и успех деятельности педагога, и его здоровье. Неумение правильно тормозить ежедневные и ежечасные возбуждения, неумение владеть ситуациями – вот что, прежде всего, издегивает сердце, изматывает нервную систему учителя.

Я не допускал, чтобы дали ростки семена таких отрицательных явлений, как угрюмость, преувеличение чужих пороков, гиперболизация «ненормальных» детских намерений и действий. Наиболее радикальными средствами являются, во-первых, переключение энергии всего коллектива, с учителем вместе, на дело, требующее духовного единства, коллективного творчества, трудовой сосредоточенности всех и каждого, взаимного обмена интеллектуальными ценностями.

Сделайте неприятное, раздражающее – смешным, и вы станете полным властелином мыслей и чувств коллектива.

Правильный отдых, особенно летом и зимой, развивает и укрепляет компенсаторные способности нервной системы, служит выработке выдержки, уравновешенности, умения подчинять эмоциональные порывы контролю разума. Многие опытные учителя, проработавшие в школе 30, 40 и больше лет, рассказывают, что выдержку, самообладание воспитывает у них, в частности и в

особенности, длительное общение с природой, в котором физическое напряжение сочетается с мыслью, наблюдениями. Надо уметь бережно расходовать нервные силы в повседневном труде – это тоже очень важный залог здорового сердца и здорового духа.

3. Как предотвратить истощение нервных сил в процессе повседневной деятельности?

В каждом учителе должна сиять и никогда не угасать маленькая искорка ребенка. Будьте не только слушателем, потребителем музыки детства, но и ее творцом – композитором. Создавайте светлые, жизнерадостные мелодии в музыке детства, от которой зависит ваше здоровье, сила вашего духа, состояние вашего сердца. Ваш рояль и ваша нотная тетрадь, где вы пишете музыку детства, ваша дирижерская палочка, которая повелевает мелодиями, — это очень простая и в то же время очень сложная вещь – оптимизм.

Оптимизм, вера в человека – неисчерпаемый источник творческой энергии, нервных сил, здоровья воспитателя и воспитанника. Недоброжелательность – опасный недуг души, который отражается и на сердце, и на нервах.

Доброжелательность, разумная доброта – вот что должно быть атмосферой жизни детского коллектива, главным качеством взаимоотношений педагога и детей.

Я тысячу раз говорил, и буду твердить до смерти, что взаимная доброжелательность учителя и детей – это те тончайшие нити, которые соединяют сердца и благодаря которым – заметьте, это исключительно важно в нашем педагогическом труде – человек понимает человека без слов, чувствует тончайшие движения души другого человека.

4. Будьте доброжелательны!

Быть доброжелательным – означает относиться к ребенку так, как вы отнеслись бы к собственному сыну. Что, прежде всего, необходимо для спасения сына? Сердце потребовало бы чего-то такого, что создало бы в душе сына моральную чистоту и красоту, сделало бы его настоящим человеком. Доброжелательность педагога выражается, прежде всего, в умении не допустить, чтобы ребенок стал плохим, предостеречь его от ошибочных шагов. Помните, что успехи ребенка в учении, его чувство собственного достоинства – это огонек радости вашего творческого труда, уважаемый мой коллега.

5. Помните, что нет и быть не может абстрактного человека

Нет абстрактного ученика, к которому можно было бы приложить механически все закономерности обучения и воспитания. Нельзя требовать от ребенка невозможного.

Искусство и мастерство обучения и воспитания заключается в том, чтобы, раскрыв силы и возможности каждого ребенка, дать ему радость успеха в умственном труде. А это значит, что в учении должна быть индивидуализация – и в содержании умственного труда, и во времени. Взаимная доброжелательность учителя и ученика сочетается с взаимным доверием.

Успех в учении – это, образно говоря, тропинка, ведущая к тому уголку детского сердца, в котором горит огонек желания быть хорошим. Берегите эту тропинку и этот огонек.

Я продумываю, что будет делать каждый ученик. Для всех подбираю такую работу, которая принесла бы успех. Если ученик не сделал хотя бы маленького шага по пути к овладению знаниями, — это пропавший для него урок. Безрезультатный труд – вряд ли есть более серьезная опасность, подстерегающая и ученика, и учителя.

Как прилежно, сосредоточенно работают шалуны и проказники, если учителю удалось «запрячь» их в посильный умственный труд, сулящий и дающий успех! У меня всегда вызывают досаду и недоумение жалобы кое-кого из учителей: ребенок шалит на уроке, занимается посторонними делами... Да не может этого быть, дорогие товарищи, если вы по-настоящему подумали о том, как заставить трудиться каждого ученика!

6. Где брать время? Сутки имеют только 24 часа

«К этому уроку я готовился всю жизнь, - ответил учитель. – И вообще к каждому уроку я готовился всю жизнь».

В чем же заключается эта подготовка? Это – чтение. Повседневная, на всю жизнь дружба с книгой. Не прекращающееся ни на один день журчанье ручейка, пополняющего реку мысли. Надо, чтобы школьный учебник основ науки, которую вы преподаете, был для вас азбукой. Чтобы в море ваших научных познаний, основы которых вы даете школьникам, учебник был каплей. Тогда на подготовку к урокам не будет уходить несколько часов.

Количество переходит в качество: чем шире фон, на котором школьный учебник выглядит, как маленький луч в ярком потоке света, тем заметнее то профессиональное качество, которое создает фундамент педагогического

мастерства: способность распределять внимание при изложении материала на уроке. Учитель объясняет, например, тригонометрические функции, но главная его мысль – не о функциях, а об учениках: он наблюдает, как работает каждый школьник, какие трудности восприятия, мышления, запоминания встречаются отдельные воспитанники. Он не только учит, но и умственно воспитывает в процессе учения.

21. Учите наблюдать, учите видеть

Культура педагогического труда во многом определяется тем, какое место в умственном развитии школьников занимает наблюдение. Из наблюдений не только черпаются знания, — в наблюдениях знания живут, благодаря наблюдениям они, можно сказать, идут в оборот, применяются как инструменты в труде.

Если повторение — мать учения, то наблюдение — мать осмысливания и запоминания знаний. Наблюдательный ученик никогда не бывает неуспевающим или неграмотным. Учитель, умеющий помочь ученику использовать ранее усвоенные знания для все новых и новых наблюдений, достигает того, что чем «старше» знания ученика, тем они прочнее.

Школа наблюдения в младшем возрасте — необходимое условие умственного развития.

34. Воспитывайте трудовыми увлечениями

Десятилетия работы в школе убедили меня в том, что труд играет исключительно важную роль в умственном развитии. Ум ребенка — на кончиках его пальцев. Опыт убеждает, что для умственного развития школьников надо выбирать следующие виды труда:

а) Конструирование и монтирование действующих моделей установок, механизмов, приборов.

б) Выбор способом передачи, преобразования, трансформации энергии: и движения.

в) Выбор способов обработки материалов, выбор инструментов и механизмов, технологических приемов обработки.

г) Создание среды, необходимой для нормального развития жизненных процессов (у растений и у животных), управление этой средой.

37. Советы учителю, начинающему работать в школе

Многое, и, прежде всего надо накапливать по крупинке интеллектуальное богатство и педагогическую мудрость воспитателя. Перед вами большой

жизненный путь, на нем вы встретитесь с самыми неожиданными человеческими судьбами, к вам будет обращен пылливый ум и взор юноши, ищущего ответ на вопросы: как жить? В чем счастье? Где истина? Чтобы ответить на эти вопросы, надо постигнуть диалектику стремления человека к правде, к торжеству идеалов народа, надо осмыслить и прочувствовать душой вершину борьбы человечества за лучшее будущее.

Советую вам, юный Друг, ежемесячно читать три книги: 1) по проблемам науки, основы которой вы преподаете; 2) о жизни и борьбе человека, образ которого является светочем, примером для молодежи; 3) о душе человека — особенно ребенка, подростка, юноши, девушки (книги по психологии).

Пусть в вашей личной библиотеке будут эти три раздела. Только повседневное пополнение научных знаний даст вам возможность видеть умственный труд учеников в процессе изложения материала: в центре вашего внимания будут не мысли о содержании урока, а мысли о мышлении ваших питомцев. Это вершина педагогического мастерства каждого учителя, к ней вы должны стремиться.

Создавайте, обогащайте свою личную библиотеку художественной литературы. Воспитателю необходимо также утонченное чувство красоты. Вы должны любить красоту, творить её и оберегать - красоту в природе и в душе наших питомцев. Знайте, что если вы любите сажать и выращивать деревья, если вам доставляет радость прийти к ульям и слушать жужжанье пчел в цветущих деревьях, которые вы вырастили своими руками, - у вас есть наиболее прямая дорога к сердцу человека - духовное общение в труде, создающем красоту.

38. Советы учителю, готовящемуся работать с первым классом

Вам надо хорошо знать каждого своего будущего питомца.

Что значит знать ребенка?

Это, прежде всего, иметь представление о его здоровье. За полтора года до начала работы с детьми передо мной был список будущих учащихся.

Опыт убедил в том, что воспитание должно способствовать исцелению человека, избавлению его от недугов, которые чаще всего зарождаются в детстве. Больной ребенок требует особых методов воспитания, нуждается в специальной медицинской педагогике.

Я считаю, что очень важно знать, как взаимоотношения в семье способствуют предотвращению недугов и исцелению детского организма, если

недуг по той или иной причине уже есть. Особенно зависит от семьи состояние нервной системы и сердца ребенка.

Собрать родителей очень важно, чтобы пришли и отцы, и матери и поговорить с ними о взаимоотношениях в семье, способствующих, формированию здоровой нервной системы, а в связи с этим положительных нравственно-психологических качеств.

46. Советы учителю, работающему в большой школе

Я бы советовал вначале просмотреть тетради всех коллег по работе в начальных классах. Ученические тетради — зеркало всей воспитательной работы.

Совершенствование педагогического мастерства — это прежде всего самообразование, личные ваши усилия, направленные на повышение собственной культуры труда и в первую очередь культуры мышления. Без индивидуальной мысли, без пытливого взгляда на собственный труд немыслима никакая методическая работа.

Чем больше вы изучаете и наблюдаете опыт своих старших коллег, тем более необходимы вам самонаблюдение, самоанализ, самосовершенствование, самовоспитание. На основе самонаблюдения, самоанализа у вас будут рождаться собственные педагогические идеи. Изучая, например, связи между тем, что делается, и тем, что получается в результате, вы приходите к выводу: от зерна, посаженного в прекрасно обработанную почву сегодня, далеко не всегда можно ждать ростка уже завтра. То, что делается сегодня, во многих случаях можно оценить лишь через несколько лет. Это одна из очень важных закономерностей педагогического труда. Она заставляет всегда думать о перспективе.

49. Советы относительно дневника учителя

Я советую каждому учителю вести педагогический дневник. Это не официальный документ, к которому ставятся какие-то формальные требования. Дневник - личные записи, заметки. Они могут пригодиться в повседневной работе. В них — источник раздумий, творчества. Дневник, который ведется десять, двадцать, а то и тридцать лет — это огромная ценность. Ведь у каждого думающего педагога есть своя система, своя педагогическая культура. Сколько драгоценных жемчужин педагогической мудрости пропадает тогда, когда учитель-мастер, учитель-творец, завершив свою творческую жизнь, уносит с собой в могилу все, что он постиг за годы труда и поисков. Дневники педагогов я бы хранил в педагогических музеях и в научно-исследовательских институтах как бесценные сокровища.

Значительное место в дневнике принадлежит записям о трудных детях. Я считаю очень важным подметить тончайшие оттенки в их поведении, в умственном труде на уроках и дома. Записанные и осмысленные наблюдения очень помогают учителю в его работе.

58. Как совместно с семьей руководить детским трудом?

Я еще раз подчеркиваю исключительную важность того, чтобы детский, подростковый, юношеский труд включался в экономическую, материальную жизнь семьи, был в ней органической необходимостью, чтобы мать и отец рассматривали его как святой долг детей. Если этого нет, никакие педагогические ухищрения школы не дадут абсолютно никаких результатов. Если детский труд семье не нужен, если родители сами, бывает и так, из кожи лезут, чтобы облегчить жизнь детей, освободив их от труда, никакие недельные, двухнедельные, месячные практикумы, организуемые школой, не станут для детей трудом, они останутся игрой и только игрой — правда, надоедливой и тягостной, от которой хочется поскорее освободиться.

Воспитательную силу труд обретает лишь тогда, когда он становится экономической необходимостью. Если это есть, тогда и все остальное, как говорится, приложится: и учение становится трудом, и то, что отец заболел и не может работать, вызывает у подростка настоящие, взрослые раздумья.

Народная педагогика знает, что ребенку посильно и что непосильно. Потому что в ней органически сочетается жизненная мудрость с материнской и отцовской любовью. Народная педагогика не боится того, что труд приносит усталость, она знает, что труд невозможен без пота и мозолей.

Народная педагогика, знающая волшебную силу труда, открыла перед нами новые источники воспитательной мудрости, неведомые в книжной педагогической теории. Мы убедились, что только благодаря труду, в котором есть и пот, и мозоли, и усталость, человеческое сердце становится чутким, нежным. Благодаря труду человек обретает способность познавать окружающий мир сердцем. Ребенок-труженик, подросток-труженик видит людей совсем не так, как тот, кто не знает настоящего труда.

59. Как трудом облагораживать сердце, воспитывать человечность?

Отдача духовного богатства — только это и есть приобретение духовного богатства. Человеческие отношения раскрываются ярче всего в труде — когда один

что-то создает для другого. Труд — понятие неисчерпаемое, потому что оно — человеческое. Труд не только там, где человек сеет хлеб или сажает дерево.

Самый тонкий, самый сложный труд — когда человек приходит к человеку, видит в его глазах, читает между «строк» его слов призыв о помощи. Этот труд является высшей ступенью деятельности человеческого духа. Но чтобы достигнуть вершины, необходимо пройти ступени первоначальные — работать для материального благосостояния семьи, создавать материальные ценности, необходимые для того, чтобы человек ел, одевался, жил в благоустроенном жилище.

62. Какими качествами надо обладать педагогу как воспитателю?

Пока существует школа, незыблемой истиной останутся слова К. Д. Ушинского: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он не был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... Без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно. Только личность может подействовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер». «Образованный человек — человек, в котором доминирует образ человеческий» - эти замечательные слова Л. В. Луначарского заставляют нас задуматься над истинной ролью педагога. Образование человека — это не только его знания, но и вся многогранность его человеческого образа.

По-настоящему любит свой предмет лишь тот педагог, который на уроке излагает сотую долю того, что знает. Чем богаче знания педагога, тем ярче раскрывается его личное отношение к знаниям, науке, книге, умственному труду, интеллектуальной жизни. Это интеллектуальное богатство и есть влюбленностью учителя в свой предмет, в науку, школу, педагогику.

Учитель, любящий свой предмет, обладает одним исключительно ценным качеством. Он не только передает своим питомцам фактические знания, но и пробуждает у них мысль о знаниях.

Педагог становится светочем знаний — и поэтому воспитателем — лишь тогда, когда у воспитанника появляется желание знать несравненно больше, чем он узнал на уроке, и это желание становится одним из главных стимулов, побуждающих воспитанника к учению, к овладению знаниями.

Индивидуальное чтение, духовное обогащение в мире книг. Вторым очень важным огоньком мысли, благодаря которому преподаватель становится воспитателем, а ученики - воспитанниками, является кружок.

Хочу посоветовать вам, мой юный друг: ваши знания, ваша жажда познания, страсть к чтению — это могучий источник воспитательной силы Вашей личности. Умейте подойти к этому источнику сами и подвести к нему своих питомцев. Будьте хозяином в своем учебном предмете.

ВИКТОР ШАТАЛОВ

О ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ

Забота о достоинстве человека (1987)

Каждый из нас – и те, кто только начинает работать в школе, и те, кто отдал ей не один десяток лет, – рано или поздно задумывается над вопросом: в чем суть профессии учителя, в чем притягательность этой внешне вроде бы однообразной работы? Сейчас, когда за плечами 50 лет педагогического стажа, отвечаю так: в ни с чем не сравнимой радости стоять у колыбели мысли и личности ученика, в возможности видеть невидимое для многих – процесс взросления, становления человека и ощущать себя причастным к таинству развития познавательных сил своих питомцев, а спустя годы видеть воплощение своего труда в прекрасных людях, достойных гражданах своей Родины.

Но как сделать, чтобы годы учения, годы детства, отрочества и юности стали для каждого ученика точкой опоры на всю последующую жизнь? Точка опоры – это обретение достоинства, в основе которого честь, совесть, правда, высокое представление о человеке и его предназначении на земле. Чувство достоинства не может возникнуть вдруг, из ничего, само по себе. Оно возвращается в непрерывном преодолении, упорной работе на каждом сантиметре школьной жизни, в повседневном содружестве учителей и учеников. Все действия и поступки учителя, все его большие и малые находки, все избранные им приемы и средства обучения не будут значить ровным счетом ничего, если они не одушевлены этой главной педагогической целью.

Забота о достоинстве человека должна быть воздухом общения в классе и в школе.

Сколько лет должен учиться учитель? (1989)

Вопрос риторический – всю жизнь. А если под этим разумеется отличное знание программного материала? Все равно долго – 7–8 лет. Вся беда в дискретности работы учителя: переходя из средних в старшие классы и обращаясь все время к новому материалу, он вместе с ними... забывает изученный. Ребята, правда, забывают быстрее, но и состояние учителя не из лучших – на систематическое повторение просто не хватает времени. И начинается необратимая реакция: снижение уровня знаний учителя отражается на подготовке ребят, а слабая подготовка ребят неизбежно ведет к деqualификации учителя. Переход на новую систему опроса показал, что эта проблема разрешима. Безнадежно отстававшие из-за пробелов в знаниях начали выходить из прорыва, догонять своих ушедших вперед товарищей. Сдав свой “хвост”, ученик мог прослушать не только ответы одноклассников (по тому же или по другому вопросу), но и объяснения учителя. Причем столько раз, сколько необходимо, чтобы материал стал абсолютно ясным и, что особенно важно, предстал в определенной системе.

Но такое повторение еще, может быть, больше, чем ученикам, давало самому учителю. Оно расширяло время, давало дополнительные часы для профессионального роста, обретения мастерства. В результате то, на что раньше должны были уйти едва ли не десятилетия, достигалось за один год. Происходило невероятное: учитель в течение одного года более 100 раз прокручивал в пояснениях один и тот же материал и еще столько же раз выслушивал его в ответах учащихся. И каждый раз он видел его в ином ракурсе, в новых взаимосвязях, осознавал психологические механизмы усвоения, возможные “камни преткновения” и пути прохождения через пороги. Это побуждало к поиску, с одной стороны, дополнительного материала (в рамках учебного становилось тесно), а с другой – эффективных способов объяснения.

О влиянии эксперимента на ребят (1986)

...Начинали мы эксперимент в 13-й школе, в 8-м классе, самом слабом. В среднем 2,78 балла на начало эксперимента. Нужно было любой ценой сохранить тех ребят, что нам дали. Но согласились не все. И пошел я по домам. Прихожу к Валерке Козловскому. Открывает дверь, увидел меня и сразу на кухню. С отцом договорились в две минуты. Зовем: «Валера, иди сюда». – «Не пойду». Заходим на кухню, он за газовой печкой, за трубу держится и вопит благим матом: «Никуда я не пойду! Мы с Витькой после восьмого класса в культпросветучилище пойдем, там

математику не сдают». Я ему стал говорить: «Не хочешь – не надо. Святой мужской союз: на две недели приходи. Не понравится – уйдешь». Какие там две недели? Он после первого же урока не уйдет от нас! Встретил Валеру три года назад; он закончил Донецкий политехнический институт, энергетик. А вот кандидат технических наук Лесин, подполковник Физматуллин, кандидат технических наук. Подписал фотографию: **“Дважды учителю Виктору Федоровичу”**. Почему дважды учителю? Я его учил в школе, а потом – своей методике. И он ее использует в работе. И таких немало. Но результат нашей работы не только в этом.

И благородство чувств необходимо для того, чтобы человек стал образованным (1989)

...Забываясь о качестве образования, всегда ли мы думаем об образованности? Ученик хорошо учится, готов успешно выдержать любой конкурсный экзамен, но в общении с товарищами высокомерен, завистлив, суетлив, скуп, труслив. Может ли учитель беспокоиться и за его будущее? Многие выпускники экспериментальных классов создали хорошие, крепкие семьи. «Неужели это имеет какое-нибудь отношение к экспериментальной работе?» Вопрос на первый взгляд правомерен. Но давайте подумаем вместе о тех преобразованиях, которые происходят в сознании, в самоощущении ребят, в их отношениях друг к другу под воздействием совершенно необычных условий работы и общения.

Избавленные от унижительного страха перед двойкой, дети обретают уверенность, мажорное мировосприятие, оптимизм; нет питательной почвы для зависти, эгоизма, нечестности, зазнайства; все умеют трудиться на совесть; отношения между ребятами товарищеские, чуткие, предупредительные и заботливые, исключаящие грубость и неуважение; нет деления на лучших и худших, сильных и слабых, актив и пассив; каждый имеет возможность проявить свои лучшие качества, реализовать свои способности; систематические занятия спортом также выгодно отличают учеников экспериментальных классов: они собранные, подтянутые, сильные, красивые физически и нравственно. И естественно, что ребята гордятся друг другом: «Наши мальчики (девочки) самые лучшие!»

Простой пример. Как и везде, в экспериментальных классах случилось много больших и малых неприятностей – бились стекла, портились учебные приборы, ломалась мебель. Но всякий раз на вопрос «кто?» всегда (всегда!) звучал четкий и обязательный ответ: «Я». Ни подозрений, ни расследований, ни увещеваний, и сразу же все приводилось в порядок.

СИМОН ЛЬВОВИЧ СОЛОВЕЙЧИК ОТ ИНТЕРЕСОВ К СПОСОБНОСТЯМ

Мир требует от человека проявления многих разных качеств — и вызывает многие интересы. До сих пор мы говорили главным образом о познавательных интересах; но у ребенка есть еще интересы общественные, эстетические, спортивные; есть интересы к развлечению, игре. Каждая из этих областей, в свою очередь, составляет комплекс: главный интерес и соподчиненный ему.

В разных возрастах интересы эти по-разному относятся друг к другу. Про дошкольника нельзя сказать, что его главный интерес — игра или слушание сказок, или разглядывание белых мышей в клетке, кормление их. Интересы почти равноправны, они меняются в течение дня. С возрастом интересы постепенно выстраиваются в виде лестницы или, точнее, вроде кругов, на олимпийской эмблеме. Каждый круг — со своим центром. Круг побольше, поменьше, маленькие кружки...

Все интересы тесно спаяны. Интерес к коллективной деятельности, к делам и заботам коллектива связан со спортивным (ибо мальчишка не просто спортсмен, но, наверняка, член какой-то команды, общества, участник соревнования); эстетические интересы и читательские развивают интересы общественные, потому что в книгах, кино, в театре ребенок отыскивает свой общественный идеал. Общественные интересы влияют на познавательные увлечения: шестиклассник хочет быть врачом потому, что это благородная профессия. Я знаю восьмиклассника, который сидел над учебниками по физике, ибо мечтал: когда он вырастет, он найдет способ дать людям сколько угодно энергии.

Интересы ребенка — сплав. Мы должны облагородить его, придать ему нужные пропорции, а, значит, прочность и красоту. Интересы дошкольника вырастают из игры и сказки. Из игры — познавательные, общественные, спортивные интересы; из сказки — познавательные, общественные, эстетические. Но затем каждый из этих интересов требует своей особой пищи. Интерес живёт таким зверьком, его постоянно надо кормить, до тех пор, пока он не вырастет настолько, что сам начнет

искать пищу, не давая покоя своему хозяину. Здесь не место сколько-нибудь подробно рассказывать о развитии общественных, эстетических, спортивных интересов: каждому из них посвящены многие и многие книги.

Ограничимся несколькими общими замечаниями. Когда употребляют, например, выражение «эстетическое воспитание», то далеко не всегда имеют в виду развитие, вскармливание интереса. Эстетически ценную «пищу», т. е. впечатления, наши дети обычно получают в готовом виде. Когда ребенок выйдет из того возраста, в котором он сам рисовал или сам танцевал зайчика вокруг елки в детском саду, т. е. когда он сам каким-то образом выражал себя в искусстве, то, если у него не открылись специальные способности, он навечно переходит в разряд потребителей искусства. Это естественно, ибо из тысячи человек населения вряд ли даже один принадлежит к числу художников, артистов, музыкантов-профессионалов. Зато по крайней мере половина из этой тысячи ежедневно в том или ином виде наслаждается искусством (ходит в кино, читает книги, смотрит телевизор, слушает радио). Значит, мы должны воспитать ребенка так, чтобы он, оставаясь всего-навсего слушателем или зрителем, был бы в то же время активным слушателем и активным зрителем. Чтобы его интерес был деятельным даже в этой области, где он самой природой, казалось бы, обречен на пассивность.

Если ребенок занимается спортом, он как-то выражает себя; если его увлекает общественная работа, он тоже проявляет себя. Но как он проявит себя по отношению к искусству? Только одним способом: тем, что он сам стремится к эстетическому наслаждению, и тем, что он сам выбирает, что ему нравится — проявляет свой вкус. С этой точки зрения коллективные школьные походы в театр, например, не всегда имеют ценность: детям не приходится ни проявлять стремления попасть в театр, ни выбирать спектакль. Их просто ведут. Место для собственной их активности не остается. Наверно, со временем, по крайней мере начиная с 5-го класса, в школе будут продавать билеты так же, как в обычной театральной кассе, чтобы у каждого школьника был выбор: идти или не идти, а если идти, то куда. Но что трудно организовать в школе, то возможно в семье. Я знаю женщину, которая не покупала своему сыну никакой одежды с тех пор, как он перешел в 6-й класс: она давала ему деньги — «иди в магазин и покупай сам». Я видел этого мальчика уже студентом: он одет очень скромно, дешево, но с большим вкусом. Вкус выработался в упражнении... И это его собственный вкус, а не вкус его мамы! Нечто подобное должно, наверно, происходить и с посещением театра,

кино, музея. Пусть выбирают сами. Задача взрослого — подталкивать к выбору и слегка критиковать неудачный выбор.

Воспитать эстетические интересы — значит, воспитать потребность в искусстве и художественный вкус. Другими словами, мы должны сделать примерно, то же, что однажды каждому из родителей удалось сделать. Когда сыну три года, все относительно легко воспитывают в нем потребность в сказке и вкус к хорошей сказке. Нельзя ли учесть этот опыт, перенести его на более сложные явления? Ведь механизм, по существу, тот же: мы однажды доставили удовольствие сказкой, а потом не ленились рассказывать сказки по требованию ребенка... Беда заключается «лишь» в том, что мы сами-то не знаем всех тех сказок, которые надо было бы рассказать ребятам, пока они вырастают.

И человечество давно бы остановилось в своем развитии, если бы дети сами не находили возможности идти дальше своих родителей. В первой главе мы говорили, что ребенок сам определяет свою судьбу, пробиваясь через все трудности. Очевидно, стоит добавить, что он не раб и своих собственных интересов. Ребенок очень скоро научается определять их ценность, их отношение к будущей профессии и сознательно выбирает занятия по душе; начинается процесс самовоспитания, который длится всю жизнь — если только он начался.

Самовоспитание — сложная вещь. Я выписал из книги А. Я. Арета «Очерки по теории самовоспитания» лишь термины, которые автору приходится объяснять, развивая свою теорию: Самопознание, самоосмысливание (а есть еще и самопереосмысливание), самонаблюдение, самоощипление, самоконтроль, самонадзор, самоанализ, самоучет и самоотчет, самокритика, самооценка (и, в частности, самонедооценка), само-принуждение, самопреодоление, самообладание, самоограничение, самообещание и еамобязательство, самонапоминание, самоинструирование, самоубеждение, самооправдание, самоуговаривание, самовнушение, самоутешение, самопрощение и самоуспокоение, самоприказ, самоободрение, самоощереение, самоотказ и самозапрещение, самоотречение, самопожертвование, самоотвлечение, самоосуждение, самонаказание, самообновление.

Причем, оказывается, «самонаказание» применяют 72 процента шестиклассников и 55 процентов десятиклассников!

Но другой исследователь, Л. И. Рувинский, обнаружил, например, что только два из ста семиклассников и только три человека из ста восьмиклассников занимаются самовоспитанием планомерно и серьезно; причем, как оказалось, 10 процентов

ребят сознательно воспитывают отрицательные качества, которые считаются «положительными» среди их сверстников — грубость, недисциплинированность, упрямство — и так же сознательно пытаются искоренить свою вежливость и скромность, возможно с применением всех тех сорока с лишним методов самовоспитания, которые были перечислены выше.

Примерно такую же картину представляет собой самообразование школьников: по исследованию Л. С. Колесника 66 процентов старшеклассников занимаются самообразованием несистематично и очень мало. Оба эти показателя, даже если они только приблизительно точны, огорчительны.

Один философ сказал, что люди разделяются на две группы: те, кто предъявляет к себе огромные требования и стараются справиться с трудностями и обязанностями, и те, кто не требует от себя ничего специально, но для кого жить — значит в каждый момент быть тем, что он уже есть. Наверно, единственная возможность помочь ребенку примкнуть к армии людей, которые предъявляют себе огромные требования и готовы справиться с трудностями и обязанностями жизни, — научить его определять свои цели и добиваться их, причем цели не только «внешние», но и «внутренние».

Ребенок изменяет окружающий его мир (об этом мы говорили) и себя самого. Он и сам, как личность, тоже включен в мир, который должен изменяться. И эта его деятельность по самовоспитанию имеет большое общественное значение.

Умение ставить цель и добиваться успеха — взаимосвязаны; успех помогает понять, какую цель можно себе поставить, воодушевляет. Неудачи ослабляют волю и делают мир призрачным — человек «выпускает вожжи из рук», он то унывает, то, наоборот, ставит перед собой явно невыполнимые задачи. В одном исследовании школьников разделили на две группы: успешную и неуспешную и попросили всех поставить себе цель на год. Через год оказалось, что первая группа поставила перед собой более реалистические цели, а ребята из второй группы не смогли правильно оценить своих сил — кто приуменьшил их, кто преувеличил. Тот, кто успевал, имел и опыт в достижении цели, а это очень важно для человека, это делает характер. Но можно заметить, что школьные занятия представляют ограниченную свободу в выборе: цель, по необходимости, ставит учитель, школьная программа. В свободно же избранных «делах по интересу», как часто говорят, — широкое поле для тренировки в способности определять свои цели, требовать от себя и добиваться того, что потребовал.

В общем-то говоря, человек учится по одной из трех причин.

- Ради отметок, из-за житейской необходимости учиться окончить учебное заведение.
- Ради знаний, для самоусовершенствования для того, чтобы быть духовно богаче.
- Ради познания окружающего нас мира, чтобы узнать его и понять. Интерес вызывает не знание, а мир, действительность.

На практике все три причины обычно смешиваются. Человек идет учиться и потому, что это нужно ему, чтобы занять определенное место в жизни, и потому, что хочет знать именно про устройство машин, например, или понять строение веществ, или смысл движения истории. Не случайно в нашей школе ввели в последнее время дополнительные, свободные для посещения факультативные уроки. Это замечательное дело! Ибо иные ребята кончали школу, ни разу не почувствовав, что значит заниматься ради знания и познания, что значит самому ставить перед собой цели, что значит садиться за книжку не по требованию учителя или родителей, а по требованию интереса...

Самовоспитание и самообразование постепенно становятся все важнее и важнее для педагогики. К этому ведут чисто практические соображения. В прошлом веке инженер, окончив институт, мог почти всю жизнь работать, применяя полученные в институте знания. Теперь его знания устаревают чуть ли не до того времени, как он успевает получить диплом — ему надо учиться если не заново, то во всяком случае дальше. Специализация внутри наук дошла до такой степени, что после окончания института человеку приходится сразу же садиться за книги, чтобы освоить ту узкоспециальную отрасль, которой он будет заниматься. Раньше самообразование было моральным долгом человека перед самим собой, теперь оно становится житейской необходимостью.

Но вот школа окончена... Что дальше? В какой степени интересы ребят определяют выбор их профессии? Кем быть? Об этом ребята задумываются очень рано.

В. П. Грибанов опросил 310 шестиклассников. Лишь 34 из них не имели профессионального интереса. Но до 6 - 7 - 8-го классов, как показали другие исследования, связи между учебными интересами и предполагаемой профессией почти не обнаруживается. Мальчишке интересно играть в футбол, собирать марки, читать книги о великих людях, а мечтает он стать — капитаном, хотя по географии, например, у него тройка. Никакие увещания типа: «Но ведь капитану надо знать географию» не помогают. Школьная наука в том виде, в каком она преломляется в

его сознании, не имеет никакого отношения к жизни и жизненным интересам. Связь между интересом к одному из предметов и профессиональным интересом, по данным К. А. Арискиной, проявляется при переходе из шестого класса в седьмой и отчетливо обнаруживается только начиная с VIII класса.

Вот теперь аргумент «Ты хочешь стать врачом? Занимайся биологией» начинает действовать, и есть смысл его приводить. Теперь три четверти ребят связывают учебник с жизнью, интерес — с делом. Если ребенку посчастливилось достичь этого единства, если интересы ведут его к профессии — за будущее его можно не беспокоиться до тех пор, пока это единство интереса и профессии продолжает действовать. Даже на здоровье его это скажется! Ученые, изучавшие биографии людей, проживших на свете очень долго (таких людей называют «долгожители»), установили, что удачный и своевременный выбор профессии, профессиональное постоянство — один из существенных факторов сохранения работоспособности на долгие годы и увеличения продолжительности жизни.

Удивительная штука — интерес. И продолжительность жизни в конечном счете зависит от него... Но интерес — и прихотливая штука. Мало того, что он, как мы видели, подвержен неожиданным переменам, он предъявляет к жизни довольно жесткие требования. Пока в семье растет мальчишка, его интересы требуют от родителей то кеды, то бутсы, то электромоторчики, то лобзик, то паяльник, то денег на поход. Но это еще полбеды. Что родители могут — то дадут. А когда мальчишка вырастает, его интересы начинают требовать, чтобы его, например, обязательно приняли учиться какой-то сложной профессии, требующей больших (и не всегда имеющих) способностей.

Новосибирским школьникам предложили список 71 профессии и попросили их оценить каждую из профессий по десятибалльной системе. Профессии, связанные с физико-математическими науками, получили 7,45 балла, медицинско-биологические профессии — 6,5 (а у девочек — 8,15 балла!). В то же время: строительные профессии набрали 4,07 балла, сельскохозяйственные — 3,58 балла, профессии в сфере обслуживания — 2,67 балла. Работа продавца вызывает очень небольшой интерес... Интерес требует физики, математики, биологии — он вращается в знакомых сферах.

Социологи, рассматривая проблему в общегосударственном масштабе, предлагают разные меры: лучше знакомить ребят с разными профессиями («профорientация»), изменить «настрой в школе (мол, не всем идти в институт). Они показывают, что высшее и даже среднее образование нужно не всем: дескать,

на заводе порою лучшим рабочим считают того, кто окончил 8 классов, а не того, у кого десятилетка за спиной, потому что выпускник десятилетки смотрит на свою заводскую работу как на временное пристанище — он рвется в институт. Но родители рассматривают эту проблему с иной точки зрения; для них «проблема» — это не цифры, а сын, которого с таким трудом растили, которому хотят лучшей жизни, самого высокого образования. Дать ребенку высшее образование — кто об этом не мечтает?

Тем более, что высшее образование (если специальность избрана правильно, в соответствии с интересами и способностями) доступно каждому. Нельзя учить ребенка целеустремленности, настойчивости, говорить ему о пользе и красоте знания, приучать его к самовоспитанию и самообразованию и в то же время призывать его быть смиренным перед решением комиссии по приему, перед обстоятельствами жизни. Это несовместимо. Значит, мы должны ясно представлять себе, что сыну предстоит участвовать в соревновании способностей и характеров, подготовить его к победе — чтоб поступил, чтоб хорошо учился, чтоб не застыл, когда кончит институт; а если не поступит — чтоб поступал снова или искал другие пути получить образование — по вечерам или вовсе самостоятельно. А. С. Макаренко отвечал одному своему бывшему ученику: «то, что тебя мучит неуверенность в специальности, — тоже хорошо. Это показывает только широту твоей натуры, ее требовательность. Потом ты ясно увидишь, что у человека должна быть единственная специальность — он должен быть большим человеком, человеком настоящим. Если ты сумеешь это требование понять, ты не будешь волноваться по поводу специальности... — везде для тебя будет интересно и везде ты сможешь дать что-нибудь ценное в жизни. Очень важно только в каждой специальности быть честным, работоспособным, внимательным, вдумчивым».

Во всяком деле люди находят интерес и возможности развить свои способности. Какое утешение мы ни придумывали бы, какие доводы ни приводили, мы не можем быть уверены, что нашего сына не ждут тревоги, разочарования, быть может, в какие-то минуты — и отчаяние. Никто не убережет своего ребенка от разочарований, от опасностей юношеского возраста, от сомнений при выборах, определяющих его жизненный путь.

Кто вступил на путь познания, кто учится, размышляет, борется — тот не может ждать слишком спокойной жизни. Так может, — не учить? Не звать к значительной жизни? Нет. С надеждой, с верой в силы ребенка и в свои силы, с желанием всегда прийти «а помощь, безбоязненно и решительно мы будем вести

его до тех пор, пока он сам не станет на ноги, не выбьется в люди.

Это ведь не такое уж плохое выражение, если подумать — «выбиваться в люди». В люди действительно надо пробиваться — через собственную лень, через собственные слабости, через сопротивление обстоятельств. Нельзя переступить через людей, отталкивать, подличать, подсиживать. Не с людьми приходится бороться человеку, а вместе с людьми за свою хорошую жизнь и за хорошую жизнь всех. Родители хотели бы видеть детей интересными людьми — «заинтересованными каким-то хорошим делом». Но не каждый из родителей может поддержать каждый интерес. Объединение родителей, учителей, общественности — вот кому это под силу.

Если мы хотим повысить способности ребенка, развить их, мы должны позаботиться о том, чтобы он рос в «поведенчески обогащенной среде», чтобы у него было как можно больше впечатлений, как можно больше случаев проявить себя, делать выбор, осваивать новые предметы и виды деятельности. День ребенка должен быть заполнен деятельностью, причем такой, которая развивает его, заставляет прилагать усилия, особенно умственные усилия.

Семья в наше время не может дать ребенку систематического обучения — это не ее задача; но мы можем сделать жизнь ребенка насыщенной разными занятиями, встречами, мы можем развивать его, развивая его интересы и способности.

Интересы и способности — два цветка на одном стебле, две стороны одного явления; это неразлучная пара, как вопрос и ответ. Способности не могут развиваться, если не углубляются интересы, интерес не может насытиться и вообще не может долго жить, если нет способностей, необходимых для его удовлетворения. Что в этой паре паровоз, а что — вагон с полезным грузом? Что «ведет», тащит вперед? Что, наконец, является полезным, является целью воспитания?

Уже приводились мнения ученых о том, что «ведут» — интересы, склонности, влечения. Но, может быть, высказаться осторожнее? Может, способности ведут к интересам и интересы — главный доход развития, сладкая цель воспитания? Ибо удовольствие мы получаем не от способностей, а от увлечения.

Впрочем, спор выглядит довольно схоластическим. От способностей к интересу или от интереса к способностям — какое это имеет значение? Установим во всяком случае одно; ребенку нужны и способности, и интерес к работе, к умственной деятельности, к жизни; одно без другого не существует и одно без другого

обесценивается.

Лишь соединение интереса и способностей, высокое их развитие делают человека высокопродуктивным. Но, как уже говорилось, из этой нераздельной пары именно интерес лежит ближе к нам, доступнее для управления. Если мы хотим хорошо воспитать детей, мы должны жить их интересами — понимать интересы, следить за их развитием и широтой; не обгонять природу, не торопить события, но и не выпускать вожжи из рук. Ведь в общем-то выигрывают в жизни те дети, чьи родители не боятся брать на себя всю ответственность за их воспитание.

У нас стало привычным подсмеиваться над матерью, которая заставляет своего сына или свою дочь заниматься музыкой. Но Паганини и Бетховен учились музыке из-под палки... Их родители не боялись ответственности перед будущим, не боялись возможных укоров от детей — они крепко держали их судьбу в руках, вели детей к цели и в конечном счете поступали в интересах детей.

В нашем веке мы слишком охотно складываем с себя эту тяжелую ответственность, взваливаем ее на других. Государство... Школа... Наконец, сама жизнь — пусть кто угодно воспитывает нашего ребенка, зато нас, родителей, нельзя будет укорить в случае неудачи; никто не скажет: «Это вы неправильно определили будущее сына, это вы учили его музыке вместо физики или физике вместо музыки!». Очень удобно и очень спокойно... Нам приходится изучать и стараться понять сегодняшние интересы детей, но в отличие от детей мы должны держать в уме и завтрашние их интересы, то, чего дети делать, естественно, не могут. И лучших результатов достигает, наверно, тот, кто умеет сочетать эти, подчас противоречащие друг другу, сегодняшние и завтрашние интересы, интересы дня с интересами жизни, и больше того: незаметно превращать завтрашние интересы в сегодняшние, добиваться, чтобы ребенка и эти далекие интересы будущего волновали сегодня, в его детской жизни.

Нам иногда трудно понять детей. У нас разная оценка важности предметов. Мы покупаем пятилетней девочке огромную куклу за огромную цену и приносим ее торжественно домой только для того, чтобы девочка, выразив вежливое свое восхищение, отложила куклу в сторону и уже с настоящим восторгом принялась играть с той огромной картонной коробкой, в которой была доставлена кукла. Коробка — лодка, в нее можно сесть, коробка — и дом, в ней могут жить игрушки.

Мы удивляемся второкласснику, который часами играет в солдатиков. Нам кажется: какие могут быть игрушки для девятилетнего школьника? Мы не знаем, что на девять-десять лет для многих ребят как раз и приходится расцвет интереса

играть. Покупая сыну первый портфель, я купил ему в том же «Детском мире» большой полиэтиленовый пароход (давняя мечта!) и имел неосторожность объявить, что это — последняя игрушка, что он теперь школьник, должен будет делать уроки и т. д. Если бы я знал в тот день, сколько еще придется покупать игрушек!

Нам трудно постичь интересы детей, наш взрослый разум несовместим с детским разумом. Но кто знает? Может, в каком-то будущем родители станут вычерчивать кривые интересов своего ребенка, отмечать рост их, как сейчас отмечают на дверной планке физический рост? И может быть, заведут обменные карты между школой и пионерлагерем (наподобие медицинских), в которых станут отмечать интересы? И может, вожатый в лагере, отчитываясь за смену, будет указывать, у кого из пионеров появились новые интересы и какие именно? И в какой степени они проявились? Можно сказать так: каждый из родителей стоит перед озером, в котором водится рыбка — интерес. Одним везет больше: их озеро кишмя кишит рыбой, интересы выплескиваются, о них можно и не заботиться — все получится само собой. У других в огромном озере плавает всего-навсего она Золотая рыбка (но она есть!), и надо ее, эту единственную, поймать, вскормить, сбереечь, чтобы не съела ее какая-нибудь щука-лень. Если присмотреться к окружающим нас людям — сколько среди них энергичных, деятельных, активных! Но сколько ленивых, апатичных, безвольных... Так и дети. Один ребенок с семи-восьми лет занят с утра до ночи: то школа, то уроки, то музыка, то еще дополнительные занятия по языку, то он сидит над альбомом с марками — передохнуть некогда, и находятся сердобольные соседи, готовые пожалеть его...

А другой и уроки-то не успевает сделать... Следует ли нагружать ребенка занятиями (разумеется, в меру)? Или, наоборот, освободить его ото всех забот: учиться в школе — и достаточно? Чтобы ответить на этот вопрос, надо бы провести специальное исследование. Я бы взял, например, большое число 20 — 25-летних людей, в свое время окончивших две школы: обычную и музыкальную, а для сравнения — такую же группу тех, кто не учился музыке, и сравнил бы черты их характера.

Предполагаю, что первая группа окажется более трудоспособной, более опытной в выборе целей, более собранной и в конечном счете — более успевающей в разных областях жизни. Причем дело тут не в музыке (музыка сама по себе вряд ли так уж благоприятно сказывается на развитии волн, она затрагивает другие сферы психики), а в нагрузке, которая пришлась на годы

детства и отрочества. Есть известное изречение: «Тяжело в учении, легко в бою». Не очень приятно слышать, когда его вспоминают применительно к детям: дети не солдаты. Им не должно быть тяжело! Но они могут с легкостью, с увлечением выдержать гораздо большую нагрузку, чем это принято. Можно представить себе энергию человека как тяжелый маховик, который удастся раскрутить только в детстве и юности. Если его раскрутить хорошенько, придать ему достаточную скорость — он будет вращаться всю жизнь, безостановочно; а если в детстве его, этот маховик, не удалось столкнуть с места — то человек всю жизнь будет лентяем.

А в список опасных (и, кстати, очень заразных, прямо-таки эпидемических) детских болезней стоило бы внести: скука, незаинтересованность и сопутствующее им безделье. Ребенок не должен, не имеет права скучать или лениться. Ему должно быть интересно жить на этом свете, ибо мир, предстоящий ему и окружающий его, действительно интересен.

Бессмысленное и вредное занятие — насиловать, эксплуатировать природу ребенка. Бессмысленное — потому, что никому не удавалось еще «выжать» из ребенка больше, чем он может дать; вредное — потому, что так относиться к ребенку, значит не уважать его такого, каким он нам подарен. Мы любим их всех: красивых и некрасивых, послушных и непослушных, курносых и веснушчатых, умненьких и глупеньких... Мы любим их не за то, что они чем-то отличаются от других, «особые», «одаренные»; не за то, что они обещают нам вырасти гениями, талантами, генералами, кинозвездами или директорами строительных трестов; мы любим их за настоящее, за то, что они есть такие, какие они есть, за то, чего они — дети, наши дети.

Каждой матери ее ребенок кажется лучшим на свете — что ж, это природа мудро устроила; это придает матери силы, как-то оправдывает ее мучения и страдания, ежедневные многолетние хлопоты; это ее награда за труд воспитания ребенка. Любовь, которую она имеет счастье испытать, и сознание достоинств ее любимого ребенка — вот ее награда. Но именно потому, что мы признаем всех детей равными и всех детей лучшими, мы каждому должны дать максимум того, что мы в силах дать. Для нас каждый ребенок удивительное, чудесное, волшебное дитя, вундеркинд.

ШАЛВА АЛЕКСАНДРОВИЧ АМОНАШВИЛИ

НОВАЯ ШКОЛА — ЭТО УЧИТЕЛЬ

Я человек, который вошёл в науку с конца 50-ых — начала 60-х годов, и я принял мудрость, знания, опыт таких великих людей как **Леонид Владимирович Занков** (советский психолог, специалист в области дефектологии, памяти, запоминания, педагогической психологии), **Даниил Борисович Эльконин** (советский психолог, автор оригинального направления в детской и педагогической психологии) и **Василий Васильевич Давыдов** (советский и российский педагог и психолог). Мне сейчас хочется преклониться перед памятью этих удивительных людей. Они открыли не только новую дидактику, они открыли, что можно менять ребёнка, его психологию, если обстоятельства изменятся. Если образовательный процесс авторитарный, будет вот это, а если развивающий, будет вот это, а если третий-четвертый, будет другой результат. Ребёнок в разных пространствах может стать разным. И если он воспитан в этом пространстве, перевоспитывать потом трудно будет. Когда я впервые привлёк 6-летних детей в школу, в 1966 году, Василий Васильевич Давыдов сказал: «Я бы не отдал 6-летних детей в школу, но, если в школе будет такое образование как у Амонашвили, я бы с радостью отдал».

Барнаб Иосифович Хачапуридзе (доктор педагогических наук, советский психолог, педагог) принёс в мою жизнь теорию установки. Это величайшая теория. Там очень много о педагогике, о развитии. Идея развития **Д. Н. Узнадзе** совпадает с идеей **Выготского**. Я не соприкасался с этим мыслителем, творцом, он рано ушёл из жизни. Но более мощную теорию развития, чем у нас есть, мир не имеет. А без этой теории строить образовательный процесс невозможно, не получится. **Артур Владимирович Петровский** (советский и российский психолог, специалист в области истории психологии, социальной психологии и психологии личности) всегда стремился искать новое и стал первым защитником всего прекрасного. Когда нас в Грузии закрыли, ЦК партии вообще выгнало нас из школ как буржуазных, вдруг появляется статья Артура Владимировича в газете «Правда». И нас сразу восстанавливают, потому что газета «Правда» и ЦК — это одно и то же было.

Хочу вспомнить и моего друга, ушедшего совсем недавно, **Михаила Петровича Щетинина** (советский и российский педагог, член Российской академии образования, основатель и директор экспериментальной общеобразовательной школы интернатного типа).

Эти люди создавали другую школу при советской власти, при идеологии. Они имели подпольные идеи. За то, что они придумывали, могли исключить из партии. Занков создал такую школу, которая не укладывалась в советских рамках.

Меня знаете, что удивляет? Как будто демократия, новая жизнь. Но учителя замкнулись, нет творчества, нет новизны, нет новаторства. Может, они и есть, но никто в этом не нуждается, никто не ищет новаторов. Где «Останкинские встречи»? Неужели общество не хочет видеть своих лидеров в образовании? Можете ли вы назвать выдающегося педагога — директора, завуча или просто учителя? Меня удивило высказывание чиновника высокого класса: «Мне не нужны необычные учителя в школе». Да кто ты такой, что они тебе не нужны? Это большая беда современной школы.

Обычно учитель идёт к ученикам с предметом в руках, мы же, новаторы, идём вместе с детьми к предмету. Обычно учителя гордятся своими лучшими учениками, мы же гордимся худшими, которых сделали лучшими. Учителя, перечисляйте, сколько необучаемых, невоспитуемых? Это же неестественные понятия — необучаемость, невоспитуемость — для образования. Откуда это пришло в нашу речь? Нет таких. Это вы назвали их такими и умыли руки.

Мамы, папы, выбирая учителя для вашего ребёнка, выбирайте не просто класс, где уклон в английский или музыку, а выбирайте Марию Ивановну, которая глупых, умственно отсталых детей сделала разумными. Искусство педагогики в таких вещах зарождается.

Мы в кабинетах можем выдумать сколько угодно поколений с разными понятиями, причём такими, что придётся долго голову ломать: что же это такое в конце концов? За всю жизнь я видел несколько необычных поколений. Это были 60-ые годы, когда приходили дети-акселераты. Они вам принесли компьютеры, мобильники, интернет. Это было сделано необычным поколением. Потом такое поколение прекратилось. А вы кто? Хорошие люди, прекрасные люди — потребители. Конечно, наука создаёт новые технологии, будет новое, мы ещё шагнем. Неужели мы будем всегда носить мобильники в карманах? Они должны уйти, чтобы пришло что-то логичное. Вот и приходит новое поколение.

Я не знаю, как вы, но я действительно признал, что приходит поколение индиго, поколение света, поколение «звёздных» детей, поколение из высшего мира, сила нашего движения. Я поверил в это. Если это не так, то вы всё равно должны иметь о вашем ребёнке лучшее представление. Если вы о нем худшего представления, вы будете творить худшую педагогику. Будете иметь лучшее

представление — родится лучшая педагогика: терпение придёт, любовь будет больше, радость будете искать. Давайте отдадим должное этому поколению. Они подрастут, и они должны нам принести что-то необычное.

Мир должен перевернуться в своём сознании. Может быть, культуру принесёт. Культура уходит, а высокая технология приходит. О чем сейчас говорят в интернете? Россия наращивает новое вооружение, Америка наращивает. Мы должны гордиться этим: у нас наращивается и у них наращивается? Это потеря культуры. Была бы культура, и там убрали бы оружие, и здесь убрали бы, и постепенно навели бы мир. Но нам не хватает культуры у народа и у руководителей народа.

Я не обо всех говорю, потому что я представитель гуманной педагогики. Я не создал эту педагогику, я просто пошёл по стопам классиков. А что такое классика? Это горизонт сознания. Толстой — это горизонт нашего литературного, философского и культурного сознания. Мы идём к горизонту, а горизонт отодвигается — это и есть классика. Классики похоронены, но живут там, в будущем.

Я люблю классику: Ушинского, Песталоцци, Сухомлинского, Корсака. И задумался, на чём они строят свои великие учения? И учёные педагогики, чтобы доказать свои экспериментальные учения, в конце концов цитируют классиков. Классики стоят на той почве, которая для кого-то просто песок, — это вера. Любой классик выращивает свою педагогику только на вере. На какой? Странно, но на христианской. Христианская философия, христианское мировоззрение, христианская любовь, христианское отношение в целом — это и есть почва...

Так что, пришли дети индиго. И мы стоим перед такой проблемой: дети — новые, а педагогика — авторитарная, злая. Она не добрая, она не любит детей! Откройте любой учебник по педагогике, вы найдёте хоть на одной странице слово «любовь»? Это не звучит ни на одной странице. Почему? Потому что учителю не надо любить детей. Нет слова «радость» ни на одной странице. Неужели автор учебника не имеет своих детей и не знает, что без любви детей не воспитаешь? Без преданности — не воспитаешь. Без радости — не воспитаешь. А как пишут эти учебники, я поражаюсь. Профессора читают лекции, ни одно слово не будет сказано о любви. Возьмите стандарты... Я вообще не знаю, как стандарты для учителя можно было сочинять, но всё же, не надо ли приписывать, что учитель обязан любить ребенка? Если не любишь, уходи из школы!

Мы получили науку. Всё по полкам разложено — принципы и так далее. А идут в школу — фиаско: учитель не смог состояться. **Сергей Зиновьевич Казарновский** (заслуженный учитель России) скажет, что молодой учитель должен пять лет в школе практиковаться, чтобы что-то получить. Университетская подготовка не годится. До каких пор это будет продолжаться?

А родители, как вы воспитываете своих детей к школе? Причитаниями! Это понукательная педагогика: не трогай, не бери, не твое дело, уходи, не шали, хватит. А ну-ка сосчитайте, сколько раз в вашей речи звучит «не» в отношении ребенка? А сколько раз «да»: давай, шали, прыгай, я рядом, я помогу? Сколько раз поощряем, сколько раз запрещаем? Понукательная педагогика, хотя вы любите детей. Любовь без дел мертва. Если, правда, любите детей, то воспитывайте спокойно, великодушно, прощающе. Как апостол Павел это описывает в своем послании к Коринфянам. Без любви это не строится.

Что же я сделал? Я просто принял эти ценности от классиков и попытался попробовать, возможно ли в школе сделать это. И что для этого нужно? Технологии нужны? Откуда это понятие «технологии»? Как будто детей нет, как будто дети — это роботы. Делай так и так, будет вот это. А ребенок прыгает, шалит. «Гиперактивный», — говорят они. Поможет ли технология? Мёртвая технология, без детей. Нам не технологии нужны, а мудрость общения с ребёнком. Нужно его заинтересовать. А как? У ребёнка три природные страсти, бери эти страсти, опирайся на них, и он всегда будет заинтересован:

- Он хочет развиваться — дай развивающие задачи и сам развивайся вместе с ним.
- Он хочет взрослеть — дай на этом уровне чувство взросления ребёнку. Он будет взрослеть и радоваться, он твой.
- Он несёт свободу, он не может жить вне свободы.

А как его заинтересовать, когда отняли свободу, развития мало, есть только обучение и вбивание стандарта в мозг, где нет страсти к взрослению? Поэтому массово дети не любят школу, массово начали не уважать учителей. А это величайшая профессия.

Когда вышла моя книга **«Здравствуйте, дети»**, тысячи молодых людей поспешили в вузы на педагогический факультет, потому что они увидели романтику школьной жизни. А сейчас какую романтику показывают? Это не профессия учителя виновата, мы виноваты, учёные, — те, которые должны поощрять учителей. А как? Мысль только о зарплате. Как будто, стоит дать миллион долларов учителю, и он

воспрянет духом, станет совсем другим. Нет. Камень, хоть тут ставь, хоть там, останется камнем. Надо творческую жилку развить в человеке. Современные учителя пишут научным языком. Педагогика не требует научного языка, противостоит научному языку. Там же только наука. Схемы, диаграммы, проценты — там дети же не живут, это могила для детей.

Школа будущего. Какой она будет? Конечно, будут новые здания. Одна коллега попросила меня пойти в её школу и провести для учителей семинар по повышению квалификации. Какое здание построили для школы! Уникальное! Там и бассейн, и разные корпуса. Я, советский человек, с трудом могу представить, что такие здания есть сейчас. Я пришёл, они собрались в библиотеке. Я готовился, подумал, что в таком здании должны быть необычные учителя. Начали семинар, и я вижу: кто-то тетради проверяет, кто-то шушукается. А я не люблю призывать кого-то к дисциплине. Наверное, я виноват, начинаю ещё больше изворачиваться. Прошла неделя, семинар закончился. Только двое приняли нечто, остальные 42 или 44 какими пришли, такими и ушли. Ни один из них не допустил меня на свои уроки. Что я там увидел? Это не новая школа. Здание новое, а внутри — образовательное болото. В таких болотах тонут дети. Они стараются обрести свои силы, но это же дети индиго.

Откуда возникло понятие «гиперактивность»? Как она измеряется? Это учителя настроены: «Дети гиперактивные». А почему? Потому что учителя сами гиперпассивные!

Детям нужна не скучная Марья Ивановна, а романтическая, весёлая, радостная, неугомонная! Пусть ей будет хоть 88 лет, но нужна такая Марья Ивановна. В школе очень много завелось учителей-двоечников. Директора вроде как лучших подбирают себе, знают цену учителя, но обычно в школах очень много двоечников и троечников. Наши дети сидят на уроках таких учителей и получают двойки и пятерки. Где искать справедливость?

Новая школа не будет измеряться зданиями и техникой. Это, конечно, нужно. Время проходит, нужны новые карты, новые опыты, новые возможности. Конечно, детям будут рассказывать, как пользоваться интернетом. Но это не создаст ту новизну, которая нам нужна в новой школе.

Новая школа — это учитель. Учитель со своим сознанием, как будто из будущего пришёл и знает, как хорошо там, он берет детей и ведёт их туда. Учитель с его сознанием, его сердцем, его любовью, его терпением. Мамы, папы, наберитесь терпения — при раздражении исчезает воспитание.

Что такое школа? Я давно интересуюсь, кто создал первую школу. **Ян Амос Коменский** (чешский педагог-гуманист, писатель, религиозный и общественный деятель) говорит в «Великой дидактике», что это создал патриарх Сим, сын Ноя, после потопа. Он что, место нашел и построил школу? Загнал детей, на камни посадил и пальцем начал указывать? Нет.

Я был на собрании РАО, там выступал Патриарх Московский и всея Руси **Алексий II**. Цитирую его слова: «Русское слово «школа» восходит к латинскому слову, которое в переводе означает «лестница», и кто послушен духовным учениям, тот знает, лестница — для восхождения души и духовности человека». А что пишут ученые? Школа — учебно-воспитательное заведение. Казино — тоже заведение, ресторан — заведение. Это не воодушевляет, что заведение работает. Поэтому новые учителя хотят облагородить школу — это храм, храм знаний. Но храма-то никакого нет. Школа — это лестница, но где она находится? В учителе! Каждый учитель — это школа, лестница для восхождения ваших детей. Лестница проходит через сердце в мозг и дальше возвышается.

А слово «учитель»? Христос тоже был учителем, так его звали. Это санскритское слово — душа, даритель света. А во что мы превратили учителя? В предметника, в училку, в преподавателя. Есть в школе преподаватели? Нет! Это опасно. Это у вуза пусть будут преподаватели. Предметники разбираются в своих предметах, а не в детях. Ребенку нужен учитель: физик — даритель света, химик — даритель света, литератор — даритель света.

Меня призвали в ЦК партии, когда я в 70-ые годы заговорил о гуманности в образовании. Сидит передо мной заместитель начальника отдела и строго спрашивает: «А разве советская школа не гуманная?». Я онемел. Скажу, что нет — и так закрывают, а то вообще заберут. В душе я, конечно, верил, что советская школа негуманная. А школа должна быть гуманной. Что такое гуманность? Если я подам вам этот микрофон, каждый скажет: «Надо любить человека, уважать человека». Это тоже санскритское слово. Давайте искать корни слова, потому что там истина. В переводе это означает — «смертный, который ищет бессмертие», «смертный, который познаёт себя, находится в самопознании», «смертный, который ищет связь с богом» — это «умен». Отсюда в русской речи слово «умный». Есть противоположное слово «дура» — это «смертный, который рвёт всякую связь с высшим». Неужели такие понятия и такие смыслы не годятся, чтобы вложить это в сознание, на этой почве разработать урок, воодушевиться и идти к детям?

В Москве была школа №1715, просуществовала 12 или 14 лет, потом пришёл начальник округа и сказал: «Вы не хотите продолжить работу Старшикова?». Мы сказали: «Конечно, хотим». Он взял меня, моего научного руководителя, директрису начальной школы, и мы поехали в школу №200. Начальник округа сказал там: «Вот вам приказ, вот вам новый директор». Он ушёл, и только потом мы узнали, что это школа коррекционная. Там нет начальных классов, там дети из детского дома, те, кого выгнали из соседней кадетской школы за плохое поведение. Эти дети ходили по коридору и курили, матерились, дрались. Мы были в отчаянии. Я убедился тогда, что если ты учитель, то из простого приму сделаешь. Мы два года работали с каждым учителем, внушали, помогали, программу строили вместе, уроки проводили вместе. Два года! Это были муки творчества. Тут нагрянула комиссия. Мы начали что-то проводить. Месяц мы ждали, что нам скажут. Они пришли, собрали нас, спрашивают: «Где дети, которые учились раньше?». Мы показываем списки: они тут, ещё никто не выпускался. Они сказали: «Эта школа стоит на уровне обычной среднеобразовательной школы, но она же коррекционная!». Мы им попытались объяснить, они ничего не поняли, но оставили справку, что школа №200 обычная. И какой был праздник! Вот так гуманная педагогика с невероятным трудом победила и доказала. Это реальная педагогика.

Сказать, что гуманной педагогики не было никогда, будет ложью. Она была, есть и будет. Мы хотим воспитать не того, который ЕГЭ будет сдавать. Мы получим личность, мы же личность хотим. А о какой личности можно говорить, если у человека нет воли, нет смысла жизни и нет страсти, устремления? Нынешняя школа в массовом порядке личность не сделает. Но в школе есть спасатели. Во всех школах есть спасатели, их немного. Разве много у океана спасателей, которые спасут утопающих? Двое-трое будут на вышке сидеть. Это учителя от Бога. Наверное, у каждого из вас был хоть один любимый учитель — в школе, или в спорте, или мама с папой стали такими.

Можно любить всех учителей, но учитель от Бога будет один. Он и есть спасатель детства. На них зиждется дух школы, они рожают дух школы. Но учителями от Бога должны быть мамы и папы. Детям света какие нужны мамы и папы? Тоже от света.

Завершая выступление, хочу рассказать свою притчу:

Старик сидит у обочины и смотрит на дорогу. И видит: идёт человек, за ним — маленький мальчик. Они увидели старика, остановились. И взрослый говорит мальчику: «Дай старику кусок хлеба из наших запасов, дай воды, наверное, он

поэтому сидит здесь». А сам спрашивает: «Старик, почему ты тут сидишь?».

А тот отвечает странно: «Я тебя ждал».

«Меня?» — удивился прохожий.

«Да, тебя».

«Это как?» — спрашивает он.

«Тебе доверили этого мальчика на воспитание?».

«Да», — удивленно отвечает прохожий. — «Доверили».

«Тогда бери от меня мудрость. Если хочешь создать кому-либо дерево, сажай плодовитое деревцо. Если хочешь кому-либо подарить лошадь, дари лучшего скакуна. Если тебе доверили ребенка на воспитание, верни его крылатым».

Тот смущается, говорит: «Что ты говоришь, старик? Я сам не умею летать. Как я могу научить ребенка летать?».

Тогда старик тихо произносит: «Верни мальчика обратно, не бери на себя грех».

Но они всё же пошли дальше. Прошли годы. Старик смотрит в небо и видит: летит мальчик, а за ним еле поспевает его учитель. Они опустились перед стариком, преклонили колена.

И учитель говорит: «Помнишь, старик, что ты мне сказал? «Научи мальчика летать». Я нашел способ! Видишь, какие крылья выросли у моего мальчика!». И ласкает эти крылья мальчика с умилением.

А старик не смотрит на эти крылья и для себя шепчет: «А мне больше нравятся твои перышки».

Какое время сейчас настало, друзья мои? Дети индиго — это ваши дети, у них много талантов, это «звёздные» дети. Где найти для них новых учителей? Если любим, это мы сами. Мы должны превзойти самих себя. Нет другого выхода.

РАЗДЕЛ 4. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕДАГОГОВ

«Меня часто спрашивают, почему некоторые учителя, которые никогда не изучали искусство преподавания, по-прежнему являются исключительно хорошими учителями.

Объяснение простое. У них есть быстрое, уверенное и неослабевающее сочувствие к операциям и процессу обучения. Умы, с которыми они контактируют. Их собственный разум движется в гармонии с разумом других, осознавая свои трудности, решая свои проблемы, делясь своими интеллектуальными победами»

Джон Дьюи (американский философ и педагог, реформатор, представитель философского направления прагматизм)

«Я полагаю, что ребенок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьется настолько, насколько способен развиваться.

Поэтому Саммерхилл - это такое место, где имеющие способности и желание заниматься наукой станут учеными, а желающие мести улицы будут их мести. Мы, правда, до сих пор не вырастили ни одного дворника. Я пишу это без всякого снобизма, потому что мне приятнее школа, выпускающая счастливых дворников, чем та, из которой выходят ученые-невротики».

Александр Нилл (новатор в области образования, автор книг о воспитании детей и основатель школы «Саммерхилл»)

В основе воспитания лежит достоинство личности. Взаимное уважение учителя и ученика является одним из главных условий обновления школы.

Именно к такому конечному результату приведет вас намеченная нами дорога, которую символизирует только зеленый и желтый свет. Истинный прогресс, которого мы добиваемся, измеряется новыми, взаимоуважительными отношениями между учителями и учениками, которые устанавливаются в классе. Известное правило «не делай другим того, чего бы ты не хотел для себя, а делай то, что было бы хорошо тебе самому» особенно значимо для школы.

Селестен Френе (французский педагог, организатор и руководитель экспериментальных начальных школ)

Секрет хорошего преподавания в том, чтобы рассматривать интеллект ребёнка как плодородное поле, в котором могут быть посеяны семена чтобы вырасти в тепле пылающего воображения.

Мария Монтессори (итальянский педагог, врач, философ и учёный)

ДЖОН ДЬЮИ

ШКОЛА И ОБЩЕСТВО

Мы склонны смотреть на школу с индивидуалистической точки зрения как на учреждение, которое касается только учителя и ученика или учителя и родителей. Школа интересует нас, обыкновенно, только поскольку она влияет на развитие отдельного ребенка, находящегося на нашем попечении: на его правильное физическое развитие, на успехи его в изучении чтения, письма, счета, на успехи в изучении географии и истории, на улучшение его манер, усердия, порядка и трудолюбия. Вот требования, которые, обыкновенно, предъявляют школе. Но эта точка зрения на школу должна быть расширена: то, что стараются дать своему собственному ребенку самые серьезные, самые просвещенные родители, то самое общество обязано сделать доступным для всех своих детей. Всякий другой идеал школы узок и бессердечен. Работая в ином направлении, мы уничтожаем демократичность в нашей жизни.

Все приобретения человечества в области мысли и чувства оно должно передавать через школу в распоряжение своих будущих поколений. Мечты о будущей, более справедливой и счастливой жизни, которые лелеет человечество, воплотятся трудами наших детей.

Только давая возможность всестороннего развития всем своим членам, общество остается верным самому себе, своей идее. Следуя по этому пути, общество удовлетворяет и индивидуалистические и социалистические потребности человека.

Большую часть работы над приближением нового, лучшего мира несет школа. Нужно всегда помнить слова Манна, что «когда что-нибудь создается, один создатель (творец) стоит тысячи преобразователей».

Таким образом, мы должны обсуждать новое движение в педагогике с более широкой, социальной точки зрения.

Новое течение в школьной жизни составляет такой же продукт изменившихся общественных условий и усилий идти навстречу нуждам нового нарождающегося общества, как и изменения в промышленности и торговле. **Так попытаемся же понять новое воспитание как фактор социального прогресса.**

Можем ли мы связать это новое воспитание с общим ходом событий? Если можем, то оно потеряет свой оторванный характер и перестанет быть делом, которое двигают педагоги гениального ума, занимающиеся с чудо-детьми. Тогда

новое воспитание явится как часть социальной эволюции, а общие его контуры набросает историческая необходимость.

Посмотрим, в чем особенности переживаемого нами социального движения, и откликается ли на них школа. (...)

До развития крупной промышленности домоводство и ремесла играли выдающуюся роль в общественной жизни. Нам стоит заглянуть в прошлую жизнь двух-трех старших поколений, чтобы увидеть, как каждая отдельная семья удовлетворяла все свои материальные нужды без помощи других людей. (...)

Участие детей в этой работе имело громадное значение для дисциплинирования трудового начала в ребенке и формирования его характера: человек воспитывался в привычках порядка и труда, в сознании своей ответственности, в сознании необходимости что-нибудь делать в мире. Всегда были задачи, которые во что бы то ни стало надо было выполнить, была необходимость, чтобы каждый член семьи нес свою долю работы в общей жизни. Личность вырабатывалась и закаливалась в труде.

Надо очень высоко ценить с воспитательной точки зрения близкое, интимное знакомство детей с природой, с вещами, с материалами, личное участие в их приготовлении, сознание необходимости труда как для себя, так и для общества. Вся эта жизнь ежеминутно развивала наблюдательность, изобретательность, творчество, правильное, последовательное мышление и познание действительности, которые приобретались через непосредственное соприкосновение с предметами.

Домашнее ткачество и пряденье, лесопильня, мельница, кузница непрерывно оказывали воспитательное воздействие на детей. Никакое количество предметных уроков не может дать нашим детям и тени тех знаний, которые ребенок того времени приобретал, живя на ферме, в постоянном общении с животными и растениями, ухаживая за ними.

Все те занятия, которые ведутся в школе ради развития органов внешних чувств, никогда не дадут ребенку той полноты и интенсивности восприятия, которая развивалась в повседневной интересной работе.

Словесную память можно развить уроками, можно приобрести известную силу мысли путем занятий математикой и другими науками, но эти успехи не выдерживают ни малейшего сравнения с развитием внимания и силы суждения, которые приобретаются в работе, имеющей реальный мотив и реальные цели.

Теперь концентрация промышленности со своим разделением труда вытеснила почти все виды домашней работы и тем косвенно весьма повредила делу воспитания. Но, конечно, не к чему причитать над безвозвратно минувшим старым, добрым временем. Бесполезно оплакивать исчезновение добрых старых дней, особенной детской застенчивости, особой почтительности, слепого послушания.

Мы не должны забывать те светлые стороны, которые современная жизнь вносит в душу детей: большая терпимость, широта взглядов, общественные интересы, более полное знакомство с человеческой природой, чуткое отношение к каждой индивидуальности, соприкосновение с миром промышленной коммерческой активности.

Перед нами стоит такая насущнейшая задача: каким образом, пользуясь всеми преимуществами, которые дает наше время, ввести в школу другую сторону жизни – такие занятия, которые требуют самостоятельности, личной ответственности и приводят детей в соприкосновение с физическими реальностями жизни.

Если мы вернемся к современной школе, то увидим, что ее отличительная черта – стремление к физическому труду: в школе стараются вводить ремесла и домоводство – шитье, стряпню. Эта перемена не была сделана нарочно, с ясным сознанием, что теперь школа должна давать то, что давало прежде раннее участие в работах по дому; скорее это делалось по инстинкту: путем искания и опытов находили, что такая работа захватывает учеников и дает им то, чего нельзя было иначе достичь.

Отношение к физическому труду осталось до сих пор настолько непродуманным, что занятия им часто бывают не систематичны, ведутся кое-как, стоят на заднем плане. Теоретическая сторона вопроса так мало продумана, что иные, часто совершенно неправильно, доказывают необходимость физического труда в школе, другие же суживают его роль.

Если мы переберем мнения даже тех людей, которые наиболее благосклонно относятся к введению физического труда в школьную программу, мы найдем у них в качестве главного аргумента только то» что этот труд возбуждает интерес и внимание детей.

Он вызывает в них бодрость и самостоятельность на место обычного пассивного восприятия чужих слов: он делает их более полезными, более

практичными, а потому и более склонными помогать по дому; он подготавливает ребенка до некоторой степени к практическим обязанностям будущей жизни: девочек к ведению хозяйства в своей семье, мальчиков к их будущей профессии.

Приведенные доказательства бесспорно вески, но все же эта точка зрения на новое течение школьной жизни слишком узка. Мы должны относиться к работам по дереву и металлу, ткачеству, шитью, стряпне как к потребностям жизни, а не как к изучению отдельных работ, как к одному из двигателей общественной жизни, как к средству показать детям основные нужды общества и способы удовлетворения их, – ведь только общественный характер физического труда преобразует школу из места, где учат уроки, в настоящую ячейку общественной жизни.

Общество состоит из отдельных индивидуумов, которых объединяет участие в общественно-полезной работе. Общие потребности и цели вызывают более интенсивный обмен мыслей и рост симпатий к людям. В современной школе у детей нет общей продуктивной работы, а потому и школа не является здоровым общественным организмом.

Если мы посмотрим на площадку для игр, то увидим, что там всегда возникает самопроизвольно и неизбежно свободная общественная организация. Здесь есть общее, так сказать, дело, которое нужно выполнить, и возникает естественное разделение труда, кооперация, сотрудничество.

В классе же нет условий, вызывающих свободную общественную организацию, взаимопомощь, – в этом трагизм положения нашей школы: она задается целью воспитать будущих членов общества в среде, которая лишена общественного строя и духа.

Школа, в которой введен производительный труд, резко отличается от обычной. Разницу эту трудно рассказать на словах: она выражается во всем духе, во всей атмосфере школьной жизни.

Когда вы входите в кухню, где группа детей занята приготовлением пищи, вы не узнаете их: их деятельность, бодрое настроение поражают вас. Они перестают более или менее пассивно воспринимать и делаются творцами своей работы. Те люди, по мнению которых школа является местом, где надо чинно сидеть, будут потрясены видом такой новой жизни в ней.

В обычной школе ученик должен поглотить наибольшее количество фактов и истин. Это поглощение исключительно дело личных способностей ученика, и успех в нем может только развить эгоизм» тщеславие. Обычная школа учебы совершенно

лишена общественного значения: от успехов данного ученика не будет никакой истинной общественной пользы.

Естественно, что до тех пор, пока школа будет задаваться единственной целью внедрять в ученика побольше знаний, в нем лег возникнет очень дурной вид соревнования: он начинает стремиться перещеголять товарища в количестве выученного. Эта атмосфера соревнования создает противообщественное настроение: помощь друг другу в стенах школы считается преступлением, за которое карает школьное уложение о преступлениях и наказаниях.

В той школе, где вводится производительный труд, сразу все меняется. В ней помощь соседу не милостыня, которая унижает его, а просто средство возбудить в товарище энергию. В ней царит дух свободного общения, обмена мыслей, наблюдений, удачных и неудачных опытов. Та доля соревнования, которая замечается здесь, направлена не на сравнение количества поглощенных отдельными членами знаний, а на качество их работы. А это ведь настоящее общественное мерило! Таким образом школа организуется на общественных началах. В недрах этой общественной организации уже заложен принцип истинной школьной дисциплины или порядка. Конечно, характер дисциплины зависит от той цели, которую имеют в виду. Если вы хотите заставить 40 или 50 детей выучить известный урок, чтобы ответить его учителю, ваша дисциплина должна быть направлена на достижение этой цели. Если же вы желаете развить в ваших детях дух общественной жизни и общественного сотрудничества, то дисциплина должна вытекать из этих начал и носить совершенно иной отпечаток.

Там, где изготавливаются какие-нибудь вещи, вы увидите мало общепринятого порядка: в деятельной мастерской на первый взгляд царит беспорядок – там нет тишины; работников не заставишь сохранить одно определенное положение; их руки не сложены: они не держат своих вещей определенным раз навсегда образом. Они изготавливают самые различные предметы, у них все полно суеты, внешнего беспорядка, которые проистекают из их деятельности. Но на почве занятий, на почве работы, ведущейся на общественных, кооперативных началах, у них возникла своеобразная дисциплина.

Представление о школьной дисциплине совершенно меняется, если мы станем на эту точку зрения. В теории мы признаем, что единственная дисциплина, которая имеет цену, единственно правильное воспитание то, которое дается жизнью. **Чужие слова и книги могут дать нам звания, но воспитывают опыт.** На практике же школа была так отделена от жизни, так далека от обыденных условий

и жизненных побуждений, что место, куда посылали детей, чтобы их дисциплинировать, лишало их возможности приобрести опыт, который только один имеет разумную дисциплинирующую силу.

Только прочно укоренившийся традиционный узкий взгляд на школьный порядок отпугивает от той глубокой, всеохватывающей трудовой дисциплины, которая вырабатывается участием в созидательной работе, когда ребенок видит, что его усилиями создается общественно-полезная вещь. Эта мысль воспитывает в нем сознание своей общности, точность и исполнительность в работе.

АЛЕКСАНДР НИЛЛ

СУДЬБЫ ВЫПУСКНИКОВ САММЕРХИЛЛА

Страх родителей перед будущим часто заставляет их действовать в ущерб здоровью своих детей. Страх этот, как ни странно, проявляется в желании родителя, чтобы ребенок научился большему, чем он сам. Такой родитель не в состоянии ждать, чтобы его Вилли научился читать, когда сам того захочет, он нервничает и боится, что Вилли вообще ничего не добьется в жизни, если его не подталкивать. Такому родителю не хватает терпения, чтобы позволить ребенку двигаться со своей собственной скоростью. Они спрашивают: «Если мой сын не умеет читать в 12 лет, какие у него шансы добиться успеха в жизни? Если в 18 он не сможет сдать вступительные экзамены в колледж, что ему останется, кроме неквалифицированного труда?» Но я научился ждать, наблюдая, как ребенок продвигается понемногу или не продвигается вовсе. Я не сомневаюсь, что в конце концов, если не приставать к нему и не вредить ему, он добьется успеха в жизни. Конечно, обыватель может сказать: «Хм, по-вашему, значит, стать водителем грузовика – успех в жизни!»

Мой собственный критерий успеха – способность радостно работать и уверенно жить. При таком определении большинство учеников Саммерхилла преуспели в жизни. Том поступил в Саммерхилл в 5 лет. Он ушел от нас в 17, так и не посетив ни одного урока. Он проводил большую часть времени в мастерской, делая самые разные вещи. Его отец и мать не могли без содрогания подумать о будущем сына. Он никогда не проявлял ни малейшего желания научиться читать. Но однажды вечером (ему тогда было 9 лет) я обнаружил его в постели за чтением «Давида Копперфильда».

–Привет, – сказал я, – кто научил тебя читать?

–Я сам научился.

Еще через несколько лет он пришел ко мне, чтобы спросить: «Как сложить половину и две пятых?»

Я объяснил и спросил, не хочет ли он узнать что-нибудь еще. «Нет, спасибо», – ответил он.

Позднее он получил место ассистента оператора на киностудии. Когда он еще только осваивал эту работу, я случайно встретился с его начальником на одном званом обеде и, конечно, спросил, как там Том. Лучшего парня у нас не было, – ответил его босс. – Он никогда не ходит – он бегаёт. А в выходные с ним просто беда, потому что он торчит на студии и в субботу, и в воскресенье.

Был еще один мальчик, который не мог научиться читать, – Джек. Никто не мог его научить. Даже когда он сам попросил, чтобы ему давали уроки чтения, какой-то скрытый психологический изъян мешал ему различать буквы «b» и «p». Он покинул нашу школу в 17 лет, не умея читать. Сейчас Джек – прекрасный токарь-инструментальщик. Он обожает разговоры о работе с металлом. Теперь он умеет читать, но, насколько я знаю, читает он главным образом статьи по технике и иногда кое-что по психологии. Не думаю, чтобы он когда-нибудь прочел хоть один роман, тем не менее он абсолютно грамотно говорит по-английски и его общий интеллектуальный уровень замечателен. Один американский посетитель, ничего не зная об его истории, сказал мне: «Что за умница этот Джек!»

Диана, славная девочка, посещала уроки без особого удовольствия. У нее был совершенно неакадемический склад ума. Я долго не мог себе представить, чем бы она могла заняться в жизни. Когда она в 16 лет уходила от нас, любой школьный инспектор признал бы ее образование плохим. Сегодня Диана занимается в Лондоне рекламой кулинарных изделий. Она чрезвычайно умелый работник, и – что гораздо важнее – она нашла счастье в работе. Однажды некая фирма потребовала, чтобы все ее служащие имели по крайней мере сданные вступительные экзамены в колледж.

Я написал главе этой фирмы по поводу Роберта: «Этот парень никогда не сдавал никаких экзаменов, потому что у него неакадемическая голова. Но у него сильный характер». Роберт получил работу.

Уинифрид, 13 лет, новая ученица, заявила мне, что ненавидит все школьные предметы, и завопила от радости, когда я сказал ей, что она вольна делать только то, что хочет. «Ты не должна даже приходить в класс, если не хочешь», –

сказал я. Она решила наслаждаться вольной жизнью и делала это в течение нескольких недель. Потом я заметил, что она заскучала.

–Поучи меня чему-нибудь, – попросила она меня однажды, – мне скучно так болтаться.

–Здорово! Чему ты хочешь научиться?

–Не знаю, – ответила она.

–А я тоже не знаю, – сказал я и ушел от нее.

Шли месяцы. Потом она пришла ко мне снова. «Я собираюсь сдавать вступительные экзамены в колледж и хочу, чтобы ты давал мне уроки». Каждое утро она занималась со мной и с другими учителями, и занималась хорошо. Она признавала, что предметы ее не слишком интересовали, но у нее появилась цель. Уинифрид нашла себя, когда ей позволили быть собой.

Интересно отметить, что свободные дети берутся за математику. Они получают удовольствие от географии и истории. Свободные дети отбирают из предлагаемых предметов только те, что им интересны. Свободные дети посвящают большую часть времени другим интересным занятиям – работе по дереву или металлу, рисованию, чтению художественной литературы, занятиям в любительском или импровизационном театре, слушанию джазовых пластинок.

Том – ему было 8 лет – имел обыкновение заглядывать ко мне и спрашивать: «Слушай, чем бы мне заняться?» Никто не советовал, что ему делать. Шесть месяцев спустя Тома всегда можно было найти в его комнате – среди разложенных на полулистах бумаги. Он часами чертил географические карты. Однажды в Саммерхилл приехал профессор из Венского университета. Он случайно столкнулся с Томом и задал ему кучу вопросов. Позже этот профессор пришел ко мне и сказал: «Я попробовал проэкзаменовать этого паренька по географии, и он говорил о таких местах, о которых я никогда не слышал».

Но я должен упомянуть и о неудачах. Шведка Барбель, 15 лет, пробыла с нами около года. За все это время она не нашла никакого занятия, которое бы ее заинтересовало. Она поступила в Саммерхилл слишком поздно. На протяжении целых 10 лет ее жизни за нее все решали учителя. К тому времени, когда она приехала в Саммерхилл, она уже потеряла всякую инициативу. Ей было скучно. К счастью, она была богата и ее ждала жизнь светской дамы.

Еще у меня жили сестры из Югославии, 11 и 14 лет. Школа не сумела их заинтересовать. Большую часть времени они проводили, обмениваясь похорватски грубыми замечаниями в мой адрес. Один недобрый друг постоянно

мне их переводил. Успех в данном случае был бы чудом, поскольку нас соединяли только искусство и музыка. Я был рад, когда мать приехала забрать их. С годами мы убедились, что мальчики, которые увлекаются техникой, вовсе не беспокоятся о сдаче вступительных экзаменов в вузы. Они идут непосредственно в центры практического обучения. Нередко они склонны сначала посмотреть мир, только потом заняться университетской учебой. Один, например, совершил кругосветное плавание в качестве корабельного стюарда. Двое других отправились в Кению – сушить кофе. Третий поехал в Австралию, а четвертый – в далекую Британскую Гвиану.

Деррек Бойд – типичный пример страсти к приключениям, вдохновленной свободным образованием. Он поступил в Саммерхилл в 8 лет и ушел от нас, сдав вступительные университетские экзамены, в 18 лет. Он хотел стать врачом, но отец в то время не мог оплатить его учебу в университете. Деррек решил использовать время ожидания, чтобы посмотреть мир. Он отправился в лондонский порт и провел там пару дней, пытаясь найти работу. Ему сказали, что многие настоящие моряки сидят без работы, и он, расстроенный, вернулся домой. Вскоре школьный товарищ рассказал ему, что некая английская дама в Испании ищет шофера. Деррек ухватился за эту возможность, отправился в Испанию, там он то ли построил этой даме дом, то ли расширил уже существовавший, провез ее по всей Европе, а затем поступил в университет. Дама решила помочь ему с оплатой учебы. Через 2 года она предложила Дерреку взять годичный отпуск, отвезти ее в Кению и там построить ей дом. Деррек закончил свою учебу на врача в Кейптауне. Ларри, который пришел к нам, когда ему было около 12 лет, сдал экзамены в университет в 16 и отправился на Таити выращивать фрукты. Решив, что за это платят слишком мало, он взялся водить такси. Потом он перебрался в Новую Зеландию, где, как я понимаю, делал всякую работу, в том числе снова водил такси. Потом он поступил в Брисбейнский университет. Некоторое время назад у меня был посетитель – декан этого университета, – который восторженно отозвался о Ларри. «Когда у нас были каникулы, и студенты разъехались по домам, – сказал он, – Ларри пошел рабочим на лесопилку». Сейчас Ларри – практикующий врач в Эссексе.

Конечно, не все прежние ученики проявили подобную предприимчивость. По очевидным причинам я не могу их здесь описывать. Все наши успехи связаны с детьми из хороших семей. И у Деррека, и у Джека, и у Ларри родители полностью

доверяли школе, так что перед мальчиками никогда не вставал ужасный вопрос: кто прав, родители или школа?

Вырастил ли Саммерхилл хоть одного гения? Нет, до сих пор гениев не отмечено, может быть, несколько творческих личностей, пока еще не добившихся известности, несколько ярких художников, несколько способных музыкантов, ни одного – насколько мне известно – успешного писателя, один прекрасный дизайнер мебели и интерьеров, несколько актеров и актрис, несколько ученых и математиков, которые еще могут сказать свое слово в науке. Думаю, что при нашем числе учеников – около 45 человек каждый год – немало тех, кто занимается какой-либо творческой или оригинальной работой.

Я, однако, не раз говорил, что одно поколение свободных детей не слишком убедительно для доказательств. Даже в Саммерхилле отдельные дети ругают себя за то, что не научились всему, чему могли бы. Иначе и не может быть в мире, где экзамены служат пропуском в некоторые профессии. И уж, конечно, всегда рядом найдется какая-нибудь тетя Мэри, которая воскликнет: «Тебе уже 11, а ты читать как следует не умеешь!» И ребенок ясно ощущает, что весь окружающий мир против игры и за работу.

Если обобщить, то метод свободы срабатывает практически наверняка с детьми до 12 лет, но детям постарше нужно слишком много времени, чтобы оправиться от кормления знаниями с ложечки.

СЕЛЕСТЕН ФРЕНЕ

О КОНЦЕПЦИИ НОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Какими мы хотим видеть наших детей? Для большинства родителей значение имеет не всестороннее развитие личности их детей, а образование – достаточное, чтобы выдержать экзамены, занять престижное место, поступить в такой-то институт или обосноваться в таком-то учреждении. Что же касается общества, то оно слишком занято злободневными политическими заботами и не думает о том, что будет через десять или двадцать лет. Его беспокоит лишь ближайшее будущее, и оно требует от школы подготовки детей только к достижению ближайших целей. В противовес концепциям, не берущим в расчет интересы ребенка, мы должны сформулировать истинную цель воспитания: максимальное развитие личности ребенка в разумно организованном обществе, которое будет служить ему и которому он сам будет служить. Тогда ребенок осуществит свое предназначение, приобретет достоинство и стойкость, а став

взрослым, будет эффективно трудиться без лжи и корысти над созданием гармоничного и упорядоченного общества. Мы знаем, что это идеал. Его, однако, нелишне было сформулировать, чтобы работники просвещения ясно видели перед собой цель, к которой они должны стремиться, порой даже не имея единомышленников.

Школа, ориентированная на ребенка. Школа завтрашнего дня будет сориентирована на ребенка – члена общества. Его основные потребности, зависящие от потребностей общества, определяют и физический, и умственный труд, которым он должен заниматься, учебные предметы, которые он должен изучить, а также систему приобретения знаний и навыков, формы обучения. Это будет полное обновление педагогики, которая станет разумной, эффективной, гуманной и поможет ребенку в полной мере осуществить свое человеческое предназначение.

Ребенок сам строит свою личность, а мы ему в этом помогаем. Можно довольно точно определить основные функциональные потребности общества, на основании которых государство устанавливает более или менее произвольно свои требования и ограничения. Гораздо труднее глубоко понять душу ребенка, его психологию, его склонности, возможности, устремления, богатство его натуры. Но именно исходя из этого знания, мы должны строить нашу воспитательную деятельность. Конечно, за последние полвека были достигнуты некоторые успехи в изучении детской психологии, но они еще не могут послужить нам достаточно надежной опорой. Поскольку мы пока не можем методично, на научной основе познать детей и, исходя из этого знания, предоставить каждому ребенку соответствующее образование, удовлетворимся тем, что создадим для них среду и технические средства, способные помочь становлению их личности.

Мы лишь расчищаем для них дороги, и каждый выберет свою, отвечающую индивидуальным склонностям, вкусам и запросам. Поэтому во главу угла ставится не заучивание материала, не приобщение к азам тех или иных наук.

Главным для нас является следующее:

- а) здоровье ребенка, его стремление к знаниям, развитие его творческих возможностей, присущее его природе желание постоянно двигаться вперед, к максимально полной самореализации;
- б) благоприятная среда, в которой воспитывается ребенок;
- в) оборудование и технические средства, обеспечивающие естественный, живой и всесторонний воспитательный процесс.

Школа будущего – школа труда. Это не означает ни использования физического труда как иллюстративного дополнения к умственной работе в школе, ни преждевременной ориентации на производительный труд учащихся, ни вытеснения умственной работы и художественного творчества профессионально-техническим обучением. Труд станет основополагающим принципом, движущей силой и философией народной школы, той деятельностью, которая обеспечит нашим ученикам усвоение всех необходимых знаний и навыков. Такая обновленная и оздоровленная школа станет неотъемлемой частью окружающей жизни, от которой она в настоящее время оторвана. Светлая голова и умелые руки – лучше, чем ум, перегруженный ненужными знаниями. Итак, учебный процесс должен строиться на труде. Это значит, что школа окончательно отвергнет давно уже обреченную тенденцию к пассивному и формальному обучению. Будет полностью пересмотрена теория становления личности и связанная с ней проблема усвоения знаний, и школа осуществит свое истинное предназначение – помогать ребенку строить свою личность посредством созидательной деятельности. Теоретически необходимость такого обновления признана сегодня всеми, на практике же обладателям светлых голов и умелых рук приходится вести нелегкую борьбу, чтобы пробить себе дорогу в жизни.

Разумная дисциплина – результат организованного труда. Это педагогическое и социальное обновление несет с собой глубокий функциональный порядок в организации учебы и труда, высокую эффективность учебного процесса, проистекающую из его гуманной рационализации. Все это способствует гармоничному развитию личности в обновленном обществе. Школа завтрашнего дня не превратится, как это пытаются представить хулители всего нового, в царство анархии, где учитель оказался бы лишенным необходимого авторитета. Напротив, будучи лучше организованной, она станет более дисциплинированной. Исчезнет лишь показная, формальная дисциплина, без которой рухнули бы устои сегодняшней школы. Дисциплина же школы завтрашней станет естественным выражением и результатом функциональной организации жизни и деятельности школьного коллектива. Таким образом, проблема дисциплины отходит на второй план, а в центре нашего внимания оказывается материальная, техническая и педагогическая организация работы в школе, которая должна стать главным и решающим фактором совершенствования учебного процесса.

Школа XX века для человека XX века. Нельзя более мириться со школой, которая отстала от своего времени на сто лет, с ее пустословием, прописными

истинами, безнадежно устаревшими учебниками, письменными работами, с зубрежкой и отбарабаниванием уроков. И это – в век фотографии, кино, грамзаписи, радио, пишущих машинок, железных дорог, автомобилей и самолетов! Этот контраст, которого, как ни странно, не видят ни учителя, ни родители, ни власти, наглядно показывает назревшую необходимость перемен во имя тех гуманных целей, которые мы поставили перед собой. Перемены должны иметь фундамент. Эти преобразования, эта модернизация не совершатся по чьей-то прихоти, под влиянием моды или даже по постановлению властей. Речь вовсе не идет о том, чтобы уничтожить все, что было в прошлом, принеся его в жертву тревожному и беспокойному будущему. Перемены должны быть уравновешенными и гармоничными. Это значит, что воспитание будет опираться на семейные традиции, на достижения предшествующих поколений. При всем стремлении властей к переменам они не могут быть продиктованы сверху, они произрастают из самой жизни, насыщенной и разнообразной. И только такая жизнь способна воспитать будущих строителей нового мира, который придет на смену старому миру, распадающемуся на наших глазах словно карточный домик. Народная школа не может существовать без демократического общества. Да, мы настаиваем на связи наших будущих свершений с прошлым. Но это не стремление к сохранению существующего политического и экономического порядка. Напротив, заблуждаются те, кто по робости строит всякого рода иллюзии: будто бы в условиях хаоса в обществе можно построить школу, способную стать моделью будущих социальных свершений. Опыт доказывает обратное. За редкими исключениями школа никогда не была в авангарде общественного прогресса. Правда, теоретически это возможно, но в действительности связи школы с семьей, обществом, политической системой столь тесны, что она никогда не сможет разорвать их. Школа всегда несколько отстает от общественного развития. Наша задача – сократить этот разрыв, что само по себе уже будет большой победой.

МАРИЯ МОНТЕССОРИ

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЯ

Первый шаг, который должен сделать будущий Монтессори-учитель, – это подготовить себя. У него должно быть воображение, в то время как учителя в обычных школах наблюдают за реальным поведением учеников, зная то, что они должны следить за ними, и то, чему они должны их учить, а Монтессори-учитель постоянно ищет «отсутствующего» ребенка. В этом – главное отличие.

Учитель, начинающий работать в нашей школе, должен верить, что ребенок откроет себя в работе. Он должен освободить себя от всех предвзятостей относительно «уровней» и «типов», на которые распределяют детей. Различные типы детей (с большими или меньшими отклонениями от нормы) не должны его беспокоить. В своем воображении учитель видит единственный нормальный тип, живущий в духовном мире. Учитель должен верить, что ребенок проявит свою настоящую сущность, когда найдет интересующую его работу. За чем же он наблюдает? Когда тот или иной ребенок начнет сосредоточиваться. Для этого учитель должен приложить все свои усилия, и его деятельность будет познавательной и поэтапной, как это и бывает в собственно духовном восхождении. То, что делает учитель, обычно имеет три этапа.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

Учитель становится опекуном и хранителем окружающей среды. Он занимается этим вместо того, чтобы страдать из-за неуважения детей. Тогда придут исцеление и притяжение, которые привлекут и поляризуют волю ребенка. В наших деревнях у каждой семьи есть свой дом, и хозяйка делает его как можно более привлекательным для себя и для мужа. Она уделяет дому много внимания; создавая среду, в которой может расцвести нормальная и творческая жизнь. Она пытается превратить свой дом в комфортное и уютное место, полное разнообразных интересов. Главное очарование дома состоит в его чистоте и порядке, все вещи находятся на своих местах.

Учитель в нашей школе делает то же самое. Все предметы должны быть в хорошем состоянии и находиться в порядке. Все должно быть продумано, тогда и ребенку эти материалы всегда будут казаться новыми и готовыми для использования. Кроме того, учитель тоже должен быть привлекательным, с приятной внешностью, опрятным, чистым, спокойным и полным достоинства. Это идеал, к которому каждый должен стремиться. Находясь в обществе детей, необходимо всегда помнить, что дети – это «избиратели».

Внешность учителя – первый шаг к завоеванию их доверия и уважения. Учитель должен изучать свои движения и делать их как можно более мягкими и грациозными. В этом возрасте ребенок идеализирует свою мать. Мы можем не знать ее, но слышать от ребенка, который видит симпатичную женщину: «Какая она красивая – точно, как моя мама!» Вполне возможно, что его мать вовсе не красива, но она кажется ребенку именно такой. И все, кем он восхищается, так же прекрасны, как и его мать. Таким образом, забота о собственной личности учителя должна

составлять неотъемлемую часть окружающей среды, в которой живет ребенок; сам учитель – насущная часть его мира. Итак, *первый долг учителя - наблюдение за окружающей средой*. Влияние окружающей среды косвенно, но, если его не будет, не будет и эффективных постоянных улучшений: физических, интеллектуальных, духовных.

ВТОРОЙ ЭТАП

Благоустроив окружающую среду, мы должны проанализировать, как должен себя вести учитель по отношению к детям. Что мы можем сделать с этими неорганизованными малышами, с этими беспорядочными и неопределенными маленькими умами, которые мы надеемся увлечь какой-то работой? Я иногда употребляю слово, которое легко неправильно истолковать: учитель должен быть соблазнительным, он должен увлечь детей. Если пренебрегать окружающей средой, если мебель будет пыльной, а материал – сломанным и находящимся не на своих местах и, кроме того, если учитель сам неряшлив, невоспитан и груб с детьми, тогда нет и главных средств достижения цели.

В начальный период, перед концентрацией детей, учитель должен проявить себя, он должен быть подобен пламени, согревающему все своим теплом, манящим к себе и вливающим новые силы. Учитель не должен бояться, что он прервет какой-то важный физический процесс, который еще не успел проявиться. Перед концентрацией руководитель может делать в большей или меньшей степени то, что считает нужным; он может вмешиваться в деятельность детей настолько, насколько считает необходимым.

Когда-то я читала о святом, который пытался собрать вместе нескольких брошенных детей, найденных им на улицах города, где поведение людей было далеко не безупречным. Что же он сделал? Он попытался развлечь их. При таком положении дел учитель должен делать то же. Он может рассказать историю, спеть песню, предложить игры... Учитель, имеющий дар очаровывать детей, может предложить им выполнить различные упражнения, даже те, которые не имеют познавательной ценности, но которые могут успокоить детей. Все знают, что веселый учитель имеет больше шансов увлечь детей, чем скучный, и мы все можем быть веселыми, если попытаемся. Например, кто-то может весело воскликнуть: «Давайте передвинем всю мебель сегодня!» – И будет работать с детьми, подбадривая и хваля их. Или он может сказать: «А как насчет этого медного кувшина? Его надо почистить». Или: «Пойдемте в сад, сорвем цветы». Каждое действие учителя может стать призывом или приглашением для детей.

Это вторая фаза работы учителя. Если на этом этапе еще есть ребенок, настойчиво досаждающий другим, самое правильное – остановить его. Мы часто повторяли, что, когда ребенок поглощен работой, учитель не должен вмешиваться в его деятельность, чтобы не прервать ее цикл или не помешать ее свободному развитию; но в этом случае правильный методический прием совсем обратный: нужно нарушить течение разрушающей деятельности. Это может произойти в форме восклицания, в проявлении особого интереса к беспокойному ребенку. Отвлекающая демонстрация любви, возрастающая прямо пропорционально беспокоящей деятельности ребенка, подействует на него подобно серии электрических разрядов и вовремя даст результат. Часто можно использовать вопрос: «Как поживаешь, Джонни? Пойдем со мной, у меня есть кое-что для тебя». Возможно, он откажется, и учитель может сказать: «Хорошо, это не имеет значения. Пойдем в сад», – и он пойдет с учителем или помощником. В этом случае ребенок и его капризность окажутся во власти взрослого, и он не будет досаждать другим детям.

ТРЕТИЙ ЭТАП

В конечном счете приходит время, когда ребенок начинает проявлять интерес к чему-нибудь – обычно к упражнениям из практической жизни; опыт показывает, что работа детей с сенсорным материалом бесполезна и вредна до тех пор, пока они не будут готовы извлечь из этого пользу.

До того, как познакомить детей с материалом такого рода, любой учитель должен подождать, пока они смогут найти в себе силы сосредоточиться на чем-нибудь, и обычно, как я уже говорила, это происходит на упражнениях из практической жизни. Когда ребенок начинает проявлять интерес к одному из них, учитель не должен прерывать его, так как этот интерес соответствует законам природы и раскрывает весь цикл новой деятельности. Но первый шаг еще такой хрупкий и деликатный, что при прикосновении он может снова исчезнуть, как лопается мыльный пузырь, и с ним уйдет вся прелесть этого момента.

Теперь учитель должен быть осторожен. *Не вмешиваться* означает не вмешиваться ни при каких обстоятельствах. Именно в этот момент учитель чаще всего ошибается. Ребенок, который до этого времени был трудным, в конце концов сосредоточивается на какой-то работе. Учителю, проходящему мимо него, достаточно просто сказать: «Хорошо», – чтобы испортить начатое. Пройдет не меньше двух недель, прежде чем у ребенка снова появится к чему-нибудь интерес. Ребенок, затрудняющийся что-либо выполнить, ребенок, к которому приходит на

помощь учитель, может отказаться от этой работы, оставив ее учителю. Интерес ребенка концентрируется не только на самой операциональной части работы, а чаще всего на преодолении трудностей, связанных с ней. «Если учитель так хочет сделать это вместо меня, пусть делает. Мне это больше не интересно», – таково отношение ребенка. Если ребенок пытается поднять что-то слишком тяжелое для него, а учитель старается ему помочь, то часто случается, что он просто оставляет этот предмет в руках учителя и убегает.

Похвалы, помощи или даже взгляда бывает достаточно для того, чтобы прервать ребенка или нарушить его деятельность. Может показаться странным, но такое случается даже тогда, когда ребенок начинает сознавать, что за ним наблюдают. Кроме того, иногда даже мы чувствуем себя неспособными продолжать работу, если кто-нибудь приходит посмотреть, что мы делаем. Вот важный принцип, следование которому может принести успех: как только у ребенка появилась концентрация, действуй так, как если бы ребенок не существовал вообще. Естественно, каждый может узнать, что делает ребенок, только мельком взглянув на него, но так, чтобы он не заподозрил об этом. После этого ребенок, который больше не является жертвой скуки, заставляющей его переходить от одной вещи к другой и ни на чем не задерживаться, начинает целенаправленно выбирать для себя работу, и это может создать проблемы в классе, где многие хотят одну и ту же вещь одновременно. Но даже для решения этих проблем никто не должен вмешиваться до тех пор, пока не обратятся к ним за помощью; дети решат ее сами. Обязанность учителя – только предлагать новые вещи, зная, что ребенок исчерпал все возможности тех материалов, которые он использовал ранее.

Умение учителя не вмешиваться приходит с практикой, как и все остальное, но оно никогда не приходит легко. Это означает, что учителю нужно подняться до духовных вершин. Настоящая одухотворенность осознает, что даже помощь может быть источником гордости.

Настоящая помощь, которую может дать учитель, заключается не в послушании сентиментальному импульсу, но она исходит из подчинения любви дисциплине, используя это вместе с пронизательностью, так как добродетельный человек становится более счастливым, чем тот, кому это добро предназначалось. Настоящая доброта служит нуждающемуся, не раскрывая себя, или, когда она раскрыта, принимает вид не помощи, а чего-то естественного и спонтанного.

Хотя отношения между ребенком и учителем находятся в духовном поле, учитель может найти хороший образец своему поведению, в этом случае находясь

в положении слуги, наблюдающего за своим хозяином. Он содержит в чистоте одежду хозяина, кладет на место щетки, но он не говорит хозяину, когда ими пользоваться; он подает хозяину еду, но не заставляет его есть; сделав хозяину услугу, он благоразумно исчезает, не произнеся ни слова. Таким же образом должны себя вести и мы, когда духовный центр ребенка начинает развиваться. Хозяин, которому служит учитель, – это дух ребенка: когда он проявляет свои потребности, учитель должен спешить отреагировать на них. Слуга никогда не потревожит хозяина, но, если его позовут, он спешит узнать, в чем нуждается его повелитель, и отвечает: «Да, сэр». Если он видит, что от него требуют восхищения, он выражает его и может сказать: «Как красиво!», даже если он видит совершенно обратное. Если ребенок выполняет работу с усиленной сосредоточенностью, мы должны находиться подальше от него, но, если он показывает результаты своего труда, ожидая одобрения, мы должны быть готовы его похвалить.

В психологической области взаимоотношений между учителем и учеником роль учителя и его действия аналогичны действиям того слуги; он должен служить, и служить хорошо: служить духу ребенка. Это совсем новое, особенно в сфере обучения.

Вопрос заключается не в содержании ребенка в чистоте или его одежды – в порядке. Мы служим не телу ребенка, так как знаем, что на определенном этапе своего развития он должен делать это самостоятельно.

Основа нашего обучения заключается в том, что в этом смысле не нужно обслуживать ребенка. Он должен приобрести физическую независимость, стать самостоятельным, он должен приобрести независимую волю и свободу выбора, он должен научиться работать без перерывов.

Развитие ребенка продвигается по пути прохождения разных этапов независимости, следующих один за другим, и наши знания в этой области должны руководить нашим поведением на этом пути. Это искусство *духовного служения*; искусство, которое может быть развито в совершенстве только в работе с детьми.

Когда учитель встретится с нуждами вверенной ему группы детей, он поймет достоинства общественной жизни, и наблюдения за проявлениями детской души доставят ему много радости. Это большая привилегия – уметь наблюдать за ними. Это привилегия путешественника, добравшегося до оазиса и слышащего журчание воды в самом сердце пустыни, которая казалась такой бесплодной, раскаленной и безнадежной; у детей с отклонениями высшие духовные ценности спрятаны, и

когда они проявляются, то вознаграждается вера учителя, который предвидел их появление.

В этих ценностях ребенка учитель видит такого человека, каким он и должен быть: неутомимого работника, движимого энтузиазмом. Учитель видит того, кто находится в постоянных поисках, так как его вечное стремление – быть выше трудностей; это человек, который действительно старается помочь слабым, потому что в его сердце есть место настоящему милосердию; он знает, что значит уважать других, и это уважение духовных стремлений человека является водой, питающей корни его души. По наличию этих качеств учитель узнает настоящего ребенка – в будущем настоящего человека.

Но это происходит не сразу. Сначала учитель скажет: «Я видел такого ребенка, каким он и должен быть, и он стал даже лучше, чем я ожидал». Вот что значит – понять раннее детство. Недостаточно знать имя ребенка и профессию его отца; учитель должен знать и повседневно утверждать в жизни *секрет детства*. Благодаря этому он приобретет не только глубокие знания, но и особый род любви, направленной не на отдельного человека, а на тайну, спрятанную в глубине его души.

Когда дети раскрывают свои души, учитель, возможно, впервые, понимает, что такое настоящая любовь. Эти откровения преобразуют и его. Это то, что трогает сердца и постепенно изменяет людей. Это уже было замечено, и нельзя умолчать об этом. Имена детей можно забыть, но нельзя стереть след, который произвели их души и любовь, которую они смогли разбудить.

Есть два уровня любви. Часто когда мы говорим о нашей любви к детям, то ссылаемся на заботу, которой их окружаем, на ласки и любовь, которые мы изливаем на тех, кого знаем и кто будит в нас нетленные чувствами если с ними нас связывает духовное родство, мы показываем это, обучая их молитвам.

Но я говорю совершенно о другом. Это уровень любви, которая уже не является ни личной, ни материальной. Служить детям – это чувствовать, что ты служишь духу человека, духу, который должен сам творить себя. Различия между уровнями были на самом деле выявлены не учителями, а детьми. Учитель чувствует, что его подняли на высоты, о которых он раньше никогда не знал. Ребенок заставляет учителя расти до того уровня, на котором тот достигнет его сферы.

До этого учитель обычно считал свою работу благородной, но он радовался наступлению каникул и надеялся, как и все остальные люди, работающие для других, что ему уменьшат количество часов, а зарплату поднимут. Возможно, его

удовлетворяли его власть и чувство, что он является идеалом, которому следуют дети и который они пытаются превзойти. Он будет счастлив стать директором или даже инспектором. Но чтобы перейти с этого уровня на более высокий, надо понять, что счастье заключается не в этом. Тот, кто испил у источника духовного счастья, скажет «до свидания» своим личным стремлениям к высшему общественному и профессиональному статусу. Это видно на примере многих директоров и инспекторов, которые отказались от карьеры, чтобы посвятить себя маленьким детям и стать «няньками», как их презрительно называют.

Я знаю двух докторов медицины в Париже, которые оставили свои профессии, чтобы всецело посвятить себя нашей работе и приблизиться в действительности к этому феномену. Они почувствовали, что перешли с низкого уровня на более высокий.

Какой же главный признак успеха преобразования учителя? Можно так его сформулировать: «Сейчас дети работают так, как будто меня здесь нет». До своего преобразования чувства учителя были совсем обратными; он считал, что именно он учил детей, именно он поднимал их с низкого уровня на высокий. Но теперь, когда видны проявления детской духа, самая большая ценность, которую он может причислить к своему вкладу, может быть выражена словами: «Я помог этой жизни выполнить задачу, поставленную еще при сотворении мира».

Это настоящее удовлетворение. Учитель, обучающий детей до шести лет, знает, что он помог человечеству в неотъемлемой части его формирования. Учитель может не знать детских подробностей, кроме тех, о которых они сообщают ему в разговоре; возможно, ему неинтересно знать об их будущем: пойдут ли они в среднюю школу и университет, или их обучение вскоре закончится; но он счастлив, зная то, что в период их формирования они делали то, что должны были делать. И он может сказать: «Я служил духу тех детей, и они осуществили свое развитие, а я в тот период был их товарищем».

Учитель чувствует ценность своей работы и того, что он выполнил в форме удовлетворенной духовной жизни, «жизни вечной», и в каждодневной молитве. Это трудно понять тем, кто не живет такой жизнью. Многие считают, что это происходит благодаря самопожертвованию, и говорят: «Насколько же смиренны эти учителя, что не пользуются своей властью над детьми. Какой же успех может принести Ваш метод, если Вы требуете от учителей отречься от всех их естественных желаний?» Но чего никто не может понять, так это того, что суть вопроса – не жертвование,

а удовлетворение, не отречение, а новая жизнь с другими ценностями, настоящая жизнь, до сих пор не известная.

Кроме того, различаются законы, например закон справедливости. В школах и в общественной жизни демократических стран справедливость часто означает только одинаковые для всех законы. Правосудие обычно связывают с судебными процессами, с тюрьмами и приговорами. Суды обычно называются Дворцами правосудия, а под определением «Я – честный человек!» подразумевается, что с юридическими институтами (полиция, суд) вас ничто не связывает. Даже в школе при похвалах ребенка учитель должен быть очень осторожен, в противном случае он должен похвалить всех: он должен быть справедливым. Этот вид справедливости ставит всех на низший уровень, как если бы среди духовных чувств мы обезглавили бы самое высшее, чтобы они все были одинаковы.

На этом высоком образовательном уровне справедливость – это что-то действительно духовное, что пытается гарантировать то, что каждый ребенок сделает все возможное.

Здесь справедливость – это обеспечение каждого человеческого существа помощью, в которой оно нуждается для полного духовного развития, а духовная служба в любом возрасте означает содействие той энергии, которая вызывает работу. Возможно, это будет основой образования будущего общества. Все эти духовные богатства должны быть сохранены. По сравнению с ними экономические богатства не имеют ценности. Не имеет значения, богат я или беден: если я умею достигать полного регулирования собственной духовной власти, экономические проблемы решаются сами собой. Когда человечество в целом научится полностью совершенствовать свою душу, оно станет более продуктивным и экономический аспект жизни перестанет быть главным. Люди творят не руками, а душой и умом, и когда они достигнут соответствующего им уровня развития, тогда разрешаются все наши «неразрешимые проблемы».

Без посторонней помощи дети могут создать сознательное общество. Для нас, взрослых, необходимы тюрьмы, полиция, солдаты и оружие. Дети же решают свои проблемы мирно; они показывают нам, что свобода и дисциплина – две стороны одной медали, так как сознательная свобода ведет к дисциплине. Обычно монета имеет две стороны: одна – покрасивее, с изящно отчеканенной головой или аллегорической фигурой, в то время как другая сторона менее украшена и содержит только изображение цифр или букв. Сторону с простым изображением можно сравнить со свободой, а другую – с дисциплиной. Когда класс становится

недисциплинированным, учитель видит в беспорядке лишь следствие допущенной им ошибки и старается ее исправить. Учитель обыкновенной школы почувствует себя униженным; но это не унижение, это составная часть нового образования. Помогая природе, человек поднимается на следующую ступеньку, так как движение вверх – закон жизни. Именно дети создали эту замечательную лестницу, ведущую все выше и выше. Закон природы – порядок; когда приходит порядок, мы понимаем, что достигли порядка мира. Ясно, что природа включает миссии, которые она поручила детям – побудить нас, взрослых, для достижения высшего уровня. Дети ведут нас на высшие уровни развития человеческого духа, и посредством этого решаются материальные проблемы.

РАЗДЕЛ 5. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЮБВИ К ТРУДУ И К ПРОФЕССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЫРГЫЗСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

Тишу кыргызам правого крыла,
Тишу кыргызам левого крыла:
Кедеи, встаньте черными ступнями
На новую тропу: она светла!
Я вас учу, неопытных в борьбе!
Найдите силу, мужество в себе!
Мои кедеи с черными ступнями,
- Заботьтесь сами о своей судьбе!
Тоголок Молдо (кыргызский акын)

Есть сила - привыкай к труду!
Работай много дней в году.
Гулять - гуляй, но хлеб посеи
И землю поливай в саду.
Безделье жалкое забудь,
Трудом начни по жизни путь,
Лишь в созидательном труде
Для человека - жизни суть.
В согласие - счастье лежит;
И всем героям надлежит
Умом делиться меж собой,
В беде и радости дружить.
Но к знаниям стремя свой путь,
Помочь народу не забудь,
Народной славой жив герой,
И ты - трудом ее добудь.

Токтогул Сатылганов (кыргызский акын)

Лишь человеку дан иной удел: хлеб добывать в труде и мясо возвращать трудом —
творить для самого себя природу
Чингиз Айтматов, кыргызский и всемирно известный писатель

Тоголок Молдо

(1860-1942)

Джанбакты

(в сокращении)

Был у меня лентяй сосед,
Дурак, каких на свете нет.
Его прозвали Джанбакты,
Что означает дармоед.

Его отец был бий-богач,
Сынка лечил от дури врач
Но, если от роду глуп,
Тебе не вылечишь, хоть плач.

Когда же бий скончался тот
И схоронил его народ,
То получил в наследство сын
Богатый дом и тучный скот.

Но весь отцовский капитал
Наследник быстро промотал.
Как дальше быть? Чем дальше жить?
Соображать бездельник стал.

Один сосед, другой сосед –
Давали все ему совет,
Но ни с одним советом их
Не соглашался дармоед.

С работой был он незнаком:
Его отец был богачом,

Привык бездельник Джанбакты

Жить, не заботясь ни о чем.

И, не приученный к делам,
Он ничего не делал сам,
Он с детства жаден был, ленив
И, кроме этого, упрям.

Кочевье обходит кругом,
Считал своим он каждый дом,
Казалось дурню Джанбакты,
Что стыдно жить своим трудом.

Он всюду пил, он всюду ел,
Он всем соседям надоел,
И даже родичи его
Иметь с ним не хотели дел...

Кормить его не стало сил,
Его прогнал родной аил,
Голодный, грязный и худой,
Он по чужим местам бродил.

Скрываясь от соседских глаз,
В чужой аил забрел он раз,
И пропитанья для себя
Он стал выпрашивать тотчас....

Так злополучный Джанбакты
У богачей попал в шуты.
Кричали все ему смеясь:
«Смотри, быка проглотишь ты!»

«Живи у нас хоть целый год, –
С насмешкой говорил народ. –
Тебя забыл родной аил,
Таких, как ты, никто не ждет!»

«...Я торопиться не люблю,
И без родных я потерплю,
Зато молозиво дождусь,
Попью его и похвалю...»

...Потом ему сказали так:
«Родной аил твой грабит враг.
Пошел бы, может быть, помог?
Ведь ты мужчина как-никак»

Так из гостей он прогнан был
И поплелся в родной аил,
Который много лет назад
Такого дурня уродил!

**Токтогул Сатылганов
(1864 -1933)**

Служи народу, он тебя поймет!
Работай, не ленись, пока здоров,
Выращивай хлеба, паси коров,
Потом, когда состаришься, не сможешь
Брать трудные плоды земных даров

Примета человека –это труд.
Нас в жизни блага райские не ждут.
Трудись, не то, хоть крикнешь:
«Умираю!» –
Тебе и корки хлеба не дадут.

Покуда молод, в деле будь горазд.
Весною поднимай глубокий пласт.
Тяжелый труд весною в землю вложишь,
Земля с лихвою осенью воздаст.
Трудись, джигит, труд почитай за честь.
Сил не жалея, покуда силы есть.
А если будешь ты сидеть без дела,
Что домочадцы будут пить и есть?

Сей в поле хлеб, в лугах траву коси,
Все от земли бери, а не проси.
Овец паси и на добро чужое,
На даровое глазом не коси.

О люди, властелины и рабы,
Напрасной избегайте похвальбы.
Идите твердо и снесите гордо
И злочюченья и дары судьбы.

Есть сила у иного дурака,
Да лень трудиться из-за медяка,
Свою жену ленивый не прокормит,
Та от него уйдет наверняка.

Вслед пахарю смеясь, кричит лентяй:
«Спеши, дурак, паши не отдыхай!»
Когда же после пахарь ест лепешки,
Глотает слюни-краснобай.

Что б ни стряслось с тобою на веку,
Ты не входи, бедняк, к ростовщику.
Берешь займы пятак, а в день расплаты
Полтинник прирастает к пятаку.

А не уплатишь –так недолог суд,
Богатый прав – а судьи тут как тут.
И волостные за пятак проклятый
Тебя мученьям адским предадут.

Счастлив пустивший беркута ловец.
Счастлив жену нашедший молодец.
Поверьте мне, не говорю неправды
Я – Токтогул, я брат ваш и певец.

Джигит спокойного не знает дня,
Готовя к скачкам своего коня.
Не знает вор ни счастья, ни покоя,
Хотя идет он, золотом звеня.

Правитель, хоть ничтожен, хоть велик,
К его бесчестности народ привык,
Иль честные не лезут во владыки,
Или уходит честность от владык.

Ты, богатей, не будь богатству рад,
Тот нынче нищ, кто был вчера богат.
Поэтому, богатые, на бедных
Высокомерный не бросайте взгляд.

Проходит муж; богат он или нет,
Ты поклонись ему – вот мой совет.
В конце концов не бедность, не богатство –
Добро оставит в этой жизни след.
Нам жить дано не так уж много дней,

Жизнь с каждым днем короче и трудней.

Нет в жизни правды,
Но добро и дружба –
Единственное, что прекрасно в ней.

Век проживешь еще ты или год,
Стремись к высотам, улетай в полет,
Смысл жизни нашей
Лишь служенье людям,
Служи народу, он тебя поймет!

Осмонкул Болобалаев

(1888-1967)

Гимн труду

Труд, без тебя не прожить бы мне.
Труд, без тебя век тужить бы мне.
Труд, без тебя не найти гроша.
Труд, без тебя не поет душа.
Труд, без тебя нет огня в крови,
Труд, без тебя нет святой любви.
Труд, без тебя мой без кровли дом.
Труд, без тебя обойден я сном.
Труд, без тебя мне дороги нет.
Труд, без тебя я какой поэт?

Тобой живу я, тобой дышу я,
С тобою пришел я всю землю родную.
С тобою слышнее народу мой голос.
С тобою полнее на ниве мой колос.
С тобою глубок я, как бурная Чу.
С тобою любая мне кладь по плечу.

С тобой одолею любой перевал.
С тобой пролечу, где орел не летал.
С тобой и у старого сердце поет.
С тобою, как горы бессмертен народ.

Мукай Элебаев

(1906-1943)

Томлюсь

Я от тягостных дум устаю,
Боль в душе постоянно таю.
Даже кажется: выхода нет,
Перед дверью закрытой стою.
Сердце точит и точит тоска
Цель заветная так далека!
Мне обидно и горько до слез,
Что тропы к ней не знаю пока.
Где лекарство от грусти моей?
Сердце ноет сильнее и сильнее.
Для таких вот, как я говорят,
Где-то запертых нету дверей.
До меня доходила молва:
Дарят знанья Ташкент и Москва.
День и ночь тоскую о них,
Кругом ходит моя голова.
Я, бедняга, к учебе стремлюсь,
Я без крыльев остаться боюсь –
Вдруг не вырастут вовсе они,
Вдруг напрасно я боюсь и мечусь?
Своего я добиться решил,
Не жалея упорства и сил.
Если б кто-нибудь мог угадать,

Как мне мир без ученья не мил!

Понимаю, я страшно отстал,
Что без знания жалок и мал.

Понимаю, насколько бы с ним

Выше, чище, могучее стал.

Не приходит на память еда,

Сон бежал неизвестно куда.

Я могу умереть от тоски.

Кто глаза мне откроет? Когда?

Джоомарт Боконбаев

(1910-1944)

Учитель

На все хватало рук

И времени, учитель.

Ты в храм ремесел и наук

На смело ввел, учитель.

Тянул на свет из темноты

Упрямо нас, учитель

Для новой, лучшей жизни ты

Нас окрылял, учитель.

Ты научил распознавать

Добро и зло, учитель.

Ты наш отец, и наша мать,

Ты дал нам жизнь, учитель!

Джусуп Турусбеков

(1910-1944)

Детям

Вас, дети милые, родной вырастил народ,

Ударник, труженик, наш полный сил народ.

Любой из вас, друзья, стать инженером сможет,
Учась настойчиво, идите же вперед.
Вам крылья каждому могучие даны,
Вам знаний залежи добыть из глубины.
Живя по-новому, в свободном новом веке
Вы, дети милые, для счастья рождены!

Кубанычбек Маликов

(1911 -1978)

Учитель

Скажут: «Учитель», а слышится мне «Созидатель»,

И великан всеильного видит мой взор...

Вот он сейчас

В руки молот тяжелый подхватит

И раскрошит твердь могучих заоблачных гор.

Сколько живу на планете я,

Столько читаю,

Столько учусь,

Все твержу я себе: не ленись!

Но подмастерьем пока лишь себя я считаю,

Учеником у науки по имени жизнь,

О, как не просто все время идти, попевая

За караваном годов,

Устремившихся ввысь.

Сколько живу,

Вспоминаю, как дивное чудо,

Первое слово,

Что в школе из букв я сложил,

И до конца своих дней я уже не забуду

Белый мелок,

Что учитель мне в руку вложил.

Жизнь подносила мне множество трудных открытий,
Я не стремился по ней прошагать налегке.
Помню, как вызвал к доске меня первый учитель,
Помню, как ниткой тянул я слово на доске,
Я не начетчик,
Но сколько сравнений невольно
В голову лезет –
И истина в каждом видна:
Ловчего сокола пестует мудрый сокольник,
Опытный тренер готовит к байге скакуна.
Коль хорошо подготовлен скакун к состязанью,
Будет на скачках жокею победа дана.
Если мальчишку поймет и поддержит учитель,
Будет сквозь годы дорога ему не страшна.
Слышу: «Учитель», а видит мой взор садовода,
В знойной пустыне взрастившего сказочный сад.
Сил не жалея, трудился он многие годы,
Чтобы плодами обильными сад был богат.
Сажены, те, что своими сажал он руками,
Корни пустили и кронами радуют взгляд.
Мог по годам он сойти и мне за младшего сына,
Тот садовод.
Но не возраст я в людях ценю.
Пусть уже давно голова моя в белых сединах,
Перед учителем низко ее я склоню.
Он мой наставник.
И сколь ни жить мне на свете,
Добрую память я в сердце о нем сохраняю.
Только тому, кто учителя помнит и ценит,
И почитает во всем, как отца или мать,
И долгом пути его ученик не изменит,

И деле высоким сумеет наследником стать.

Алыкул Осмонов

(1915-1950)

Учитель

Он детей ведет умело
К свету знания и труда,
Чтобы сердце их горело
Жаждой подвига всегда.
Вдохновенно и любовно
Он растит в сердцах детей
Чувство преданности кровной
Вольной Родине своей.
Чтобы детям жить счастливо,
Чтоб душе была верна
Молодая гибкость ивы
И березы прямизна.
Кто он – добры, ясноликий,
И правдивый, и простой?
Это – труженик великий,
Наш учитель золотой!

Маляр

Пришел маляр и наш покрасил дом, –
И словно солнце повеселилось в нем.
Вот этот человек в спецовке старой, –
Он радость нам принес своим трудом.

В ненастье дом сияет, как дворец,
Сын улыбается, поет отец.
Вот этот человек в спецовке грязной,

Он – с чистым сердцем – светлых дел творец.

Веселье в доме, всюду звонкий смех,
Как будто праздник, торжество у всех,
В труде есть благородство, – благодарен
С простою речью этот человек.

Он поздно лег и на рассвете встал.
Прекрасен труд, велик он или мал...
Но почему ж отец мой, век кочуя,
Такого в жизни мастерства не знал?

Дувалчи

Растет, растет дувал твой, дувалчи.
Багряные пылают кирпичи.
Ужь коль не ты, так кто меня научит?
Искусству складывать их научи.

Еще вчера был еде виден, мал,
Сегодня двухэтажным стал дувал.
Учи меня, возьми меня в науку,
Чтоб так, как ты, я молотком стучал.

Ты слово дал своей родной стране,
И слово это ты сдержал вполне,
И стала родина тверда, как молот.
Непобедима стала на войне.

Все, что мерещилось лишь в снах, в мечтах,
Воплощено теперь в твоих трудах.
Пусть будут все твои труды моими,

А ты как дома будь в моих стихах.

Плотник

Эти мастера повсюду есть,
Счастьем их соседство можешь счесть.
В мастерстве с Творцом самим поспорят,
И простым фуганкам – всюду честь!

Здесь – простой народ: веселье, смех,
Песни... Но проходит час потех.
Все умеют золотые руки,
И упорство окрыляет всех.

И для песен я беру своих
Голос и мелодию у них.
Каждый взмах рубанка при строганье
Дорог мне, как самый ладный стих.

Каждый гвоздь им вбитый – так же мил,
С каждым разом – обновленье сил!
Дорого мне ремесло такое,
Нашу жизнь преобразивший пыл.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

(1928-2014)

Первый учитель

Это было в 1924 году. Да, именно в тот год...

Там, где сейчас находится наш колхоз, тогда был небольшой аил оседлых бедняков - джатакчей. Мне в ту пору было лет четырнадцать, и жила я у двоюродного брата своего покойного отца. Матери у меня тоже не было.

Еще осенью, вскоре после того, как те, что побогаче, откочевали в горы на зимовья, к нам в аил пришел незнакомый парень в солдатской шинели. Я

запомнила его шинель, потому что она была почему-то из черного сукна. Появление человека в казенной шинели явилось для нашего аила, отдаленного от дорог, приткнувшегося где-то под горами, настоящим событием.

Сперва утверждали, что в армии он ходил в командирах, а потому и в аиле будет начальником, потом оказалось, что вовсе он никакой не командир, а сын того самого Таштанбека, который ушел из аила на железную дорогу еще в голод, много лет назад, да так и пропал. А он, сын его Дюйшен, будто прислан в аил для того, чтобы открыть здесь школу и учить детей.

В те времена такие слова, как «школа», «учеба», были в новинку, и люди не очень-то в них разбирались. Кто-то верил слухам, кто-то считал все это бабьими сплетнями, и, быть может, вообще забыли бы о школе, если бы вскоре не созвали народ на сходку. Мой дядя долго ворчал: «Это еще что за собрание такое, вечно отрывают от дела по всяким пустякам», - но потом все-таки оседлал свою лошаденку и поехал на собрание верхом, как и положено всякому уважающему себя мужчине. Вслед за ним вместе с соседскими ребятами увязалась и я.

Когда мы, запыхавшись, прибежали на пригорок, где обычно проходили сходки, там уже перед кучкой пеших и конных людей выступал тот самый бледнолицый парень в черной шинели. Мы не могли расслышать его слов и придвинулись было ближе, но тут один старик в драной шубе, словно очнувшись, торопливо перебил его.

- Слушай, сынок, - начал он заикающейся скороговоркой, - раньше детей учили муллы, а твоего отца мы знали: такая же голытьба, как и мы. Так скажи на милость, когда это ты успел сделаться муллой?

- Я не мулла, аксакал, я комсомолец, - быстро отозвался Дюйшен. - А детей теперь будут учить не муллы, а учителя. Я обучался грамоте в армии и до этого малость учился. Вот какой я мулла.

- Ну, это дело...

- Молодец! - раздались одобрителные возгласы.

- Так вот, комсомол послал меня учить ваших детей. А для этого нам нужно какое-нибудь помещение. Я думаю, устроить школу - с вашей помощью, конечно, - вон в той старой конюшне, что стоит на бугре. Что скажете на это, земляки?

Люди замялись, как бы прикидывая в уме: куда он гнет, этот пришлый? Молчание прервал Сатымкул-спорщик, прозванный так за свою несговорчивость. Он давно уже прислушивался к разговорам, облокотясь на лук седла, и изредка поплевывал сквозь зубы.

- Ты постой, парень, - проговорил Сатымкул, прищуривая глаз, словно бы прицеливаясь. - Ты лучше скажи, зачем она нам, школа?

- Как зачем? - растерялся Дюйшен.

- А верно ведь! - подхватил кто-то из толпы.

И все разом зашевелились, зашумели.

- Мы испокон веков живем дехканским трудом, нас кетмень кормит. И дети наши будут жить так же, на кой черт им учение. Грамота начальникам требуется, а мы простой народ. И не морочь нам голову!

Голоса приутихли.

- Так неужели вы против того, чтобы ваши дети учились? - спросил ошарашенный Дюйшен, пристально вглядываясь в лица окруживших его людей.

- А если против, то, что, силком заставишь? Прошли те времена. Мы теперь народ свободный, как хотим, так и будем жить!

Кровь схлынула с лица Дюйшена. Обрывая дрожащими пальцами крючки шинели, он вытащил из кармана гимнастерки лист бумаги, сложенный вчетверо, и, торопливо развернув его, поднял над головой.

— Значит, вы против этой бумаги, где сказано об учении детей, где поставлена печать Советской власти? А кто вам дал землю, воду, кто дал вам волю? Ну, кто против законов Советской власти, кто? Отвечай!

Он выкрикнул слово «отвечай» с такой звенящей, гневной силой, что оно, как пуля, прорезало теплынь осенней тиши и, словно выстрел, отозвалось коротким эхом в скалах. Никто не проронил ни слова. Люди молчали, понурились.

- Мы бедняки, - уже тихо проговорил Дюйшен. - Нас всю жизнь топтали и унижали. Мы жили в темноте. А теперь советская власть хочет, чтобы мы увидели свет, чтобы мы научились читать и писать. А для этого надо учить детей...

Дюйшен выжидающе умолк. И тогда тот самый, в драной шубе, что спрашивал его, как он сделался муллой, пробормотал примирительным тоном:

- Ладно уж, учи, если тебе охота, нам-то что... Мы не против закона.

- Но я прошу вас помочь мне. Нам надо отремонтировать эту байскую конюшню на горе, надо перекинуть мост через речку, дрова нужны школе...

- погоди, джигит, очень уж ты прыткий! - оборвал Дюйшена несговорчивый Сатымкул.

Сплюнув сквозь зубы, он опять прищурил глаз, словно бы прицеливаясь.

— Вот ты на весь аил кричишь: «Школу буду открывать!» А поглядеть на тебя - ни шубы на тебе, ни коня под тобой, ни землицы, вспаханной в поле, хоть бы с

ладонь, ни единой скотинки во дворе! Так как же ты думаешь жить, дорогой человек? Разве что чужие табуны угонять... Только у нас их нет. А у кого табуны есть - те в горах.

Дюйшен хотел ответить что-то резкое, но сдержал себя и негромко сказал:

- Проживу как-нибудь. Жалованье буду получать.

- А-а, давно бы так! - И Сатымкул, очень довольный собой, с победоносным видом выпрямился в седле. - Вот теперь все ясно. Ты, джигит, сам делай свои дела и на свое жалованье детей учи. В казне денег хватит. А нас оставь в покое, у нас, слава богу, своих забот полон рот...

С этими словами Сатымкул повернул коня и поехал домой. Вслед за ним потянулись и другие. А Дюйшен так и остался стоять, держа в руке свою бумагу. Он, бедняга, не знал, куда ему теперь податься...

Мне стало жаль Дюйшена. Я смотрела на него не отрывая глаз, пока мой дядя, проезжая мимо, не окликнул меня:

- А ты, косматая, что тут делаешь, что рот разинула, а ну, беги домой! - И я кинулась догонять ребят. - Ишь ты, и они уже повадились на сходки!

На другой день, когда мы, девчонки, пошли по воду, нам встретился у реки Дюйшен. Он перебирался вброд на другой берег с лопатой, кетменем, топором и каким-то старым ведром в руках.

С этого дня каждое утро одинокая фигура Дюйшена в черной шинели поднималась по тропинке на бугор к заброшенной конюшне. И лишь поздно вечером Дюйшен спускался вниз, к аилу. Частенько мы его видели с большущей вязанкой курая или соломы на спине. Заметив его издали, люди привставали на стременах и, приложив руку к глазам, удивленно переговаривались:

- Слушай, да это никак учитель Дюйшен несет вязанку?

- Он самый.

- Эх, бедняга! Учительское дело тоже, видно, не из легких.

- А ты как думал? Гляди, сколько прет на себе, не хуже, чем байский батрак.

- А послушаешь его речи, так куда там!

- Ну, это потому, что бумага у него с печатью: в ней вся сила.

Как-то раз, возвращаясь с полными мешками кизяка, который обычно собирали в предгорье над аилом, мы завернули к школе: интересно было посмотреть, что там делает учитель. Старый глинобитный сарай прежде был байской конюшней. Зимой здесь держали кобыл, ожеребившихся в ненастье. После прихода Советской власти бай куда-то откочевал, а конюшня так и осталась стоять. Никто сюда не

ходил, а все вокруг поросло репьем да колючками. Теперь сорняки, вырубленные с корнем, лежали в стороне, собранные в кучу, двор был расчищен. Обвалившиеся размытые дождями стены были подмазаны глиной, а скособоченная, разошедшаяся дверь, вечно болтавшаяся на одной петле, оказалась починенной и прилаженной на место.

Когда мы опустили свои мешки на землю, чтобы немного отдохнуть, из дверей вышел Дюйшен, весь заляпанный глиной. Увидев нас, он удивился, а потом приветливо улыбнулся, стирая с лица пот.

- Откуда это вы, девочки?

Мы сидели на земле подле мешков и смущенно переглядывались. Дюйшен понял, что мы молчим от застенчивости, и ободряюще подмигнул нам.

- Мешки-то больше вас самих. Очень хорошо, девочки, что заглянули сюда, вам ведь здесь учиться. А школа ваша, можно сказать, почти готова. Только что сложил в углу что-то вроде печки и даже трубу вывел над крышей, видите какая! Теперь осталось топлива на зиму заготовить, да ничего - курая много вокруг. А на пол постелем побольше соломы и начнем учебу. Ну как, хотите учиться, будете ходить в школу?

Я была старше своих подруг и поэтому решила ответить.

- Если тетка отпустит, буду ходить, - сказала я.

- Ну почему же не отпустит, отпустит, конечно. А как тебя звать?

- Алтынай, - ответила я, прикрывая ладонью колено, видневшееся сквозь дыру на подоле.

- Алтынай - хорошее имя. - Он улыбнулся как-то хорошо, что на сердце потеплело. - Ты чья будешь?

Я промолчала: не любила, когда меня жалели.

- Сирота она, у дяди живет, - подсказали подруги.

- Так вот, Алтынай, - снова улыбнулся мне Дюйшен, - ты и других ребят веди в школу. Ладно? И вы, девочки, приходите.

- Ладно, дяденька.

- Меня учителем зовите. А хотите посмотреть школу? Заходите, не робейте.

- Нет, мы пойдем, нам надо домой, - застеснялись мы.

- Ну, хорошо, бегите домой. Посмотрите потом, когда придете учиться. А я еще разок схожу за кураем, пока не стемнело.

Прихватив веревку и серп, Дюйшен пошел в поле. Мы тоже поднялись, взвалили на спины мешки и засемили к аилу. Мне вдруг пришла в голову неожиданная мысль.

- Стойте, девочки! - крикнула я своим подругам. - Давайте высыплем кизяки в школе - все больше топлива на зиму будет.

- А домой придем с пустыми руками? Ишь ты, умная какая!

- Да мы вернемся и насобираем еще.

- Нет уж, поздно будет, дома заругают.

И, уже не ожидая меня, девочки заторопились домой.

До сих пор не могу понять, что заставило меня в тот день решиться на такое дело. То ли я обиделась на подруг за то, что не послушались меня, и потому решила настоять на своем, то ли оттого, что с малых лет моя воля, мои желания были захоронены под окриками и подзатыльниками грубых людей, но мне вдруг захотелось хоть чем-нибудь отблагодарить незнакомого, в сущности, человека за его улыбку, от которой потеплело на сердце, за его небольшое доверие ко мне, за его несколько добрых слов. И я хорошо знаю, я убеждена в этом, что настоящая судьба моя, вся моя жизнь со всеми ее радостями и муками началась именно в тот день, с того самого мешка кизяка. Я говорю так, потому что именно в тот день я первый раз за всю свою жизнь, не задумываясь, не боясь наказания, решила и сделала то, что посчитала нужным. Когда подружки покинули меня, я бегом вернулась к школе Дюйшена, опорожнила мешок под дверью и тут же пустилась со всех ног по лощинам и балкам предгорья собирать кизяк.

Я бежала, не думая куда, словно бы от избытка сил, и сердце мое билось в груди так радостно, словно бы я совершила величайший подвиг. И солнце словно бы знало, отчего я так счастлива. Да, я верю, что оно знало, почему я так легко и вольно бегу. Потому что я сделала маленькое доброе дело.

Солнце уже склонилось к холмам, но оно, казалось мне, медлило, не скрывалось, оно хотело наглядеться на меня. Оно украшало мою дорогу: пожухлая осенняя земля стелилась под ногами в багряных, розовых и лиловых красках. Мерцающим пламенем проносились по сторонам метелки сухих чийняков. Солнце горело огнем на посеребренных пуговицах моего испещренного заплатами бешмета. А я все бежала вперед и мысленно ликовала, обращаясь к земле, к небу и ветру: «Смотрите на меня! Смотрите, какая я гордая! Я буду учиться, я пойду в школу и поведу за собой других!..»

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

РАЗДЕЛ 1.

Марк Фабий Квинтилиан

(около 35 — около 96, древнеримский оратор)

Марк Фабий Квинтилиан родился около 35 года нашей эры в Калагуре (Испания) в семье, принадлежавшей к верхам испанской знати. Отец и дед Квинтилиана были риториками.

Свое образование Квинтилиан получил в Риме, где слушал лучших ораторов своего времени. Благодаря упорному труду добился того, что провинциальное происхождение никак не сказалось на его речи.

Около 20 лет Квинтилиан обучал ораторскому искусству цвет римской молодежи - отпрысков самых знатных и богатых римских семей.

Около 88 года Квинтилиан прекратил преподавание и выступления в судах, посвятив себя составлению трактата «Воспитание оратора» в 12 книгах. Это самый большой из сохранившихся античных трудов по риторике. Квинтилиан становится не только выразителем вкусов высшего римского общества, но и реформатором литературного стиля, исследователем проблем латинского языка.

Мишель Монтень

(1533 — 1592, французский писатель, педагог и философ)

Монтень Мишель де, французский писатель, педагог и философ родился в 1533 г. в семье новоиспечённых дворян, которые вели свой род от богатых гасконских буржуа, живших в замке, Монтень близ Бордо. В детстве Монтень получил прекрасное педагогическое образование, а, закончив обучение в Тулузском университете, в 21 год получил судебскую должность.

В 1580-1588 гг. написал своё главное сочинение «Опыты» в трёх книгах. Первые две книги этого произведения были опубликованы в 1580 г. в Бордо. Третья книга и добавления, которые сделал Монтень к первым двум, носят в основном автобиографический характер.

В этих сочинениях, написанных в литературно-философском жанре, автор делится своими размышлениями над различными историческими фактами прошлого и настоящего, наблюдениями над бытом и нравами людей самых разных возрастов и состояний, уровня культуры и положения в обществе.

Ян Амос Коменский

(1592 — 1670, чешский педагог, писатель)

Ян Амос Коменский родился 28 марта 1592 года в Южной Моравии.

В 1618-1621 годах Я. А. Коменский был проповедником и одновременно учителем в другом чешском городке - Фульнеке. Здесь он много занимался самообразованием, внимательно изучал произведения гуманистов эпохи Возрождения, таких, как Т. Мор, Т. Кампанелла, Л. Вивес.

Именно в эти годы Я. А. Коменский начал создавать свой замечательный труд - «Дидактику», то есть общую теорию обучения.

Кроме этой книги, получившей название «Великая дидактика», в Лешно Коменским была написана первая в мире книга для родителей «Материнская школа» - о воспитании детей в семье, а также составлен целый ряд учебников - «Открытая дверь языков», «Физика», «Астрономия».

Выход в свет собрания дидактических сочинений Коменского явился эпохальным событием в истории педагогики.

Жак Жак Руссо (1712 — 1778, французский писатель, педагог и философ)

Жан-Жак Руссо родился 28 июня 1712 года в городе Женева, Швейцария. В юности, молодой человек перепробовал многие профессии: служил лакеем, писцом, гувернером, учителем музыки, а в 1741 году уехал в Париж. Здесь Руссо сблизился с Дени Дидро и другими просветителями, сотрудничал в энциклопедии, куда писал статьи главным образом по вопросам музыки.

Педагогический роман «Эмиль» вышел в 1762 году, в котором автор развивает деистическую доктрину. Его книга «Новая Элоиза» оказалась популярна, как и трактат «Общественный договор», где автор описал идеальное государство, свободный человеческий союз, власть в котором принадлежит всему народу, и в котором все равны.

Художественное наследие Руссо очень разнообразно по жанрам: это стихи, поэмы, комедии, оперы.

РАЗДЕЛ 2.

Николай Иванович Пирогов (1810-1881, выдающийся русский хирург, ученый и деятель народного образования)

Н.И. Пирогов закончил медицинский факультет Московского университета; впоследствии стал основателем нового направления в хирургии. Был профессором Дерптского университета, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Занимал должности попечителя Одесского (1856-1858), а затем Киевского (1858-1861) учебных округов, содействуя улучшению организации высшей и средней школы, повышению статуса педагогических советов учебных учреждений, постановке педагогического образования в высших учебных заведениях.

В своих статьях «Вопросы жизни» (1856) и «Быть и казаться» (1858) поставил важнейший вопрос цели образования, которую видел в воспитании истинного христианина, способного твердо следовать по избранному пути, деятельно отстаивать свои убеждения и идеалы.

Н.И. Пирогов был сторонником общедоступного и бесплатного образования, народного - в начальном, классического или реального - в среднем звене, выступал за расширение самостоятельности высших учебных заведений. Разрабатывал вопросы учебно-воспитательной работы в учебных заведениях, методик обучения, проверки знаний, проблему дисциплины и наказаний в школе и многие другие.

Константин Дмитриевич Ушинский (1824-1870, великий русский педагог и мыслитель)

Окончил юридический факультет Московского университета, вел педагогическую деятельность в Ярославском Демидовском лицее, Гатчинском сиротском институте, Смольном институте благородных девиц. Был главным редактором Журнала министерства народного просвещения. К.Д. Ушинский - один из основоположников русской педагогики и народной школы, основанной на национальной культурной традиции.

Автор выдающихся педагогических трудов - научного исследования «Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии» (1867-1869), ряда статей по философии и психологии образования, проблемам воспитания, дидактике, а также учебных

пособий «Родное слово» (1864- 1870) и «Детский мир» (1861-1865), по которым обучались многие поколения русских людей.

Надежда Константиновна Крупская

(1869—1939, советский политический деятель, педагог и организатор образования)

Цель воспитания видела в подготовке всесторонне развитого, внутренне дисциплинированного человека-коллективиста с коммунистической идеологией и моралью, атеиста, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать.

Разрабатывала вопросы самоуправления школьников. Теоретик политехнического и трудового воспитания и образования в системе коммунистического воспитания. Организатор, теоретик и методист дошкольного воспитания и пионерского движения. «Поменьше барабанного боя и побольше углубленной работы» — основа деятельности вожатых с пионерами.

Статьи Крупской по вопросам преподавания отдельных учебных предметов в школе, по организации самообразования школьников интересны и полезны и в настоящее время. Профессию учителя считала не только почетной, но и одной из «наиболее захватывающей».

В своих работах особенно много внимания уделяла сельскому учителю как проводнику новых идей в деревне. Воспитание в советской школе, по ее мнению, не могло отрываться от семьи.

Станислав Теофилович Шацкий

(1878 -1934, российский и советский педагог-экспериментатор, автор многих трудов по вопросам воспитания)

Педагогическую деятельность начал в 1905 г. с создания первых в России клубов для детей и подростков рабочих окраин Москвы, летней колонии в Щёлкове (близ Москвы).

В 1906 г. организовал общество «Сетлемент» (совместно с А. У. Зеленко, Л. К. Шлегер и др.), которое в 1908 г. было закрыто полицией за пропаганду социализма среди детей, а сам Шацкий арестован. С 1909 г. руководил обществом «Детский труд и отдых».

Основное место в педагогическом творчестве Шацкого в начале XX в. занимала культурно-просветительская работа с населением, прежде всего с детьми. Шацкий сплотил группу педагогов-энтузиастов, осуществил опыт постановки внешкольной работы, основанной на уважении к личности ребёнка и направленной на воспитание детей в духе коллективизма, развития их творческих способностей.

В своих учреждениях Шацкий вёл поиск новых форм и методов воспитательной работы, организовывал мастерские, клубные занятия. Приступил к изучению проблем детского коллектива. Содержание и методы работы с детьми Шацкий изложил в монографии «Бодрая жизнь» (1914 г., совместно с В. Н. Шацкой).

Антон Семенович Макаренко

(1888-1939, советский педагог-экспериментатор и писатель)

А.С.Макаренко прошел сложный путь, наполненный стремлением создать нового совершенного человека, постоянным педагогическим трудом и полемикой с противниками его теории, верой в светлое будущее и разочарованиями.

Обладая мышлением педагога-теоретика и экспериментаторским талантом, Макаренко всю свою научную деятельность связал с воспитательной практикой. Глубокое знание отечественного педагогического наследия и собственный педагогический опыт позволили ему уже в 20-е гг. подойти к разработке системы воспитания, которая, по его мысли, должна была отвечать задачам строительства нового общества.

Ядро учения Макаренко - теория воспитательного коллектива как формы педагогического процесса, в котором формируются присущие объединению людей нормы,

стиль жизни и отношения. Он разработал вопросы строения и организации коллектива, методов воспитания в нем, взаимоотношений с личностью ребенка и связи с другими коллективами; методику организации трудового и эстетического воспитания, формирования сознательной дисциплины, создания воспитывающих традиций, которые он рассматривал в единстве с многосторонней жизнедеятельностью детей.

Педагогический опыт Макаренко, его педагогические взгляды отражены в художественном творчестве. Деятельность Колонии им. М. Горького описана в «Педагогической поэме» (ч. 1-3, 1933-1935), Коммуны им. Ф. Э. Дзержинского - в повести «Флаги на башнях» (1938). Воспитанию в семье посвящена «Книга для родителей» (1937, совместно с Г. С. Макаренко).

РАЗДЕЛ 3.

Васи́лий Алекса́ндрович Сухомлинский

(1918-1970, советский педагог-новатор, детский писатель, создатель педагогической системы, основанной на признании личности ребёнка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования)

В.А. Сухомлинский — автор сорока монографий и брошюр, более 600 статей, 1200 рассказов и сказок. Научные монографии и статьи Василий Александрович писал на русском языке. Художественную прозу — на украинском. Общий тираж его книг составил около четырёх миллионов экземпляров на различных языках.

В своей книге «100 советов учителю» Сухомлинский писал о том, что ребёнок является существом, которое мыслит, познает мир не только вокруг себя, но ещё и познает самого себя. Причём это знание приходит не только умом, но и сердцем. По-настоящему любит свой предмет лишь тот педагог, который на уроке излагает сотую долю того, что знает. Чем богаче знания педагога, тем ярче раскрывается его личное отношение к знаниям, науке, книге, умственному труду, интеллектуальной жизни. Это интеллектуальное богатство и есть влюбленность учителя в свой предмет, в науку, школу, педагогику.

Труд должен стать главным в жизни ученика. Чтобы ребёнку хотелось хорошо учиться, и этим он стремился приносить радость матери и отцу, нужно беречь, лелеять, развивать у него чувство гордости труженика. Это значит, что ребёнок должен видеть, переживать свои успехи в учении. Человеческие отношения раскрываются ярче всего в труде — когда один что-то создаёт для другого.

Виктор Фёдорович Шаталов

(1927-2020, педагог-новатор, народный учитель СССР (1990), участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Дружбы (2007), заслуженный учитель Украины, профессор Донецкого института социального образования, лауреат нескольких международных премий)

После окончания педагогического института Шаталов работал учителем математики в родном Донцке. В 26 лет он стал директором школы. Столкнувшись с проблемой низкой результативности школьного обучения, Шаталов стал экспериментировать и через несколько лет создал весьма эффективную систему обучения с использованием опорных сигналов, согласно которой учебный материал подавался в вербально-графической форме.

Шаталов убежден: необучаемых детей не бывает, бывают непрофессиональные педагоги. Идти от целого к части, опираться не на зубрежку, а на понимание — вот основа его методики. Обучение педагог сравнивал с разглядыванием картины. Если разбить полотно на кусочки и

изучать их по отдельности, неизвестно, сложится ли целостное восприятие изображения. Но если вначале дать представление о целом, то кусочки легко встанут на свои места, и мозаика сложится.

Система Шаталова включает в себя шесть элементов: повторение, проверку знаний, систему обеспечивающую эффективную работу механизма понимания текста, получив при этом огромный выигрыш и во времени, и в качестве усвоения учебного материала.

В система Шаталова много нюансов, блестящих методических находок. Ее надо видеть — и эта возможность сейчас существует: созданы видеофильмы с уроками Шаталова по алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, астрономии.

По его методике изданы учебники и учебные пособия. Сам он написал более 50 книг, которые переведены на 17 языков мира.

Симон Львович Соловейчик

(1930-1996, теоретик педагогики, журналист, писатель, общественный деятель, педагог, публицист, радиоведущий, телеведущий, корреспондент, колумнист).

В 1986 году приходит работать в «Учительскую газету» простым корреспондентом. Именно в то время, работая в «Учительской газете», Соловейчик стал разрабатывать новое педагогическое направление — педагогику сотрудничества, в которой воспитание рассматривалось не как воздействие на ребенка, а как диалог педагога и ученика, взрослого и ребенка.

Он организует первые встречи педагогов-экспериментаторов, которые до этого были известны лишь узкому кругу лиц, инициирует с ними встречи на центральном телевидении. Именно он познакомил страну с Шалвой Амонашвили из Тбилиси, Евгением Ильиным из Санкт-Петербурга, Виктором Шаталовым из Донецка... У каждого из них был свой конек, своя изюминка. К сожалению, сегодня имена многих из них, кроме Ш.А. Амонашвили, практически забыты.

Вместе с открытыми им учителями Симон Соловейчик выпускает Манифест новой демократической школы. Соловейчик обобщил опыт их работы в книге «Педагогика сотрудничества». Именно сотрудничества, ведь успех зависит от двух составляющих: учитель - ученик.

В 1992 году Симон Львович ушел из исчерпавшей себя на тот момент «Учительской газеты», и основал и возглавил газету «Первое сентября». На ее страницах он говорил о педагогике сотрудничества, знакомил с новыми именами в этой области, размышлял вместе с читателями о проблемах современной педагогики. Именно на ее страницах в 1994 году Симон Львович опубликовал Манифест «Человек Свободный», в котором очень кратко и понятно выражены основные идеи воспитания свободного человека.

Шалва Александрович Амонашвили

(1931 года рождения, психолог и педагог, новатор в области педагогики, исследователь. Создатель собственной методики работы с детьми. Автор огромного количества трудов по педагогике и психологии)

Шалва Амонашвили - один из величайших психологов и педагогов советского периода. Его работа с учениками проходит по системе лично-гуманного подхода. В его основе лежит совокупность педагогики, философии и основ бытия. Методика направлена на обучение, воспитание и личностное развитие каждого отдельно взятого ребенка, выстраивание доверительных отношений, основанных на взаимоуважении. Система доказала, что способна дать мощный толчок и направить ребенка к знаниям и духовному развитию.

Шалва Александрович стал учителем-первооткрывателем, который сказал, что педагогика сотрудничества должна идти вместе с опытом и современностью. Его методы не

ломают ребенка, а делают его равным признавая все его сильные и слабые стороны. В работе у него основными принципами стали:

- Любовь к детям;
- Душевный комфорт для ребенка и равновесие;
- В каждом из учеников прожить самого себя;

Шалва Александрович написал и издал огромное количество методической литературы, в которой подробно и четко расписал не только идею, но и возможные пути решения разнообразных ситуаций. Сам Амонашвили сегодня возглавил собственный издательский дом. А также вместе с академиком Зуевым создает «Антологию Гуманитарной Педагогики» с античных времен и до наших дней.

РАЗДЕЛ 4.

Джон Дьюи

(1859-1952, американский философ и педагог, представитель философского направления прагматизм)

Автор более 30 книг и 900 научных статей по философии, эстетике, социологии, педагогике и другим дисциплинам. Его труды в области оказали мощное влияние как на принципы организации американской школы, так и на теорию и практику образования во всем мире.

В 1928 году Дьюи приехал в Советский Союз, чтобы помочь Наркомпросу в освоении «способа проектов». Идеи прагматизма и метод проектов привлекали внимание педагогов многих стран, в том числе и России, и считались средством для построения школы нового типа. Профессор Кумарин писал: «Ленину очень хотелось, чтобы пролетарские детишки росли здоровыми, не витали в облаках «всестороннего развития личности», а как можно раньше распознавали своё призвание и не болтались в жизненной проруби как круглые отличники».

Дьюи выступал за практическую направленность воспитания, предлагая решать его задачи посредством спонтанного развития: «Ребёнок — это исходная точка, центр и конец всего. Надо иметь в виду его развитие, ибо лишь оно может служить мерилом воспитания».

Накопление ребёнком личного опыта ведёт к воспитанию его личности. Исходя из этого, Дьюи выдвинул идею создания «инструментальной» педагогики, строящейся на спонтанных интересах и личном опыте ребёнка. Согласно этой концепции обучение должно сводиться преимущественно к игровой и трудовой деятельности, где каждое действие ребёнка становится инструментом его познания, собственного его открытия, способом постижения истины.

Конечным итогом обучения считалась выработка навыков мышления, под которыми понималась способность в первую очередь к самообучению. Целями обучения выступали умение решать жизненные задачи, овладение творческими навыками, обогащение опыта, под которым понимались знания как таковые и знания о способах действия, а также воспитание вкуса к самообучению и самосовершенствованию.

Александр Сазерленд Нилл

(1883 — 1973, новатор в области образования, автор книг о воспитании детей и основатель школы «Саммерхилл»)

А. С. Нилл написал множество книг, включая серию «Dominie», начатую книгой *A Dominie's Log* (1916). Его наиболее известная работа *Summerhill: A Radical Approach to Child Rearing* (1960) получила мощный отклик в образовательных кругах США. Его последняя книга была автобиографией, *Neill, Neill, Orange Peel!* (1973). Он также писал юмористические книги для детей, например, *The Last Man Alive* (1939).

На философию Александра Нилла оказали большое влияние работы Марии Монтессори, Зигмунда Фрейда и Вильгельма Райха

В 1921 году Нилл основал школу **Саммерхилл** для практической демонстрации своих образовательных теорий. Он был убежден, что дети учатся лучше, когда они не обязаны посещать занятия. В школе также были введены принципы демократии с регулярными собраниями для определения правил школы. Ученики имели такое же право голоса, как и учителя.

Опыт Саммерхилла демонстрировал, что в отсутствие принуждения, существующего в традиционных школах, ученики вырабатывают собственную мотивацию, а не бездельничают. Навязанная извне дисциплина, как полагал Нилл, мешает формированию внутренней самодисциплины, и поэтому, как он считал, дети, посещавшие Саммерхилл, выходят из школы с более развитыми навыками критического мышления и лучшей самодисциплиной, чем ученики традиционных школ, основанных на принудительном посещении занятий.

Инспекция, проведенная **OFSTED** в Саммерхилле в 2007 году, подтвердила хорошее качество образования в этой школе. Саммерхилл также был одобрен **ООН** как оказывающий лечебное влияние на детей.

Селестен Френе

(1896 -1966, французский педагог, организатор и руководитель экспериментальных начальных школ)

С. Френе выделил следующие педагогические установки: 1. Максимальное развитие личности ребёнка в разумно организованном обществе, которое будет служить ему, и которому он сам будет служить. 2. Школа завтрашнего будет ориентирована на ребёнка-члена общества. 3. Ребёнок сам строит свою личность, а мы в этом ему помогаем. Надо создать возможности для свободного выражения каждого в любой области. 4. Труд станет основополагающим принципом, движущей силой и философией народной школы. 5. Светлая голова и умелые руки лучше, чем ум, перегруженный ненужными знаниями. 6. Разумная дисциплина — результат организованного труда. 7. Народная школа не может существовать без демократического общества.

Главным в воспитании считал: 1. Здоровье ребёнка, развитие его творческих возможностей, стремление к познанию; 2. Создание благоприятной среды; 3. Оборудование и технические средства (С. Френе предложил оригинальную конструкцию простейшей обучающей машины).

Им была разработана педагогическая технология (техника Френе), которая предусматривала оригинальные формы воспитания и обучения. Она состояла из ряда различных по функциям элементов: школьной типографии, школьного самоуправления, «свободных текстов» (детские сочинения), карточек для персональной работы, особой библиотеки учебных пособий и пр.

Мария Монтессори

(1870 — 1952, итальянский врач и педагог, наиболее известна своей уникальной педагогической системой, основанной на идее свободного воспитания, которая носит её имя)

Её педагогическая система до настоящего времени используется во многих государственных и частных школах по всему миру, действует Международная Монтессори-ассоциация.

Одним из многих достижений Монтессори был метод обучения детей младшего возраста, получивший всемирное признание как «метод Монтессори», подробно описанный в одноимённой книге. Этот метод делает акцент на развитие собственной инициативы и естественных способностей ребёнка, главным образом путём практических игр. Метод Монтессори позволяет детям развиваться в своём собственном темпе и даёт учителям новое понимание развития ребёнка.

По оценке американской исследовательницы жизни и деятельности Монтессори Р. Крамер, «основные работы, опубликованные до 1920 года («Метод Монтессори», «Педагогическая антропология», «Усовершенствованный метод Монтессори — самостоятельная деятельность в образовании» и «Элементарный материал Монтессори»), были написаны Марией на итальянском языке и переведены под руководством автора».

РАЗДЕЛ 5.

Тоголок Молдо

(настоящее имя — Байымбет Абдырахманов, 1860—1942) — киргизский советский акын, исполнитель эпоса «Манас»

Тоголок Молдо (настоящее имя - Байымбет Абдырахманов) - знаменитый киргизский акын и знаток фольклора. Он прославился исполнением эпоса «Манас» и других национальных сказаний. Также он известен как автор множества литературных произведений в стихах.

За свою запоминающуюся внешность и выдающиеся способности он получил прозвище Тоголок Молдо (кругляк). Оно связано с тем, что у парня было крепкое телосложение и невысокий рост. Кроме того, за тягу к знаниям современники называли его «умником». Прозвище настолько подходило будущей знаменитости, что он сделал его своим псевдонимом.

Его считают создателем первых киргизских басен. Кроме того, ученый-этнографист собрал большое количество легенд, пословиц и поговорок.

Токтогул Сатылганов

(1864-1933, киргизский советский народный акын-демократ, певец и комузист)

Мать его была талантливой и известной в своем округе плакальщицей. Она и пробудила в сыне желание петь и сочинять.

Токтогул овладел всеми жанрами акынского песенного творчества. Как и все акыны, он начинал свой творческий путь с освоения массовых жанров песенного фольклора. Первые его сочинения были созданы в духе лирических народных песен. Постепенно на первый план в творчестве Токтогула Сатылганова выходят произведения политического и социально-критического содержания. Он интерпретировал некоторые народно-песенные жанры, придавая им актуальный для своего времени смысл.

В 1898 г. Токтогул принял участие в Андижанском крестьянском восстании, после чего был арестован и приговорен к смертной казни через повешение, которая была заменена семилетней сибирской каторгой. В иркутской тюрьме Сатылганов провел пять лет.

После нескольких попыток ему удалось бежать, и в 1910 г. он вернулся домой. За это время его сын умер, а семья распалась. Но эти трудности не сломили Токтогула, и он стал известнейшим акыном, «голосом» простого народа.

В 1928 г. Народный комиссариат просвещения Киргизской автономной республики вызвал Токтогула как известнейшего акына во Фрунзе (сейчас - Бишкек) для записи его произведений. Тогда в исполнении Токтогула было записано 18 произведений.

Осмонкул Болобалаев

(1888—1967) — акын-импровизатор, народный артист Киргизской ССР (1942), член Союза писателей СССР (1940).

Родился в кыштаке Чон-Далы Кантского уезда, ныне Чуйской области, в семье манапа. Болебала, отец Осмонкула, хотел видеть своего сына образованным человеком. Будущий акын учился в мусульманской школе, был знаком с казахской и узбекской поэзией, знал отрывки казахских дастанов «Кыз Жибек», «Козу Керпеш, Баян сулуу» и пел их в сопровождении домбры.

На профессиональное становление Болобалаева определенное влияние оказал Калык Акиев, который с 1918 г. выступал вместе с ним. В 1925 г. на празднике по случаю годовщины

образования Киргизской автономной области Осмонкул с Калыком были назначены глашатаями-жарчы.

В 1926 г. Осмонкул был делегирован в Баку на тюркологический съезд для участия в концертной программе. В том же году он был принят в Кыргызскую национальную музыкально-драматическую студию, в концертах которой выступал как акын-импровизатор, а в спектаклях — как актер.

С 1936 г. Осмонкул Болебалаев работал солистом-акыном Кыргызфилармонии. На протяжении нескольких лет возглавлял концертную бригаду филармонии и пользовался успехом у слушателей везде, где выступал. В первой Всекиргызской олимпиаде народного музыкального творчества Осмонкул участвовал с акынской импровизацией.

Песенно-поэтическое наследие Осмонкула Болебалаева состоит из произведений различных акыньских жанров, среди которых — сользные и диалогические песни в их традиционных дидактических, исторических, лирических, сатирических и иных разновидностях.

В Кыргызстане изданы шесть книг Осмонкула Болебалаева, содержащих как песенные тексты, так и стихотворения.

Мукай Элебаев

(1905-1943, киргизский, советский писатель, переводчик)

Мукай Элебаев является одним из зачинателей киргизской советской профессиональной литературы. В 1924 г. в одном из первых номеров газеты «Эркин-Тоо» опубликовано стихотворение «Зарыгам» («Томлюсь»), в котором автор остро ставит вопрос о преодолении неграмотности своим народом, выражал стремление киргизской молодежи овладевать знаниями. В стихотворении «Наша молодежь», опубликованном в 1928 г., он радуется тому, что дети кочевников, пастухов и батраков начали учиться в Москве, Ташкенте, Алма-Ате и др. Первый поэтический сборник «Ырлар жыйнагы» издан в 1931 г.

Мукай Элебаев является автором крупного романа «Узак жол» («Долгий путь») — первого опыта реалистической прозы автобиографического характера в киргизской литературе. Логическим продолжением этого романа явились очерк «Кыйын кезең» («Трудная переправа»), изданный в 1938 г., рассказы «Зарлык» и «В буранный день». В 1943 г. издан поэтический сборник «Улуу марш» («Великий марш»), в который вошли стихотворения поэта, написанные на фронте в годы Великой Отечественной войны.

М. Элебаев является одним из первых киргизских писателей, занимающихся переводом произведений мировой и русской классики на киргизский язык. Им переведены произведения Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, сказки А. С. Пушкина, стихи С. Маршака и др. Его роман «Долгий путь» издан на русском и латышском языках.

Джоомарт Боконбаев

(1910-1944, кыргызский поэт, драматург)

В 1933 году издан первый поэтический сборник «Начало труда». Первым среди киргизских поэтов ввел в кыргызскую литературу образы рабочих, энтузиастов промышленных строек республики.

Значительную роль в творчестве поэта сыграла его поэма «Алтын кыз» («Золотая девушка»), изданная в 1935 году. По сюжету была создана музыкальная драма, либретто опер «Ай-Чурек», «Токтогул», пьеса «Семетей» и др. В 1939 году во время первой декады кыргызского искусства и литературы в Москве «Алтын кыз» и «Ай-Чурек» были представлены на суд московского зрителя. Поэма «Золотая девушка» была издана в 1936 году на русском языке. Впоследствии увидели свет на русском языке несколько изданий произведений Ж.

Боконбаева. Многие стихотворения, переложенные на музыку, стали любимыми песнями кыргызского народа.

Перу поэта принадлежат переводы на кыргызский язык ряда произведений Ш.Руставели, А.С. Пушкина, М. К. Лермонтова и др. Член СТП СССР с 1934 года. Награждён орденом «Знак Почёта». Поэт трагически погиб во время служебной командировки, при подготовке к съёмкам фильма по сюжету эпоса «Манас».

Джусуп Турусбеков

(1910-1944, кыргызский поэт, писатель, драматург, общественный деятель)

Литературной деятельностью начал заниматься с 1928 года, является автором сборников «Стихи Джусупа» (1932), «Жизнерадостная молодёжь» (1933), «Отечество» (1938), автор пьесы «Не смерть, а жизнь» («Аджал ордуна», 1935), «События в Беш-Мойноке» (1937).

Совместно с К. Маликовым и Дж. Боконбаевым написал либретто оперы «Айчурек» в 1939 году.

Занимался переводом, перевёл на киргизский язык пьесу «Каменный гость» из цикла «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина, произведения Г. Гейне и другие.

Был участником Первого съезда советских писателей.

Поэму «Трагедия разбойника» отправил с фронта полевой почтой в редакцию газеты «Кызыл Кыргызстан», произведение было опубликовано в 1942 году.

Кубанычбек Маликов

(поэт, драматург)

К. Маликов является одним из зачинателей киргизской советской профессиональной литературы. В 30-е гг. он трудился в основном в жанре прозы и поэзии. В эти годы он создал рассказы «Красный Алай» (1934 г.), «Счастливая девушка» (1935 г.), «Желтый козленок» (1935 г.) и др., поэмы «Жапар и Шарипа», «Жертвы напыщенности» и др. Изданы сборники стихотворений «Стихотворения Кубанычбека» (1938 г.), «Избранные стихи» (1938 г.), «Новые стихи» (1939 г.) и др.

В 1935 г. К. Маликов создает цикл стихотворений «Театрдык ырлар» («Стихи для театра»), которым внес значительный вклад в создание и формирование киргизской эстрады. Для поэтического творчества К. Маликова 40—50-х гг. характерна эпическая масштабность.

Маликов принимал активное участие в изучении и издании эпоса «Манас». Совместно с А. Токомбаевым много лет работал над сводным трехтомным вариантом этого эпоса. Этот вариант переведен на казахский, таджикский и узбекский языки.

Он является одним из переводчиков на киргизский язык партийного Гимна «Интернационал», соавтором Государственного Гимна Киргизской ССР. Им переведены также некоторые произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского, Т. Г. Шевченко, С. Стальского и др.

Алыкул Осмонов

(1915 -1950, киргизский поэт, драматург, переводчик)

В 1933 окончил педагогический техникум во Фрунзе, работал журналистом. До 1936 работал в редакциях журнала «Чабуул», газеты «Ленинчил Жаш». Печатался с 1930.

В 1935 опубликовал первый сборник стихов «Песни рассвета». Автор сборников «Звёздная молодость», «Чолпонстан» (оба — 1937), «Любовь» (1945), «Новые песни» (1949) и др.

Много писал и переводил для детей.

Работал в области драматургии: пьесы «Объездчик Кооман» (1947), «Абулкасым Джанболотов» (1948), драматическая комедия «Надо отправляться в Мерке» (1949) и др.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» Шоты Руставели в переводе Осмонова выдержала шесть переизданий. Перевёл произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова и др. Награждён орденом «Знак Почёта».

Чингиз Торокулович Айтматов

(1928-2008, кыргызский и всемирно известный писатель)

Народный писатель Киргизии и Казахстана. Лауреат Ленинской премии и трех Государственных премий СССР, Европейской литературной и Международной премии имени Джавахарлала Неру. В 2007 году получил высшую награду правительства Турции за вклад в развитие культуры тюркоязычных стран.

Творческая биография писателя началась 6 апреля 1952 года с опубликованного в газете «Комсомолец Киргизии» рассказа «Газетчик Дзюйдо». Первый художественный текст Айтматов написал на русском языке - одном из двух родных.

В июне 1957 года журнал «Ала-Тоо» напечатал первую повесть молодого писателя «Лицом к лицу». В том же году вышла в свет «Джамиля» - интересно, что повесть, сделавшая писателя знаменитым, была издана сначала в переводе на французский язык.

Первый роман Айтматова выйдет лишь в 1980 году. В романе «И дольше века длится день» сплетаются реалистичные события жизни Буранного Едигея с фантастической линией контакта человечества с инопланетной цивилизацией. Складывается впечатление, что достичь понимания с инопланетянами людям проще, чем договориться между собой.

Вторично к жанру научной фантастики писатель вернулся в середине девяностых, написав «Тавро Кассандры» - повесть о создании искусственных людей. Остальные произведения написаны в жанре реализма.

Умирает главный герой «Белого парохода» - мальчик, верящий в сказки, когда убивают его Олениху. Вообще народные сказки и легенды - важная часть сюжетов Айтматова. Мифологические образы иногда оказываются ярче главных героев. Из легенды о суровых захватчиках, превращавших пленников в рабов, лишенных самостоятельности и памяти, перекочевало в русский язык слово и понятие «манкурт» - человек, забывший свои корни.

Второй роман Айтматова, «Тлаха», выходит в 1986 году. В этот период в СССР Михаилом Горбачевым начата Перестройка, и стало возможно писать о проблемах страны. Но даже на фоне разрешенной гласности «Тлаха» производит поразительный эффект - роман поднимает сразу несколько острых вопросов, рассказывает о наркомании и коррупции, о вере и служителях церкви.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАДАНИЙ ДЛЯ РАБОТЫ С ХРЕСТОМАТИЙНЫМИ ТЕКСТАМИ

Результатом работы с текстами по этой хрестоматии могут стать анализ и выделение уникальных и универсальных характеристик, причин описываемых проблем, формирование гипотез по их разрешению.

Работа с текстами каждого раздела предполагает установление связи с материалами предыдущих разделов, а также обращение к дополнительным источникам. Содержание текстов может стать основой для разработки проекта как итогового задания к зачету.

Содержание хрестоматии по развитию профориентационной работы в образовательных организациях носит открытый характер, допускающий дополнения и обновления с учетом происходящих в современном образовании изменений.

Первичное освоение материала рекомендуется осуществлять во внеаудиторной работе.

Формами работы с предложенными текстами могут быть заполнение таблиц, составление хронологий, аннотирование и реферирование текстов из хрестоматии и самостоятельно найденных соответствующих тематических источников, написание аналитического эссе, эссе и т.д.

Во время учебных занятий предполагаются систематизация и закрепление знаний, развитие умений точно и доказательно выражать свои мысли, используя цитаты из тех или иных предложенных материалов хрестоматии; умений вести диалог и оппонировать.

Рекомендуемыми формами работы являются групповые дискуссии, просмотр и обсуждение фильмов и видеопрезентаций, представление и защита мини-проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ

1. Марк Фабий Квинтилиан. Правила ораторского искусства. Печатается по изданию: М. Фабий Квинтилиан. Правила ораторского искусства: Кн. 10. (Пер. В. Алексеев.) — СПб., 1896.—С. 1—3, 3—4, 5—7, 41—44, 46—47.
2. Мишель Монтень. Опыты. Мишель Монтень. Опыты, кн. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 189-212.
3. Ян Амос Коменский. Великая дидактика. Педагогические сочинения в 2-х томах. Составитель: А.Н. Джуринский. – Москва: Педагогика, 1981. – 656 с.
4. Жан Жак Руссо. Эмиль, или о воспитании. Педагогические сочинения в 2-х томах. Составитель: А.Н. Джуринский. – Москва: Педагогика, 1981. – 656 с.

РАЗДЕЛ 2. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ПЕДАГОГОВ XIX-XX ВЕКА

5. Н.И. Пирогов. Вопросы жизни. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. /Сост. А.Н.Алексюк, Г.Г.Савенок. – М.: Педагогика, 1985. – С. 29
6. К. Д. Ушинский. Труд в его психическом и воспитательном значении. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. Вопросы воспитания. - М., 1958.- С. 306-326.
7. Н.К. Крупская. Выбор профессии. О политехнизме. Пед. соч., т. 4, 1955 г. С. 577-582.
8. С.Т. Шацкий. О сообществах сотрудников. О путях к новой школе. Шацкий С. Т. Педагогические сочинения: в 4 т. / под ред. И. А. Каирова [и др.]; Акад. пед. наук РСФСР. — М.: Просвещение, 1962—1965.
9. А. С. Макаренко. Выбор профессии. Мн., «Нар. света», 1977.

РАЗДЕЛ 3. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ПЕДАГОГОВ-НОВАТОРОВ

10. В.А. Сухомлинский Сто советов учителю. Киев: Радянська школа, 1984. - 254 с. - (Педагогическая б-ка).
11. В. Д. Шаталов. О профессии учителя. / Педагогический поиск. М., 1988.
12. С. Л. Соловейчик. От интересов к способностям. Народный университет, М., 1968.
13. Ш.А. Амонашвили. Новая школа — это учитель. // Психологическая газета. М., 2021.

РАЗДЕЛ 4. ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА ВЫБОРА ПРОФЕССИИ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕДАГОГОВ

14. Джон Дьюи. Школа и общество. руководство / Д. Дьюи; пер. Г. А. Лучинский. Москва.: Государственное издательство, 1924. 174 с.
15. Александр Нилл. Саммерхилл – воспитание свободой. Книги для роста/ Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. Москва.: ООО «Издательство АСТ», 2020.
16. Селестен Френе. О концепции нового воспитания. Френе С. Избранные педагогические сочинения / Вступит. статья Б.Л. Вульфсона. - М.: Прогресс, 2011.- 322 с.
17. Мария Монтессори. Подготовка учителя. Пер. с англ. И.Дичковской // Альманах «МАМА»: Научно-методическое издание Межрегиональной альтернативной Монтессори ассоциации. – Вып. 1. – М., 1994. – С. 354

РАЗДЕЛ 5. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЮБВИ К ТРУДУ И К ПРОФЕССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЫРГЫЗСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

18. Произведения, стихи Тоголок Молдо, Токтогул Сатылганова, Осмонкул Болобалаева, Мукай Элебаева, Джоомарт Боконбаева, Джусуп Турусбекова, Кубанычбек Маликова взяты из книги «Антология педагогической мысли Киргизской ССР». Составитель А.И. Акулова – Москва: Педагогика, 1988. – 368 с.
19. Стихи Алыкула Осмонова. Учитель, Маляр, Дувалчи, Плотник взят из книги «Навек Иссык-Куль полюбила Нева».../Избранные стихи и поэмы. 2013. – 368 с.
20. Чингиз Айтматов. Первый учитель. Эксмо, 2013. Серия: Детская библиотека.

Если вы хотите добиться успеха, избегайте шести пороков: сонливости, лени, страха, гнева, праздности и нерешительности.

Конфуций (китайский философ и мыслитель)

Работа избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока, нужды.

Вольтер (французский философ-просветитель XVIII века)

Я уважаю вообще все профессии, если человек в них профессионал.

Владимир Семенович Высоцкий (русский поэт, актер)

Успех не случайность. Это тяжелая работа, настойчивость, обучение, изучение, жертвоприношение и прежде всего, любовь к тому, что вы делаете или учитесь делать.

Пеле (великий футболист)

«Чтобы достичь успеха, нужно быть обаятельным. Обаяние проявляется во всём и ни в чём одновременно — в исходящей от вас энергии, во взгляде, походке, телосложении, звуке голоса, изящной жестикуляции. Вовсе не обязательно быть признанным красавцем или красавицей, главное — обладать личным обаянием»

Бернар Стиглер (французский философ и антрополог XX века)

Половина того, что отделяет успешных предпринимателей от неудачников — это настойчивость.

Стив Джобс (американский предприниматель, изобретатель и промышленный дизайнер)

Вот мою дочь как-то спросили, когда ей было шесть, кем она будет, когда вырастет. А это ужаснейший вопрос для людей любого возраста. И она сказала: «Я поэт». И это действительно так. Я ей даже позавидовала, ведь она так уверенно об этом сказала.

Тильда Суинтон (британская актриса)